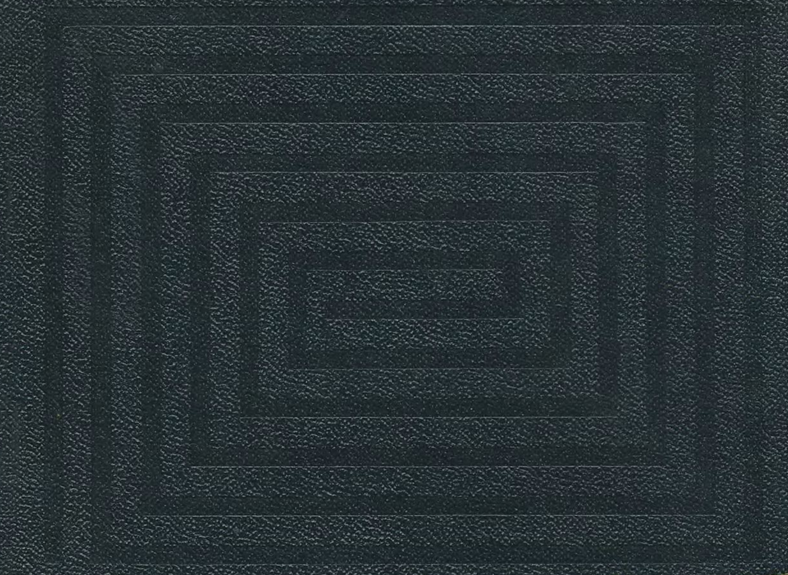
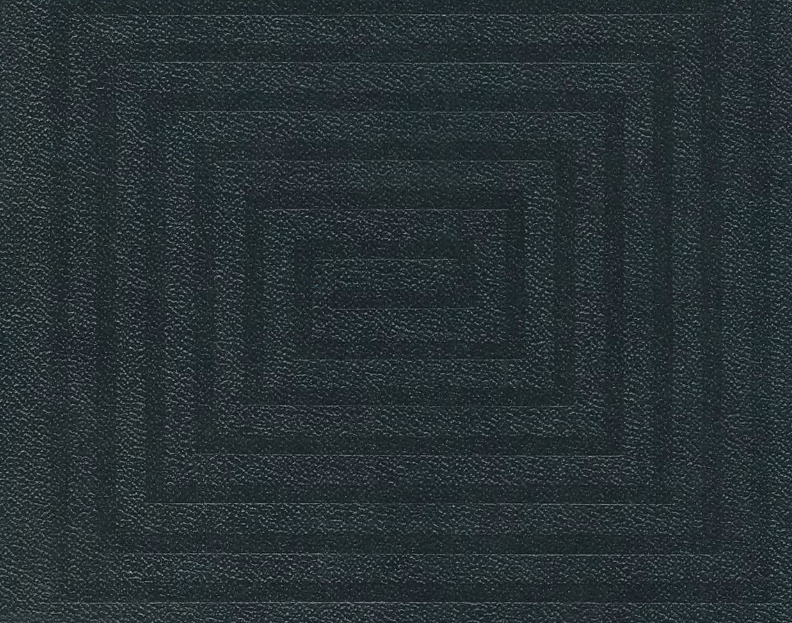
П. АНТОКОЛЬСКИЙ

1



П. Антокольский



Издательство
«Художественная литература»
Москва 1971

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Издательство
«Художественная литература»
Москва 1971

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1915—1940

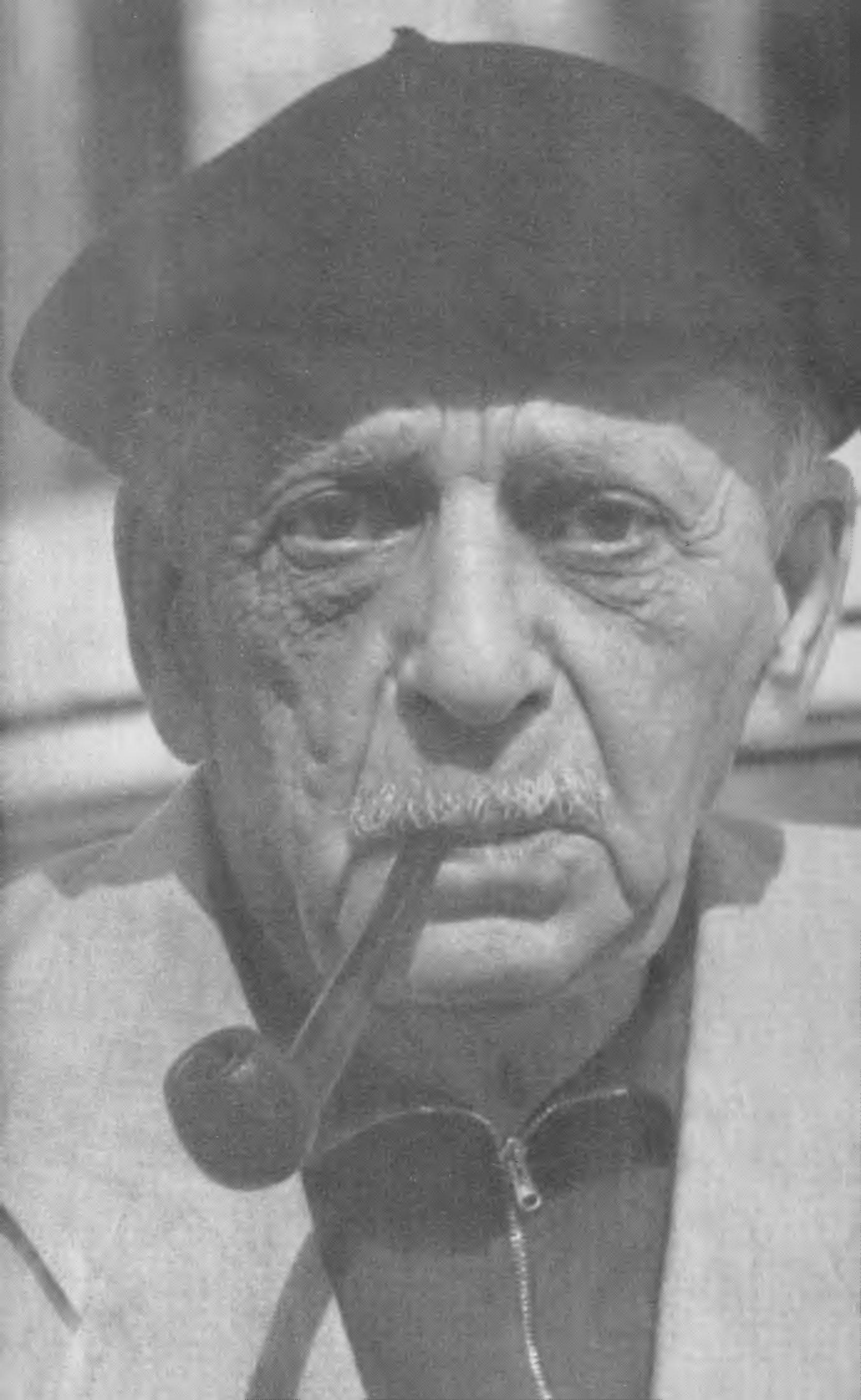
Издательство
«Художественная литература»
Москва 1971

Р2
А72

Оформление художника
А. ЛЕПЯТСКОГО

7—4—2

Подп. изд.



Строки этой прозы предваряют первое собрание моих сочинений. Каждый писатель стремится выразить себя, свое мировоззрение, свое духовное и гражданское развитие, свой характер и путь в том, что он пишет. На то он и писатель! Тем полнее удается ему это сделать, чем дольше он прожил, чем дольше работал. А моя работа растянулась более чем на пятьдесят лет — это если взять точкой отсчета 1921 год, когда мои стихи впервые были опубликованы. Но и до этой публикации я писал стихи и драматические произведения чуть ли не целое десятилетие. Как же тут не быть уверенным, что я сказал все, что можно было и должно сказать «о времени и о себе»?

В первых двух томах этого собрания представлено то, что мне казалось достойным в моей поэзии — лирические и гражданские циклы, поэмы и драматические поэмы. Впервые сюда же включены мои ранние вещи начала века, десятых годов, малая их часть.

В третьем и четвертом томах представлена проза. Это сказки, путевой журнал о пребывании во Вьетнаме в 1958 году, очерки о великих поэтах отечественной и мировой поэзии, а также о современных — о тех, что ушли из жизни, о живых, работающих рядом и сегодня. Среди последних есть и такие, что значительно моложе пишущего эти строки.

Но если рассказ о других поэтах это привычное для меня и любимое дело, если я надеюсь, что хорошо знаю их

и проницательно сужу об их сущности и характере, то — увы — единственный поэт, которого я не знаю и не могу знать, это как раз я сам.

Это не удивительно. Ведь каждый человек видит себя только в зеркале, и в прямом значении слова, и в метафорическом, фигуральном, то есть в суждениях других о нем. А фигуральное зеркало тоже бывает кривым и тусклым, искажает отраженное в нем лицо, и еще как! Слава богу, случается, что сужденья о тебе современников верны. По крайней мере, кажутся верными.

Но было бы ненужным, громоздким, да и бессмысленным делом ссылаться на такие отраженья.

Что же мне, как автору предисловия «к самому себе», остается? Наметить еще раз вехи своего жизненного пути, рассказать свою биографию? Но это я не однажды уже делал. К тому же важнейшее в ней, — то, что относится к работе поэта, литературоведа, писателя вообще, — достаточно раскрыто в той прозе, которая будет опубликована в двух последних томах Собранья, особенно в четвертом.

Мне остается в этом предисловии к четырем томам только одно — рассказать о том, что не вошло в них. Совсем не вошла моя многолетняя—четыре десятилетья—работа как поэта-переводчика. А между тем она органически связана с моей оригинальной поэзией и впрямую ее продолжает. Но для включения ее в Собрание понадобилось бы еще много печатных листов.

И проза вошла не полностью. За бортом осталась журнальная и газетная публицистика, особенно интенсивная в годы Отечественной войны и позже. Не вошли также отклики на литературную и театральную злобу дня. Что касается так называемой мемуарной прозы, то отдельные отрывки из нее непроизвольно вошли в очерки о современных поэтах, ушедших из жизни.

Но я не вижу нужды в том, чтобы загружать это первое Собрание моих сочинений. Оно не полное, на что живой

писатель и не должен претендовать. Это дело будущего, а наступит ли оно для пишущего эти строки, это еще как сказать! Этого я не могу, да и не хочу предвидеть.

Но, точно так же, как каждый живущий в искусстве, я глубоко и горячо верю, что *кое-что* из сделанного мною останется для этого загадочного будущего. Следует смиренно довериться его суду, который наступит, когда нас уже не будет.

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Как здесь, где петухам лишь впору биться,
Вместить равнины Франции? Иль скучить
Здесь в деревянном «О» хотя бы шлемы,
Наведшие грозу под Азинкуром?
Простите же! Но если рядом цифр
На крохотном пространстве миллионы
Изобразить возможно, то позвольте
И нам, нулям ничтожным в общей сумме,
Воображенья силу в вас умножить.

Шекспир

НА РОЖДЕНИЕ МЛАДЕНЦА

Модели, учебники, глобусы, звездные карты и кости,
И ржавая бронза курганов, и будущих летчиков бой...
Будь смелым и добрым. Ты входишь, как в дом,
во вселенную в гости,
Она ворохами сокровищ сверкает для встречи с тобой.

Не тьма за окном подымалась,
не время над временем стлалось, —
Но жадно растущее тельце несли пеленать в паруса.
Твоя колыбель — целый город и вся городская усталость,
Твоя колыбель развалилась, — подымем тебя на леса.

Рожденный в годину расплаты, о тех,
кто платил, не печалься.
Расчет платежами был красен:
недаром на вышку ты влез.
Недаром от Волги до Рейна, под легкую музыку вальсов,
Под гром императорских гимнов,
под огненный марш марсельез,

Матросы, ткачи, инженеры, шахтеры,
застрельщики, вестники,
Рабочие люди вселенной друг друга зовут из-за гор,
В содружестве бурь всенародных и в жизни
и в смерти ровесники, —
Недаром, недаром меж вами навек заключен договор.

Так слушай смиренно все правды, обещанные в договоре.
Тебя обступили три века шкафами нечитанных книг.
Ты маленький их барабанщик,
векам выбивающий зорю,
Гремящий по щебню и шлаку и свежий,
как песня, родник.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

ИЮЛЬ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ГОДА

С полудня парило.
И вот
По проводам порхнула искра.
И ветер телеграмму рвет
Из хилых рук премьер-министра.
Над гарью городов гроза.
Скатилась жаркая слеза
По каменной скуле Европы.
Мрачнеют парки. Молкнет ропот.
И пары прячутся.

И вот
Тот выстрел по австрийской каске,
Тот скрюченный громоотвод.
И лиловеет мир, как в сказке.
Еще не против и не за,
Глядит бессмысленно гроза
И дышит заодно со всеми.
Внизу — кровати, книги, семьи,
Газоны, лошади...

И вот
Черно на Марне и на Висле.
По линии границ и вод
Кордоны зоркие нависли.
Скосив огромные глаза,
В полнеба выросла гроза.
Она швыряет черный факел
В снопы и жнивья цвета хаки.
Война объявлена.

КУСОК ИСТОРИИ

А океан бил в берега,
Простой и сильный, как и раньше.
А ураган трубил в рога
И волны гнал назад к Ла-Маншу.

Под звон цепей, под лязг вериг,
В порывах пара, в мчанье тока,
От Дувра до Владивостока
Метался старый материк:

Казармы, банки, тюрьмы, храмы
Черным-черны, мертвым-мертвы.
Избороздили землю шрамы —
Траншей заброшенные рвы.

Здесь были войны, будут войны.
Здесь юноши на первый взгляд
Вполне послушны и пристойны,
Они пойдут, куда велят.

Они привыкнут к дисциплине,
И, рвеньем доблестным горя,
Они умрут в траншейной глине
За кайзера и за царя.

В Санкт-Петербурге иль в Берлине
Не спят штабные писаря,
Иль железнодорожных линий
Поблескивают стрелки зря...
Они умрут в траншейной глине
За кайзера и за царя.

Куда ни глянешь — всюду тот же
Зловещий отблеск непогод.
Век свое отрочество отжил.
Ему четырнадцатый год.

МОЛОКО ВОЛЧИЦЫ

Прочтя к обеденному часу,
Что пишут «Таймс» и «Фигаро»,
Век понял, что пора начаться,
Что время за него горой.

Был выпуск экстренный не набран.
Был спутан телеграфный шифр
С какою-то абракадаброй.
И тучи, засветло решив
План дислокации, дремотно
Клубились вкруг его чела.

В дыму легенд, в пыли ремонтов
Европа слушать начала:
Откуда пыль пылит? Иль мчится
За ней гонец?
                    Как вдруг — бабах!..
Век знал, что некогда учиться,
Знал, что гадает на бобах,
Что долго молоко волчицы
Не просыхает на губах.

Что где-то там Джоконды кража,
Процесс Кайо и прочий вздор,
Что пинкертоновского ража
Ему хватало до сих пор

И на бульварный кинофильм,
И на содружество гуляк,
Что снится ночью простофилям
Венец творения — кулак.

Век знал, что числится двадцатым
В больших календарях. Что впредь
Все фильмы стоит досмотреть, —
Тем более что нет конца там

Погоне умных за глупцом.
И попадет на фронт Макс Линдер,
Сменив на кепи свой цилиндр,
Но мало изменясь лицом.

*

В миазмах пушечного мяса
Роился червь, гноился гнев.
Под марлей хлороформных масок
Спал человек, оледенев.

Казалось без вести пропавшим,
Что вместе с ними век пропал.
Казалось по теплушкам спавшим,
Что вместе с ними век проспал.

О, сколько, сколько, сколько всяких
Живых и мертвых лиц внизу!
Мы все, донашивая хаки,
Донашиваем ту грозу.

Гроза прочна, не знает сносу.
Защитный не линяет цвет.
Век половины не пронесся
Ему сужденной сотни лет.

Он знал, что не по рельсам мчится.
Знал, что гадает на бобах,
Что долго молоко волчицы
Не просыхает на губах.

*

Бедняк. Демократ. Горожанин.
Такой же, как этот иль тот.
Он всех нецензурных пустот
Почуял в себе содержанье.

Он видел, как статуи слав
От львиного рыка Жореса
Внезапно лишаются веса
И — рушатся, голос послав
Потомкам своим.
Кто подскажет,
Как жить и что делать? Никто?
...Он прет, распахнувши пальто,
За нацией.
Ну и тоска же!

И вот он расчесан, как зуд.
И занумерован под бляхой.
И вот. Как ни вой. Как ни ахай.
Вагоны. Скрипят. И ползут.

*

Москва. Зима. Бульвар. Черно
От книг, ворон, лотков.
Все это жить обречено.
Что делать! Мир таков.

Он мне не нравился. И в тот
Военный первый год
Был полон медленных пустот
И широчайших льгот.

Но чувствовал глубокий тыл
Квартир, контор, аптек,
Что мирных дней и след простыл,
Просрочен давний чек.

И все профессии равно
Бесчестны и смешны
Пред бурей, бьющейся в окно,
Перед лицом войны.

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

И тьмы человеческих жизней, и тьмы,
И тьмы заключенных в материю клеток,
И нравственность, вбитая с детства в умы...
Но чей-то прицел хладнокровен и меток.

Наверно, секунд еще десять в мозгу
Неслись перелески, прогалины, кочки,
Столбы, буераки, деревья в снегу...
Но все убыстрялось, не ставило точки,
Смещалось...
Пока наконец голова
Не стукнулась тыквой в ничто.
И вот тут-то
Бессмертье свои предъявило права.
Обставлено помпой, рекламой раздуто,
Под аркой Триумфа для вдов и сирот
Горит оно неугасимой лампадой,
И глина ему набивается в рот.

Бессмертие! Чтимая церковью падаль.
Бессмертие! Право на несколько дат.
Ты после войны для того и осталось,
Чтоб крепко уснул Неизвестный Солдат.
Но он не уснет. Несмотря на усталость.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА

Был тусклый зимний день, наверно.
В нейтральной маленькой стране,
В безлюдье Цюриха иль Берна,
В тревожных думах о войне,
Над ворохами русских писем,
Над кипой недочтенных книг,
Как страстно Ленин к ним приник!
Как ледяным альпийским высям
Он помыслов не доверял!
Как выше Альп, темнее тучи
Нагромождался матерьял
Для книги, медленно растущей!

Сквозь цифры сводок биржевых
Пред ним зловеще проступала
Не смытая с траншей и палуб
Кровь мертвецов и кровь живых.
В божбе ощерившихся наций,
Во лжи официальных фраз
Он слышал шелест ассигнаций
В который раз, в который раз.
Он слышал рост металлургии
И где-то глубоко внизу —
Раскаты смутные, другие,
Предвозвещавшие грозу.
Во мраке жарких кочегарок,
В ночлежке жуткой городской
Он видел жалостный огарок,
Зажженный трепетной рукой,
И чье-то юное вниманье
Над книгой, спрятанной в ночи,
И где-то в пасмурном тумане
Рассвета близкого лучи.

Во всей своей красе и силе
Пред ним вставали города
И села снежные России, —
О, только б вырваться туда!

Ему был тесен и несносен
Мещанский край, уютный дом.
Он жадно ждал грядущих весен,
Как ледокол, затертый льдом.

В его окно гора врезалась
В литой серебряной резьбе.
И вся история, казалось,
С ним говорила о себе.

С ним говорило мирозданье,
С ним говорил летящий век.
И он платил им щедрой данью
Бессонных дум, бессонных век.

И Ленин ждал не дня, а часа,
Чтобы сквозь годы и века
С Россией новой повстречаться,
Дать руку ей с броневика.

МЫ НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

И год и два прошли. Под хриплый
Враждебный крик
Со дна времен внезапно выплыл
Наш материк.
Шестую часть планетной суши
Свет пронизал.
Ударил гул «Авроры» в уши
Дворцовых зал.
Взвивайся в честь октябрьской даты,
Знаменный шелк!

Мы Неизвестные Солдаты.
Наш час пришел.
Мы, что на Висле иль на Марне,
В грязи траншей,
В госпиталях, в кровавой марле,
Кормили вшей, —
Мы — миллионы в поколенье
Живых мужчин.
Идти в растопку, как поленья,
Нам нет причин.

Пройдет и десять лет, и двадцать,
И сорок лет, —
Молиться, кланяться, сдаваться —
Нам смысла нет!

КУБОК БОЛЬШОГО ОРЛА

ПЕТР ПЕРВЫЙ

В безжалостной жадности к существованию,
За каждым ничтожеством, каждою рванью
Летит его тень по ночным городам.
И каждый гудит металлический мускул,
Как колокол. И — зеленеющий тускло,
Влачится классический плащ по следам.

Он Балтику смерил стальным глазомером.
Горят в малярии, подобны химерам,
Болота и камни под шагом ботфорт.
Державная воля не знает предела,
Едва поглядела — и всем завладела.
Торопится Меншиков, гонит Лефорт.

Огни на фрегатах. Сигналы с кронверка.
И льды как ножи. И, лицо исковеркав,
Метель залилась — и пошла, и пошла...
И вот на рассвете пешком в департамент
Бредут петербуржцы, прильнувшие ртами
К туманному Кубку Большого Орла.

И снова — на финский гранит вознесенный, —
Второе столетие мчится бессонный,
Неистовый, стужей освистанный Петр,
Чертежник над картами моря и суши,
Он гробит ревнжские мертвые души,
Торопит кладбищенский призрачный смотр.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

Величаемый вседневно, проклинаемый всенощно,
С гайдуком, со звоном, с гиком мчится
в страшный Петербург,
По мостам, по льду речному мчится, немощный
и мощный,
И трубит хмельной фельдъегерь в крутень
пустозвонных пург.

Самодержец всероссийский!
Как же так, какой державе
Сей привиделся курносый и картавый самодур?
Или скифские метели, как им приказал Державин,
Для него оберегали трон богоподобных дур?

Что же это за фигурка неказистая маячит,
Чей там каркающий голос сорван ветром на плацу?
Он огонь очами мечет, он трусливо очи прячет,
Он не по сердцу России, Петербургу не к лицу.

Мчится время, облетая многоверстное пространство.
Ждут заморские державы смутно чаемой грозы.
Глухо мается крестьянство.
Между тем уже дворянство
Разбирает по казармам грозной азбуки азы.

Наступает час расплаты. И в тишайшую из спален
Вламываются гвардейцы, стряхивают мокрый снег.
Громогласно и раздельно говорит царю фон Пален:
— Отдавайте, сударь, шпагу, бросьте шутки,
что за смех!

Столбенеет самодержец, очи мертвенные пучит,
Хнычет, милости канючит, прячет мертвенный смешок.
Но на шее шарф закручен, он его дышать отучит.
Выпотрошен Павел Первый, брошен на пол, как мешок,

И отпетый, будто вправду помер от апоплексии,
Вылупляет очи слепо из-под вывернутых век.
Солнце мартовское скупо освещает снег России.
Господа Сенат встречают манифестом новый век.

ПОСЛЕДНИЙ

Над роком. Над рокотом траурных маршей.
Над конским затравленным скоком.
Когда ж это было, что призрак монарший
Расстрелян и в землю закопан?

Где черный орел на штандарте летучем
В огнях черноморской эскадры?
Опущен штандарт, и под черную тучу
Наш красный петух будет задран.

Когда гренадеры в мохнатых папахах
Шагали — ты помнишь их ропот?
Ты помнишь, что был он как пороха запах
И как «на краул» пол-Европы?

Ты помнишь ту осень под музыку ливней?
То шли эшелоны к границам.
Та осень! Лишь выдыхи маршей росли в ней
И встали столбом над гранитом.

Под занавес ливней заливистых проседь
Закрыла военный театр.
Лишь стаям вороньим под занавес бросить
Осталось: «Прощай, император!»

Осенние рощи ему салютуют
Свистящими саблями сучьев.
И слышит он, слышит стрельбу холостую
Всех вахту ночную несущих.

То он, идиот, подсудимый, носимый
По серым низинам и взгорьям,
От черной Ходынки до желтой Цусимы
С молебном, гармоникой, горем...

На пир, на расправу, без права па милость,
В сорвавшийся крутень столетья
Он с мальчиком мчится. А лошадь взмолилась,
Как видно, пора околеть ей.

Зафыркала, искры по слякоти сея,
Храпит ошалевшая лошадь...

. . . .

— Отец, мы доехали? Где мы? — В России.
Мы в землю зарыты, Алеша.

ПЕТРОГРАД 1918

Сколько выпито, сбито, добыто,
Знает ветер над серой Невой.
Сладко цокают в полночь копыта
По торцовой сухой мостовой.

Там, в Путивле, в Колпине грохот.
Роковая настала пора.
Там «ура» перекатами в ротах,
Как два века назад за Петра.

В центре города треском петарды
Рассыпаются тени карет.
Августейшие кавалергарды
Позабыли свой давешний бред.

Стынут в римской броне истуканы,
Слышат радужный клекот орла.
Как последней попойки стаканы,
Эрмитажа звенят зеркала.

Заревым ли горнистом разбужен,
Обойден ли матросским штыком,
Павел Первый на призрачный ужин
Входит с высунутым языком.

И, сливаясь с сиреной кронштадтской,
Льется бронзовый голос Петра, —
Там, где с трубками в буре кабацкой
Чужестранные спят шкипера.

НЕВА В 1924 ГОДУ

Сжав тросы в гигантской руке,
Спросонок, нечесаный, сиплый,
Весь город из вымысла выплыл
И вымыслом рвется к реке.

И ужас на клоунски жалостных,
Простуженных лицах, и серость,
И стены, и краска сбежала с них, —
И надвое время расселось.

И словно на тысячах лиц
Посмертные маски империи,
И словно гусиные перья
В пергамент реляций впились.

И в куцей шинели, без имени
Безумец, как в пушкинской ночи,
Еще заклинает: «Срази меня,
Залей, если смеешь и хочешь!»

Я выстоял. Жег меня тиф,
Теплушек баюкали пары.
Но вырос я сверх ординара,
Сто лет в один год охватив.

Вода хоть два века бежала бы,
Вела бы в дознанье жестоком
Подвалов сиротские жалобы
По гнилистным руслам и стокам.

И вот она хлещет! Смотри
Ты, всадник, швырнувший поводья:
Лачуги. Костры. Половодья.
Стропила. Заря. Пустыри.

Полнеба — рассветное зарево.
Полмира — в лесах и стропилах,
Не путай меня, не оспаривай —
Не ты поднимал и рубил их.

А если, а если к труду
Ты рвешься из далей бесплотных —
Дай руку товарищу, плотник!
Тебя я на верфь приведу.

ПУШКИН

Ссылка. Слава. Любовь. И опять
В очи кинутся версты и ели.
Путь далек. Ни проснуться, ни спать —
Даже после той подлой дуэли.

Вспоминает он Терек и Дон,
Ветер с Балтики, зной Черноморья,
Чей-то золотом шитый подол,
Буйный табор, чертог Черномора.

Вспоминает неконченый путь,
Слишком рано оборванный праздник.
Что бы ни было, что там ни будь,
Жизнь грозна, и прекрасна, и дразнит.

Так пируют во время чумы.
Так встречают, смеясь, командора.
Так мятеж пробуждает умы
Для разрыва с былым и раздора.
Это наши года. Это мы.

Пусть на площади, раньше мятежной,
Где расплющил змею истукан,
Тишь да гладь. Но не вихорь ли снежный
Поднимает свой пенный стакан?

И гудит этот сказочный топот,
Оживает бездушная медь.
Жизнь прекрасна и смеет шуметь,
Смеет быть и чумой и потопом.

Заливает! Снесла берега,
Залила уже книжные полки.
И тасует колоду карга
В гофрированной белой наколке.
Но и эта нам быль дорога.

Так несутся сквозь свищущий вихорь
Полосатые версты дорог.
И смеется та бестия тихо.
Но не сдастся безумный игрок!

Все на карту! Наследье усадеб,
Вековое бессудье и грусть...
Пусть присутствует рядом иль сзади
Весь жандармский корпус в засаде, —
Все на пулю, которую всадит
Кто в кого — неизвестно. И пусть...

Не смертельна горящая рана.
Не кончается жизнь. Погоди!
Не светает. Гляди: слишком рано.
Столько дела еще впереди.

Мчится дальше бессонная стужа.
Так постой, оглянись хоть на миг.
Он еще существует, он тут же,
В нашей памяти, в книгах самих.

Это жизнь, не застывшая бронзой,
Черновик, не вошедший в тома.
О, постой! Это юность сама.
Это в жизни прекрасной и грозной
Сила чувства и смелость ума.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БАЛЛАДА

Дикая пена Невы огромной
Билась в гранит и росла всю ночь.
В темном доме, в последней из комнат
Пела моя несчастная дочь.

Дочь моя громко пела о том, как
Бьют часы и летят года,
Как неясен город сквозь дымку
Вечного ливня, седой воды.

Был стариком я глухим и жадным,
Был не отец ей, а злой кощей.
Мир мой заглох и вымер. Лежат в нем
Мощи когда-то живых вещей.

Мечутся перья свеч в канделябрах.
В струнах рояля оборван вальс.
Вихорь один в пустых моих ребрах
Свищет, где раньше бился пульс.

Знаю, что не было этой высокой,
Взрослой девочки в жизни моей.
Сам же я тонкий дал голосок ей,
Ждал ее из-за южных морей.

Сам же сказал: — Княжна и актриса!
Спи, не бойся, что я колдун! —
Сам над ее кроваткой трясся,
Слеп от света, какой мне дан.

Снится мне все, что она хотела,
Да не смогла ответить в ту ночь.
В старой столице тенью без тела
Бродит моя погибшая дочь.

Невские волны растут, бушуя.
Глухо несется ладожский лед.
Где-то росла моя дочь большая,
Да позабылась за сотню лет.

ЗАПАД

ВСТУПЛЕНИЕ

Европа! Ты помнишь, когда
В зазубринах брега морского
Твой гений был юн и раскован
И строил твои города?

Когда голодавшая голь
Ночные дворцы штурмовала,
Ты помнишь девятого вала
Горючую честную соль?

Казалось, что вся ты — собор,
Где лепятся хари на вышке,
Где стонет орган, не отвыкший
Беседовать с бурей с тех пор.

Гул формул, таимых в уме,
Из черепа выросший, вторил
Вниманью больших аудиторий,
Бессоннице лабораторий
И звездной полуночной тьме.

Все было! И все это — вихрь...
Ты думала: дело не к спеху.
Ты думала: только для смеха
Тоска мюзик-холлов твоих.

Ты думала: только в кино
Актер твои замыслы выдал.
Но в старческом гриме для вида
Ты ждешь, чтобы стало темно.

И снова голодная голь
Штурмует ночные чертоги,
И снова у бедных в итоге
Одна только честная боль.

И снова твой смертный трофей —
Сожженные башни и села,
Да вихорь вздувает веселый
Подолы накрашенных фей.

И снова — о горе! — Орфей
Простился с тобой, Эвридикой.
И воют над пустошью дикой
Полночные джазы в кафе.

СТОКГОЛЬМ

Футбольный ли бешеный матч,
Норд-вест ли над флагами лютый,
Но тверже их твердой валюты
Оснастка киосков и мачт.

Им жарко. Они горожане.
Им впаянный в город гранит
На честное слово хранит
Пожизненное содержанье.

Лоснятся листы их газет,
Как встарь, верноподданным лоском.
Огнем никаким не полоскан
Нейтрального цвета брезент.

И в сером асфальтовом сквере,
Где плачет фонтан, ошалев,
Отлично привинченный лев
Забыл, что считается зверем.

С пузырчатой пеной в ноздрях,
Кольчат и колюч, как репейник,
Дракон не теряет терпенья,
Он спит, ненароком застряв

Меж средневековьем и этим
Прохладным безветренным днем.
Он знает, что сказка о нем
Давно уж рассказана детям.

Пусть море не моет волос,
Нечесаной брызжет крапивой,
Пусть бродит, как бурое пиво,
Чтоб Швеции крепче спалось!

КАМЕНЬ

Он вырос у рыжего взморья,
Огромный, тяжелый валун.
Такого и солнце не сморит,
Не смоют и тысячи лун.

Что помнится микроцефалу
Под хвоей белесых бровей?
Как пена его целовала?
Как портер гудел в голове?

Как волны, дробившие гравий,
Шли с бешенством в белых глазах
И гибли, своих биографий
Пред гибелью не досказав?

Он вырос тупицей и высох,
Стал мрачен, скуласт и высок,
Следил, как на мелях и мысах
Хрустел сероватый песок.

Он слышит, что как марсиане
На доках сирены вопят.
Он чист, потому что сияньем
Полярным обрызган до пят.

Он рад, что какому-то юнге
Казался он богом. Он горд,
Что были вчера Нибелунги,
Норманны, и Нансен, и Норд.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Веселый серый англичанин
Лег грудью на рычаг.
Турбина пущена. Молчанье.
Вал дрогнул, зарычал.

Ночь началась. Сигнал отослан.
Матрос пошел гулять.
Сейчас он стал, как мачта, рослым,
Седым, как эта гладь.

Ночь началась. Ужель не жалко,
Что пропадала зря
В портовой портерной служанкой
Столь дивная заря?

Ночь началась. Привстав на тросах,
Усталый порт во сне
Легко и онемело сросся
Всем сильным торсом с ней.

По желтым тентам ресторанов,
Полуденной жаре,
Гаражной гари, визгу кранов,
Гниющей кожуре

Бананов, жестяным обрезкам —
Он знал, что будет ночь.
Он знал, что невозможно брезгом
Его любви помочь,

Что еле слышный, слабый ветер
Натянут, как канат,
Что больше уж ничем на свете
Любви не доконать.

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

Еще крепка, еще сверкая
Горячей штормовой красой,
Кренит корму, гремит морская
Фосфоресцирующая соль.

И в диком совершенстве бури
Цветет пернатая луна.
Кипит в серебряном сумбуре
Кильватерная быстрина.

За длинным верезгом лебедок
Мосты железные стройны.
А там — черней и крепче йода
Туман готической страны.

А там на доках ржавый крейсер,
Лет на сто отданный в ремонт.
И вот — последний узел рейса.
Мы входим в мрачный край дремот.

Мерцают тени шляп и мантий,
Туманы парков и камней,
И город, как бедняк-романтик,
Протягивает руку мне.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Wer ruft mir?
Schreckliche Gesicht!
Goethe [1]

«Кто позвал меня?»

Буря громовых рулад... И орлы, как бывало, на флагах крылят в поднебесье, когда-то орлином. И, как черное пиво, как липы в грозу, прошумело: «Ты слышишь? Уже я грызу кандалы под бетонным Берлином».

«Кто позвал меня?»

Прытче вагонных колес по витью нескончаемых рельсов неслось: «Кто дает мою страшную цену?» И, в железные скрепы вцепившись, дугой перегнулись над пропастью тот и другой. И гроза озарила им сцену.

Я позвал тебя. Думаешь — тот,
Персонаж философского действа?
На фантастику, брат, не надейся!
Я реален, как сток нечистот.

Ты же сам мне солгал, обещав,
Что на черных конях непогоды,
Что в широких, как юность, плащах
Мы промчимся сквозь версты и годы.

Посмотри мне в лицо: человек
Цвета пыли. Защитного цвета.
Тот, чья память со скоростью света
Догоняет несбыточный век.

Узнаешь? Не актер, не доцент,
Не в цилиндре с тускнеющим лоском...
Нет! Я — сумрак всех улиц и сцен,
Городов обнищалая роскошь.

---

[1] Кто зовет меня? — Ужасный облик! (*Гете*)

Мне осталось проверить прицел,
Крепко сжать леденящее дуло, —
Чтобы ты из подземного гула
Вырос выше всех выросших цен.

Слышишь: поверху — визг ветровой?
Видишь: понизу, в пламени окон,
Города мои красной травой
Обрастают, как факельный Брокен?

Все черно. И опять, и опять
От сирийских песков до Аляски
В буре бирж и в джазбандовом лязге
Ни плясать, ни учиться, ни спать.

Ты мерцал мне асфальтом сырым.
Ты гудел под грозой, как Тиргартен.
В дымном штабе я знак твой открыл
По флажками истыканным картам.

Понимаешь? Я ждал до поры.
И под Шарлеруа, под Варшавой
Шел я рядом в шинели шершавой,
Резал спину ремень кобуры.

Там... не искра под рурской киркой,
Не глаза семафора в туннеле.
Это тень твоя стала *такой* —
Еще старше и осатанелей.

Это ночь. И уже до утра
Только час торговать ресторанам.
Как бы не опоздать до утра нам!
Не закуривай! Скоро пора.

ГРОЗА В ТИРГАРТЕНЕ

Ночь затрубила им отбой.
И толпы схлынули. И разом
Весь парк забушевал божбой
Желавших боя лип и вязов.

Сквозь ширь асфальтовых аллей
Такси крылами света брызжут.
Курфюрсты мраморные в брыжах
Встают — папье-маше белей.

Так мрачен бред былых династий.
Так мрачен час ночных громил.
Так мрачен парк. Так прочен мир.
Так прочно сделано ненастье.

Так человек молчит, когда,
Заболтана грозой на горе,
Захлещет рыжая вода
На бронзу голых аллегорий.

Не миф, что молот поднял Тор!
И лишь для дураков и добрых
В пролете Бранденбургер-тор
Еще стоит хромой фотограф.

Он вскинул на плечи статив,
Прошел с картавым «gradeaus»,
В свои несчастья посвятив
Асфальтов непросохший хаос.

И сколько б он еще ни дрог,
И сколько б ни снимал туристов,
И сколько погребальных дрог
Ни слал бы город, — но на приступ

Навстречу песне дождевой,
Навстречу ветру рвутся липы.
Три ночи кряду визг и вой,
Смех и младенческие всхлипы.

Гнутся вязы под ветром. Ворон
Сел на черный сук, закаркал:
«Парк осужден моим приговором.
Гром и молния! Слово — за парком».

И, громыхнув перекатом на запад,
Вспыхнул, как хлопок, бело и внезапно
Тихой молньи о мщенье обет.
Слушают куклы Аллеи Побед:

— Я клянусь морям и суше
Жечь светло и горячо,
Говорить как можно суше
И отрывистей еще.

Я ручаюсь в этом быстрой,
Скрюченною в провода
Электрическою искрой,
Бьющей в цель везде, всегда.

Люди сонные не помнят,
Как зеленый мой зигзаг
Озарил потемки комнат
И плясал у них в глазах.

Снится им в поту подушек
Безобразно и мертво,
Как вверху растет удушье —
Час предгрозья моего.

И сейчас мгновенной вспышкой
Каждой вольтовой дуги,
Каждой озаренной вышкой
Я клянусь, что мы враги.

Ворон — молнии: «Бури не сваришь.
Утром в Норден погонит гудок их».
Молния (дико смеясь): «Товарищ,
Сварим бурю на гамбургских доках!»

Город — молнии: «Чем ты горда?
Музыкой, что ли? Блеском? Гарью?»
Молния: «Эй, сторонись, города!
Рано иль поздно — но я ударю!»

Ночь продолжается. В жбанах
Брызжет золотом пиво.
Голые звуки джазбандов
Бьют по нервам крапивой.

Сумрак подводный царит там.
Стелется медный пар.
Рушатся в негрский ритм
Стаи клешнями сцепившихся пар.

Вот наплывает. Мигает экран.
Рябь. И мутнеют глуби.
Снова по циркам, пивным, дворам
Борются. Бредят. Любят.

ЭКСПРЕССИОНИСТЫ

Толпа метавшихся метафор
Вошла в музеи и в кафе —
Плясать и петь, как рослый кафр,
И двигать скалы, как Орфей.

Ее сортировали спешно.
В продажу худший сорт пошел.
А с дорогим, понятно, смешан
Был спирт и девка голышом.

И вот, пресытясь алкоголем,
Библиотеки исчерпав,
Спит ужас, глиняный как Голем,
В их размозженных черепах.

И стужа под пальто их шарит,
И ливень — тайный их агент.
По дымной карте полушарий
Они ползут в огне легенд.

Им помнится, как непогода
Шла, растянувшись на сто лет,
Легла с четырнадцатого года
Походной картой на столе...

Как пораженческое небо
И пацифистская трава
Молили молнийную небыль
Признать их древние права.

Им двадцать лет с тех пор осталось.
Но им, наивным, ясно все —
И негрского оркестра старость,
И смерть на лицах Пикассо,

И смех, и смысл вещей, и гений,
И тот раскрашенный лубок, —
Тот глыбами земных гниений
Галлюцинирующий бог.

Летят года над городами.
Вопросы дня стоят ребром.
Врачи, священники и дамы
Суют им Библию и бром.

Остался гул в склерозных венах,
Гул времени в глухих ушах.
Сквозь вихорь измерений энных
Протезов раздается шаг.

Футляр от скрипки, детский гробик —
Все поросло одной травой...
Зародыш крепко спит в утробе
С большой, как тыква, головой.

ПАРИЖ

Париж! Я любил вас когда-то.
Но, может быть, ваши черты
Туманила книжная дата?
Так, может быть, выпьем на «ты»?

Не около слав Пантеона,
Почтивши их титул и ранг...
А дико, черно, потаенно —
Где спины за ломаный франк

Сгибаешь ты лысым гарсонам;
Где кофе черней и мутней;
Где ночь семафором бессонным
Моргает — и ветер над ней;

Где заперта ценность в товаре,
Где сущность — вне рыночных цен,
Где голой и розовой тварью
Кончается тысяча сцен, —

Над пылью людского размола,
Над гребнями грифельных крыш,
Ты все-таки, все-таки молод,
Мой сверстник, мой сон, мой Париж!

ТРЕТЬЯ РЕСПУБЛИКА

Сто лет назад, немного раньше,
Круша дома, кружа умы,
Здесь проходила великанша
На битву с чучелами тьмы.

Она влекла людей не пудрой,
Не блеском роб и куафюр, —
Когда на площадях под утро
Толклись колеса смертных фур;

Когда от крепких поговорок,
Жары и ненависти жгло
В гортанях, и прицел был зорок,
И были сабли наголо.

Но вот над шипром и бензином,
Над воздухом ничтожных слав,
Каким-то стихнувшим разиням
Свой воспаленный взор послав,

Сжав зубы, мускулы напружив,
Встает из пепла и вранья,
Гравюр, и мраморов, и кружев,
Париж, любимица твоя!

Со дна морей, песков Кайенны,
Контор, комендатур, казарм
Доносится раскат военный,
Гудит далекое «Aux armes!»

Гражданка, собственно, и в прозе
Могла б ответить на вопрос, —
О, не метафорой предгрозья,
А гулом настоящих гроз.

Но, разбудив умы — вот горе! —
И реставрировав дома,
Она меж прочих аллегорий
Столь же беспола и нема.

Литую шкуру леопарда
Скрепил навек литой аграф.
Гражданский кодекс Бонапарта
Расплющил гнев священных прав.

Над белизной жилетов фрачных
И лоском лысин вознесен
Ночей девических и брачных
Восьмидесятилетний сон.

Мегера смерти не торопит,
Толстеет, пьет аперитив,
Сантимы тратит, франки копит,
Банк лондонский опередив.

Мегера. Фурия. Горгона.
Все это, собственно, слова...
От якобинского жаргона
Пускай не пухнет голова!

Да и не надо головы ей:
На манекене, как желе,
Трясутся складки жировые
И груди — ядер тяжелей.

Оркестры негров бьют крапивой
И нервы мертвых вьют в жгуты —
Во славу этой нестроптивой,
Давно не жгучей наготы.

БУЛЬВАР СЕН-МИШЕЛЬ

Здесь, в серой тесноте Латинского квартала...
Так я хотел начать. Но старость этих стен
Сильна в схоластике. Она отбормотала
Давно все, что могла, по части всех систем.

Здесь висельник Вийон шептал за кружкой пенной
Распутные стихи сорбонским школярам.
Здесь, может быть, Бальзак, мрачнея постепенно,
Распутывал ходы житейских дрязг и драм.

Здесь было почему не спать ночей. И время
Для воспаленных глаз бессонницы росло,
До хруста сжатое Декартом в теореме,
Чтобы упасть без чувств, как исповедь Руссо.

Здесь... но постой! Вернись к дыханью этой скуки,
В междуязычный гам, в международный шлак.
Хлыщей потасканных прельщают потаскухи.
Под ветром плещется трехцветный старый флаг.

И вот едят и пьют. Ползут в музеи. Лезут
На вышку Эйфеля. Болеют и блюют.
Вдыхают пудру, пыль и пепел «Марсельезы»,
Блуд мировых ревю, размер валют и блюд.

А может быть, затем и шла раскачка истин,
Стук ставок и костей, швыряемых в ничто,
Чтоб мир обугленный был юным ненавистен
И глухо отступал пред всяческой мечтой...

Но столько вышины и воздуха, вспоенных
Смертями стольких слав, — и тут, и там, и над...
Так, может, для того и вешали Вийонов,
Чтоб этот висельник сосал свой ситронад!

ХИМЕРЫ

Светает... Пасмурно. На птичий глазомер
Париж отсюда пуст, как в молодые годы.
Есть у него друзья. Есть общество химер
Над человечеством и скукой непогоды.

И мы кричим ему, что просмотрели все:
Курс европейских бирж, виденья Пикассо,
Слыхали шепоты любой любовной ночи,
Остроты кабаре и стуки одиночек.
Но мы полны своим. Да, до корней волос,
До каждой оспины па этом камне голом,
За каждую из морд, с какою довелось
Вам встретиться во сне... Мы тоже знали голод.
Мы тоже старые.

А надо здесь висеть,
И спины выгибать, и лаять в эту сеть
Косых дождей, и грызть подобье винограда
(Он тоже каменный)...
И видеть (вот награда),
Как размножаются уроды там, внизу:
Скрипят протезами, считают су и держат
Таких же злых старух на должностях консьержек.
А там... Смотри, сестра! Ведь это я ползу
В батистовом чепце с чертенком кривоногим...
«И я! — И я! — И я!»
Кусаясь и давясь,
Гримасы по частям одалживая многим,
Мы в слепках мерзостных гуляем между вас.

ПЕСНЯ ДОЖДЯ

Вы спите? Вы кончили? Я начинаю.
Тяжелая наша работа ночная.

Гранильщик асфальтов, и стекол и крыш —
Я тоже несчастен. Я тоже Париж.

Под музыку желоба вой мой затянут,
В осколках бутылок, в обрезках жестянок,

Дыханием мусорных свалок дыша,
Он тоже столетний. Он тоже душа.

Бульвары бензином и розами пахнут.
Мокра моя шляпа. И ворот распахнут.

Размотанный шарф романтичен и рыж.
Он тоже загадка. Он тоже Париж.

Усните. Вам снятся осады Бастилий,
И стены гостиниц, где вы не гостили,

И сильные чувства, каких и следа
Нет ни у меня, ни у вас, господа.

ИТОГ

Но как бы ты ни был зачеркнут
Всей силой, подвластной уму, —
Красы этой грустной и черной
Нельзя позабыть никому.

И мча по широким бульварам
Сторотый и сытый поток,
Торгуя дешевым товаром
И зная всех истин итог, —

Ты все-таки, все-таки молод,
Ты все-таки жарок и горд
Кипеньем людского размола
На площади де ля Конкорд.

Ты вспомнишь — и кровь коммунаров
В мгновение смоет, как вихрь,
Танцующий ад лупанаров,
Гарцующий ад мостовых.

Ты вспомнишь — и ружья бригады
Сверкнут в Тюильрийском саду.
Возникнет скелет баррикады,
Разбитой в тридцатом году.

Ты вспомнишь — и там, у барьера,
Где Сена, как слава, стара,
Забьется декрет Робеспьера,
Наклеенный только вчера.

Ты вспомнишь — не четверть столетья,
А времени бронзовый шаг.
Ты — память.
А если истлеть ей —
Хоть гулом останься в ушах!

Ты — время, обросшее бредом
В пути безвозвратном своем.
Ты — сверстник.
А если ты предан —
Хоть песню об этом споем!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОНКВИСТАДОР

Ночь. Океанский шторм. На корабле, у мачт, на реях, между канатами — оборванные фигуры. Появление дона Хуана вызвало улюлюкание и свист. Следом за ним его помощник, мавр Али Хасан. Дон Хуан стреляет в воздух. Тишина.

Дон Хуан

Кто скажет слово? Не шути с огнем!
Должны вы слепо и без оговорок
Вести свою работу. Если дорог
Вам этот славный флаг, то завтра днем
Я за борт сброшу...

Голоса

С нас довольно! Хватит!
Верни нам землю, женщин и дома,
Вино, свинину, теплые кровати,
Харчевни, церкви...

Дон Хуан

Вы сошли с ума
Кто хочет жить?

Первый Голос

Я золота хочу.

Дон Хуан

Я дам тебе сокровища Голконды,
Ключи от всех подвалов дам тебе.
Я посажу тебя на трон из яшмы,
И бронзовые грифы лягут смирно
У ног твоих. Послушай, как звенят
Тяжелые дублоны и флорины!

Меняла их бросает о прилавок
И пробует зубами их чекан.
Они твои, расшвыривай горстями.
Все на земле продажно. Все твое.
Кто хочет жизни?

Второй Голос

Я хочу любви.

Дон Хуан

Я прикажу скопцам Анахуаки
Украсть невест у идолов косматых,
Приволоку к вам за косы и брошу
На шкуры пум, на перья попугаев
Двадцатилетних, легконогих, голых,
Испуганных, с газельими глазами,
С клеймом разгула на горячих ртах...
Кто хочет жизни?

Третий Голос

Я хочу вина!

Дон Хуан

Я прикажу, и этот океан
Запенится всем золотом фалерно,
И горечью Бургундии, и кровью
Всех пьяных лоз в давильнях, в погребах,
И в бочках, и во флягах по карманам
Кастильских моряков. Кто хочет жизни?

Голоса

На землю! К черту! Кончено! На землю!..

Дон Хуан

Я на колени встал. Я руку поднял
Я вам клянусь сияньем Приснодевы,
Звездою мореходов, каждой реей,
Скрипящей под напором этой бури,
И каждым брызгом, бьющим по лицу,
И собственною гибелью клянусь, —
Земля близка. Я вижу материк.
Там все друзья и все князья. Там каждый
Запляшет лихо, только нас увидит.

Отчаянные, смелые, лихие,
Один другого краше и моложе,
Там будут дети первых поселенцев
Расти под солнцем, словно драконята.
И наш король благословит ваш подвиг.
Да разве это шутка, разве ложь?
Кто не поверил? Кто настолько туп?

Общее смятение. Кто-то тронул гитарные струны и тут же оборвал их. Кто-то прошел по палубе двойным сальто.

(Обращается к Али Хасану.)
Мертвецки пьяных в трюм,—пускай проспятся,
При первой же попытке мятежа
По скулам бить и зубы вышибать.
И вызвездить на спинах послушанье
Треххвосткой. А когда совсем притихнут,
Раздать к утру четыре сухаря
И жидкую похлебку с чесноком,
Без солонины. Понял?

Али Хасан

Есть. Все ясно...
Пока молчат. Я двадцать дней не мылся
И не снимал камзола и штанов.
Причалим мы босые, до костей
Изъеденные вшами. Только знамя
Пречистой девы, да подмокший порох,
Да карта вся в подтеках — наша сила.
Плохие козыри! Будь проклят час,
Когда в отчаянной портовой давке
Я встретил сборщиков твоей команды!
Земли не будет. Этот океан
Впадает в ад.

Дон Хуан

Али, несчастный мальчик,
Пойми, что ты портовый перекресток,
Голодных рынков рвань и барахло.
Быть за толпу и быть толпою просто
Обоих нас столетье обрекло.
Вот венецейское стекло, дитя Мурано,
Подарок белокурой куртизанки,
Той самой, что со мной прощалась, помнишь?

И вот я раздавил стакан. Вот кровь.
Я так же точно раздавил любовь,
Богатство, герб отцов, смиренье, гордость,
Все позабыл, чему учился, вырвал
Из памяти Мадрид и Барселону
И ринулся в ничто, в морскую хлябь.
Но если я погибну, то с открытым
Лицом и никого не обвиню.
Я нищ и гол, но должен победить.

Али Хасан

Ты в лихорадке.

Дон Хуан

Может быть, тем лучше!

Али Хасан

А что нам скажут те, что там внизу, —
Кастильцы, греки, генуэзцы, турки,
Фламандцы, англичане или немцы,
Бежавшие с галер и от костра?
Когда они проснутся завтра утром
С кругами черными у глаз, без хлеба,
Без женщин, без земли и без надежд, —
Что скажут нам они?

Дон Хуан

Они не в счет!
Будь трезвым, трезвым, трезвым, как вода,
Расчетливым до скрупула, бессонным,
Бесполым и бесстрастным навсегда —
И справишься с их безголовым сонмом.
Вот где победа! Банки в Амстердаме,
Менялы в Генуе, купцы в Бордо —
Вот для кого мы властвуем стадами
Своих же ближних и деремся до
Последней капли крови. Эй, Али!
Еще дождешься ты каймы песчаной,
Дождешься ты клочка ничьей земли, —
Пусть это будет скудно и печально,
Не мы свою судьбу изобрели!
Приказчики Егуды Левитеса
И Франца Вандерхельса за бесценок

Купили нас, — а завтра продадут
За медный грош или пошлют в застенок,
И будет слабый огонек задут.
Мне тридцать лет. Тебе, наверно, двадцать.
И ты, как собачонка, весь продрог.
Но в эту ночь не стоит издеваться
Над низкой долей. Это наш пролог.
Трагедия еще не начиналась.
В ней будут неожиданности. Слушай,
Как океан бьет в бубен и трубит
О той несуществующей, о суше,
О сказочках невыигранных битв.
Пусть руганью швыряет океан!
Но я, как первый ваш комедиант,
Лицом к нему стою на этих досках
Свирепой и качающейся сцены,
Раскачиваюсь сам, фехтую с тенью, —
Стою с раскрытой грудью, с мокрым шарфом,
Разорванным и скрученным, с мушкетом,
Заткнутым за пояс, с небритой мордой,
С царапиной от битого стекла
На пальцах, — словно память о подарке
Той женщины, которой больше нет.

САНКЮЛОТ

Мать моя — колдунья или шлюха,
А отец — какой-то старый граф.
До его сиятельного слуха
Не дошло, как, юбку разодрав
На пеленки, две осенних ночи
Выла мать, родив меня во рву.
Даже дождь был мало озабочен
И плевал на то, что я живу.

Мать мою плетьми полосовали.
Рвал ей ногти бешеный монах.
Судьи в красных мантиях зевали,
Колокол звонил, чадили свечи.
И застыл в душе моей овечьей
Сон о тех далеких временах.

И пришел я в городок торговый.
И сломал мне кости акробат.
Стал я зол и с двух сторон горбат.
Тут начало действия другого.
Жизнь ли это или детский сон,
Как несло меня пять лет и гнуло,
Как мне холодом ломило скулы,
Как ходил я в цирках колесом,
А потом одной хрычовке старой
В табакерки рассыпал табак,
Пел фальцетом хриплым под гитару,
Продавал афиши темным ложам
И колбасникам багроворожим
Поставлял удавленных собак.

Был в Париже голод. По-над глубью
Узких улиц мчался перекат
Ярости. Гремела канонада.

Стекла били. Жуть была — что надо!
О свободе в Якобинском клубе
Распинался бледный адвокат.
Я пришел к нему, сказал:
«Довольно,
Сударь! Равенство полно красы.
Только по какой линейке школьной
Нам равнять горбы или носы?
Так пускай торчат хоть в беспорядке
Головы на пиках!
А еще —
Не читайте, сударь, по тетрадке.
Куй, пока железо горячо!»

Адвокат, стрельнув орлиным глазом,
Отвечает:
«Гражданин горбун!
Знай, что наша добродетель — разум,
Наше мужество — орать с трибун.
Наши лавры — зеленью каштанов
Нас венчает равенство кокард.
Наше право — право голоштанных.
А Версаль — колода сальных карт».
А гремел он до зари о том, как
Гидра тирании душит всех;
Не хлебнув глотка и не присев,
Пел о благодарности потомков.

Между тем у всех у нас в костях
Ныла злость и бушевала горечь.
Перед ревом человечьих сборищ
Смерть была как песня. Жизнь — пустяк.
Злость и горечь... Как давно я знал их!
Как скреплял я росчерком счета
Те, что предъявляла нищета,
Как скрипели перья в трибуналах!
Красен платежами был расчет!
Разъезжали фуриями фуры.
Мяла смерть седые куафюры
И сдувала пудру с желтых щек.
И трясла их в розовых каретах,
На подушках, взбитых, словно крем,
Лихорадка, сжатая в декретах,
Как в нагих посылках теорем.

Ветер. Зори барабанов. Трубы.
Стук прикладов по земле нагой.
Жизнь моя — обугленный обрубок,
Прущий с перешибленной ногой
На волне припева, в бурной пене
Рваных шапок, ружей и знамен,
Где любой по праву упоенья
Может быть соседом заменен.

Я упал. Поплыли пред глазами
Жерла пушек, зубы конских морд.
Гул толпы в ушах еще не замер.
Дождь не перестал. А я был мертв.
«Дотащиться бы, успеть к утру хоть!»
Это говорил не я, а вихрь.
И срывал дымящуюся рухлядь
Старый город с плеч своих.

И сейчас я говорю с поэтом,
Знающим всю правду обо мне.
Говорю о времени, об этом
Рвущемся к нему огне.

Разве знала юность, что истлеть ей?
Разве в этой ночи нет меня?
Разве день мой старше на столетье
Вашего младого дня?

И опять:
«Дождаться, доползти хоть!»
Это говорю не я, а ты.
И опять задремывает тихо
Море вечной немоты.

И опять с лихим припевом вровень,
Чтобы даже мертвым не спалось,
По камням, по лужам дымной крови
Стук сапог, копыт, колес.

АРМИЯ В ПУТИ

1

Армия шла по равнинам Брабанта.
Армия аркебузиров и лучников,
Рослых копейщиков, рваных драбантов,
Тощих ландскнехтов, ханжей и обжор.
Армия гулко рыгала в харчевнях,
Пылко читала воззвания герцогов,
Домыслы риторов, списки плачевных
Жертв и плачевных трофеев обзор.

Сколько смертей, нечистот и лохмотьев,
Скотской ботвы и расклеванной падали,
Стертых подошв и чесоток в дремоте,
Ноющих спин и слезящихся век!
Жарко на мордах и на алебардах
Рыжее солнце играло. И молодость
Крепла от грязи, мохнатой, как бархат,
Жесткой, как сбруя, налипшей навек.

Запела труба в предрассветную рань,
Прокаркала дико ворона.
«Да здравствуют гезы, голодная рвань!
Да сгинет чужая корона!»
И бились как черти за каждую пядь
Брабантского славного графства.
«За здравствуют гезы!» Опять и опять:
«Да здравствуют гезы! Да здравству...»

Но черт возьми! Я тут в кольце событий,
Где смерть решает, быть или не быть ей;
Где варится похлебка из дерьма,
Тщеславия и страха; где тюрьма
Уже не каменная кладка зданья,

А целый мир... будь ты овца иль волк,
Достаточно попасться в мирозданье
Ногой в капкан — и родился... и щелк!

Бежать. Бежать. Бежать. Пока не поздно.
Бежать — пока не схвачен, не опознан,
Не заклеймен, как злостный дезертир,
Оравой этих дурней и задир.

Играют в кости. Спорят. Ругань. Рвота.
Кусок селедки ржавой. Жбан с вином.
Светает. Этот ужас для кого-то
Покажется историей и сном.

Пусть! Для меня он больше сна и меньше
Истории. Плач пограничных женщин.
Мрак сеновала. Запах нечистот.
Усталость потных лошадей.
                                        А тот
Усач-ландскнехт с багровым шрамом...

Но прежде чем дневник продолжить,
Я, автор, должен объяснить
Свое намеренье. Я должен
Вплести сюда другую нить, —
Необходимый комментарий,
Условность иль сюжетный ход, —
Но персонаж я свой состарю:
Он — неудачник, Дон-Кихот,
Гость в этой армии, искатель
Ненужной истины. Он трезв.
Пятно вина марает скатерть.
Все отказало наотрез
Ему в сочувствии. Все сбито,
Размыто, смято, сметено...
Марает мир уродство быта,
Как это винное пятно.
Война в разгаре.
                                        Как он робок,
Как необщителен! Над ним
Дух крепкой ругани и пробок
Раскупоренных — будто нимб.

И в этом воздухе неясно
Обозначаясь, чуть сквозя,
Он бурей века опоясан.

Но втерся к чудаку в друзья
Усач-ландскнехт с багровым шрамом,
Хороший малый, но дурак...
«Отстань!» —
«Стой! Отвечай мне прямо, —
И по столу стаканом бряк. —
Эй, малый! Может, ты лазутчик?
Не отпирайся! Я пойму».
...И скука этих глаз ползучих
Всесильной кажется ему.

Хорошая ночь. И попойка лихая,
И пламя в полнеба стоит, полыхая.
И песней, и паклей, и порохом пахнет.
И вдруг — как бабахнет...
И ухает эхо.
И в чьем-то камзоле дымится прореха.
И валится наземь, проклятья хрипя,
Бескостное тело, как ворох тряпья.

«Товарищ! Гордился ты шрамом багровым,
Усами ландскнехта, любовью стряпух?
Зачем же ты рекрутом в ад завербован,
Лежишь на полу, посинел и распух?
Какого ты черта со сволочью спорил?
Какого ты черта со сволочью пил?»

2

Светает. Человек коня пришпорил.
Кордон повстанцев сам же торопил
Его. И, не дочтя бумаг, дал пропуск.
Летят навстречу мельницы, мосты,
Харчевни и развалины. И пропасть
Меж ним и прошлым. И глаза чисты.

В мозгу несутся свежевымытые,
Отчетливые мысли. Без конца
Он повторяет: «Вы — мы — ты — я», —
За всех людей от своего лица.
Еще двенадцать лье — он за границей.
Еще двенадцать вот таких столбов —
И никаких улик не сохранится.

Он чувствовал, что
Все, что было сегодня,
Свинцом залито,
Сожжено в преисподней.
И дальше летел он,
Все глубже дыша,
Как будто бы с телом
Прощалась душа.

Вот кинулись в очи в снедающем дыме
Порты Адриатики, снасти фелуг
И синее пойло воды с молодыми,
Высокими чувствами дальних разлук.

По скошенному горизонту хлестало
Дождем и снегом. Время летело.
Пока на Альпах едва светало,
Неслось по Фландрии хилое тело.
И конская грива истлела. Как вдруг —
Ров... Кончено. Кончено.

3

Светало. Светало. Светало.
Но все еще не рассвело —
Чего-то сквозь сон не хватало...
Иль плечи ознобом свело?..

Сначала харчевня кренилась.
И девки в подоткнутых юбках
Прошлепали мимо пропойц.
Икнув, он внезапно проснулся.

Взял шляпу. Пощупал свой пояс.
Саднило коленку. И сухо
И вязко горело во рту.

Стрелял он в кого-то? Но что за
Бессмыслица!
                    Клюв разодрав,
Петух закричал маэстозо:
«Да здравствуют гезы! Да здрав...»

Вторым проснулся — совершенно цел,
Здоров как бык, ландскнехт с багровым шрамом.
Но наш герой соображал упрямо,
Как будто проверяя тот прицел:
«Стрелял. В того. Зачем? Ну, черт с ним!»
Но он — бежал! Еще сейчас в ушах
Свист ветра (память меркнет — что ни шаг).

Нет, утром жизнь должна быть хлебом черствым
И трезвою водой. Жизнь и на пядь
Не сдвинута. Поспали, пошумели —
И кончено. Всему виной похмелье.
Проспись, бездельник! Дважды два — не пять.

И вот опять плетется он по грязи.
И вот опять дорога. Вот опять
Канав и изгородей безобразье...
Не спотыкайся! Дважды два — не пять.
А там, в харчевне «Золотой лисицы»,
Где столько фляг и кружек на столе, —
Как бы к таким вещам ни относиться, —
Он призрак, опоздавший на сто лет.
Он призрак? Ха! Придумано неплохо.
Плащ, кожа, память, мускулы, костяк —
Не за себя, так за свою эпоху,
Не за свою — так за любую мстят.

4

В Остенде бой и в Генте бой.
И в Сент-Омере схватка.
Не время нянчится с собой,
Хоть это и несладко.

Святые спят в ковчегах рак,
Монахи нежат пуза.
Все, кто не трус и не дурак, —
Готовьте аркебузы!

И всем горлом раздутым я дую и дую,
И смотрю и смотрю на страну молодую.
Не тускнеет, не ржавеет трубная медь.
И никто не посмеет мешать мне шуметь.

И раздутое горло — как зоб соловьиный,
Задыхается трелью над свежей долиной.
И дыхания хватит ему, чтоб гора
Отвечала: «Да здравствуют гезы! Пора!»

Я не тупой монах, не арлекин, не рыцарь,
Не шлюха, не торгаш. Есть у меня Брабант.
Вот почему я тут. И некуда мне скрыться
От этой участи, от этих рваных банд.

Пора. Пора. Пора. Смотри на вещи прямо.
Довольно снов, и чувств, и песен, и вранья.
Бей зорю, барабан! А тот с багровым шрамом —
Сын своего отца и века, как и я.

Ты — армия в пути.
Ты — молодость чужая.
Тебя не обойти,
Форпосты объезжая.

Не бойся за меня.
Я стал твоею частью.
Мне ветер заменял
Несбыточное счастье.

Иду, как все они,
С твоей походкой вровень.
Огнем в лицо дохни.
Узнай меня по крови,

По рваному плащу,
По облику худому.
Не я в тебе гощу,
А ты во мне — как дома.

БАЛЬЗАК

Веньямину Каверину

Долой подробности! Он стукнул по странице
Тяжелым кулаком. За ним еще сквозит
Беспутное дитя Парижа. Он стремится
Не думать, есть, гулять. Как мерзок реквизит
Чердачной нищеты... Долой!
Но, как ни ставь их,
Все вещи кажутся пучинами банкротств,
Провалами карьер, дознаньем очных ставок.
Все вещи движутся и, пущенные в рост,
Одушевляются, свистят крылами гарпий.

Но как он подбирал к чужим замкам ключи!
Как слушал шепоты, — кто разгадает, чьи? —
Как прорывал свой ход в чужом горючем скарбе!

Кишит обломками иллюзий черновик.
Где их использовать? И стоит ли пытаться?
Мир скученных жильцов от воздуха отвык.
Мир некрасивых дрязг и грязных репутаций
Залит чернилами.
Чем кончить? Есть ли слово,
Чтобы швырнуть скандал на книжный рынок снова
И весело резнуть усталый светский слух
Латынью медиков или жаргоном шлюх?

А может быть, к утру от сотой правки гранок
Воспрянет молодость, подруга нищеты.
Усталый человек очнется спозаранок
И с обществом самим заговорит на «ты»?

Он заново начнет! И вот, едва лишь выбрав
Из пепла памяти нечаянный кусок,
Он сразу погружен в сплетенье мелких фибров,
В сеть жилок, бьющихся как доводы в висок.

Писать. Писать. Писать... Ценой каких угодно
Усилий. Исчеркав хоть тысячу страниц,
Найти сокровище. Свой мир. Свою Голконду.
Сюжет, не знающий начала и границ.

Консьержка. Ростовщик. Аристократ. Ребенок.
Студент. Еще студент. Их нищенство. Обзор
Тех, что попали в морг. Мильоны погребенных
В то утро. Стук дождя по стеклам. Сны обжор.
Бессонница больных. Сползли со щек румяна.
И пудра сыплется. Черно во всех глазах.

Светает. Гибнет ночь. И черновик романа
Дымится. Кончено.
Так дописал Бальзак.

ФАМИЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Сквозь факелы Варфоломеевской ночи, —
В ту осень, в тот год и в ту ночь,
Загнавший коня, раздираемый в клочья,
Ты мчался в Париж гугенотам помочь.

И десять рапир пригвоздили на месте
Тебя. Продолжалась резня.
А тень твоя путалась месяц в предместье,
Католиков рваной рубахой дразня.

Но если рубаха им снилась, то где-то,
В других, может быть, временах,
С твоей головою, на пику воздетой,
На приступ небес подымался монах,
Расстрига и бражник.

Столетия мало
Для ваших обугленных тел.
Но каждая площадь уже понимала,
Что крикнуть ты ей перед смертью хотел.

И это на твердой земле человечьей
Уже баррикадой звалось.
И тысячью песен, ремесел, увечий
Прожженный, с горящею шапкой волос,

Наивный, как дети, старинный, как время,
Сухой, как горячечный бред,
Ты сжал свою ненависть, как в теореме,
В короткую формулу, в точный декрет.

И билась листовка под ветром. И граждан,
Согбенных от многих невзгод,
Вновь обуревала и мучила жажда
Все сделать, что им полагалось в тот год.

На красных столах Якобинского клуба,
На шатких подмостках трибун
Делили вселенную. Было им любо
Смотреть на тебя, остроумец-горбун.

Но время летело! Но время хотело
Пробиться сквозь тысячи лиц.
Топтали копыта какое-то тело.
Какое-то солнце зажег Аустерлиц.

Осталось Сто дней, чтобы гул по вселенной
Катился, тобой упоен.
И кончился где-то Святою Еленой,
Толпою, несущей тебя в Пантеон.

Но время летело, не зная традиций,
И жгло романтический груз.
Мечтал ты сто раз умереть и родиться...
Но сдал свои козыри, разом обрюзг,

Прогнал содержанку, ютился в каморке,
Лет сорок прикапливал то,
Что только и может окончиться в морге,
Какою там юностью ни начато.

Бальзак за тебя написал мемуары.
По милости рыночных цен
Потомки твои, разжирев, как омары,
Меняли блатной на салонный акцент.

Но время летело, почти задыхаясь!
Но поршни машин паровых
Шипели на всех океанах. И хаос
Почуял добычу в потомках твоих.

Что было! Одних только полных пробелов,
Одних только счищенных строк,
Одних лжесвидетелей тьма оробелых!
Да! Созданный мир нестерпимо широк!

Твой мир! Капитель в завитках Возрожденья,
Гирлянда из лавров и харь.
Твой сейф, где на пачках замусленных денег
Бессмертен, как ты, корабельный сухарь.

А ты еще здравствуешь, хилый и хитрый,
Ведешь свою опись, Кощей!
Ты делаешь все митральезы и митры
И множество более мелких вещей.

Но время летит, как летело когда-то!
И сыплется в склянке песок.
И, празднуя вновь трехсотлетнюю дату;
Дырявишь ты пулей свой хрупкий висок.

За фрачным жилетом, за лоском крахмала
Обугленный виден скелет.
Но время летит! Но и этого мало
Для поздних твоих, для погубленных лет!

И кони шестеркой в попонах и крепах
Твою колымагу везут.
Но время летит и скребется в свирепых
Усильях. И жуток твой старческий зуд,

Когда, из-под плит гробовых вырастая,
Ты воешь всю ночь, как шакал:
— Где шляпа моя? Где шкатулка златая?
В шкатулке я совесть мою истаскал.

Где Библия, переплетенная этим
Обугленной кожи куском?
Где выручка дня? Завещание детям?
Я с ними уже триста лет незнаком!

Где шпага? Где пудра седых моих буклей?
Чекан моих звонких монет? —
Но время стоит.
И мерещится кукле
Меж ребер биенье, которого нет.

ВЛАДЫКА

Он знатен и богат. И по ночам он курит.
Он оловянных глаз не в силах отвести
От вздыбленной воды в косматой рыжей шкуре,
От шторма, яростно ревущего «прости».

В балансы мощь его разнесена до пенни,
Укрыта в формулы точнейших дисциплин.
Химерами витрин, приморских скрипок пеньем
Переливается его наследный сплин.

Он знает: это смерть. Идет в музей и в Сити,
Пьет вина, спит с женой, скупает груды книг,
Считает золото... И, жажды не насытив,
Он чувствует, что я к его окну приник.

А я ничтожный червь. Я выгнанный конторщик.
Я цифры завиток в его сухом мозгу.
Пусть ветер чучелом меня в окне топорщит,
Пусть ливень бьет в лицо, — я говорить могу.

Я расскажу ему, что время перепашет
Накатанный асфальт, седые парки, рвы,
Что царство рыцарей, пиратов и апашей
Вновь превратится в пир некошеной травы.

И вспомнит песню он кирки в породах горных
И первых парусов разбойничий припев.
Он кинется назад от скоростей рекордных,
Хватая мой рукав и страшно захрипев.

И я услышу гул в его висках склерозных,
Увижу красных глаз безумные шары,
Глядящие в ничто, в трильоны верст морозных,
Где льды, не измотав зазубрин мишуры,

Сшибаются и пьют пространство мировое...
Он руки хилые протянет в эту ночь.
Он крикнет: «Пощади!» Тогда нас будет двое
Навек. Но я ему не захочу помочь.

ГУЛЛИВЕР

С. Д. Кржижановскому

Подходит ночь. Смешав и перепутав
Гул океана, книгу и бульвар,
Является в сознанье лилипутов
С неоспоримым правом Гулливер.

Какому-нибудь малышу седому
Несбыточный маршрут свой набросав,
Расположившись в их бреду как дома,
Еще он дышит солью парусов,

И мчаньем вольных миль, и черной пеной,
Фосфоресцирующей по ночам,
И жаждой жить, растущей постепенно,
Кончающейся, может быть, — ничем.

И те, что в эту ночь других рожали,
На миг скрестивши кровь свою с чужой,
И человечеством воображали
Самих себя в ущельях этажей,

Те, чьи умы, чье небо, чьи квартиры
Вверх дном поставил сгинувший гигант, —
Обожжены отчаяньем сатиры,
Оскорблены присутствием легенд...

Не верят: «Он ничто. Он снился детям.
Он лжец и вор. Он, как ирландец, рыж».
И некуда негодованья деть им...
Вверху, внизу — шипенье постных рож.

«Назад!» — несется гул по свету, вторя
Очкастой и плешивой мелюзге...
А ночь. Растет. В глазах. Обсерваторий.
Сплошной туман. За пять шагов — ни зги.

Ни дымных кухонь. Ни бездомных улиц.
Двенадцать бьет. Четыре бьет. И шесть.
И снова. Гулливер. Стоит. Сутулясь.
Плечом. На тучу. Тяжко. Опершись.

А вы где были на заре? А вы бы
Нашли ту гавань, тот ночной вокзал,
Тот мрачный срыв, куда бесследно выбыл
Он из романа социальных зол?

Вот щелкающим, тренькающим писком
Запело утро в тысяче мембран:
«Ваш исполин не значится по спискам.
Он не существовал. Примите бром».

ВЕНЕРА В ЛУВРЕ

Безрукая, обрубок правды голой,
Весь в брызгах пены идол божества,
Ты людям был необходим, как голод,
И недоказан был, как дважды два.

Весь в брызгах пены, в ссадинах соленых,
Сколоченный прибоем юный сруб.
Тысячелетья колоннад хваленых,
Плечей и шеи, бедер, ног и рук.

Ты стерпишь все, — миазмы всех борделей,
Все оттиски в мильонных тиражах, —
О, только бы глядели и балдели,
О, лишь бы, на секунду задержав

Людской поток, стоять в соленой пене,
Смотреть в ничто поверх и мимо лбов, —
Качая бедра, в ссадинах терпенья,
В тупом поту, в безруком упоенье,
Вне времени!
И это есть любовь.

ПОРТРЕТ ИНФАНТЫ

Художник был горяч, приветлив, чист, умен.
Он знал, что розовый застенчивый ребенок
Давно уж сух и желт, как выжатый лимон;
Что в пульсе этих вен — сны многих погребенных;
Что не брабантские бесценны кружева, —
А верно, ни в каких Болоньях иль Сорбоннах
Не сосчитать смертей, которыми жива
Десятилетняя.
Тлел перед ним осколок
Издерганной семьи. Ублюдок божества.
Тихоня. Лакомка. Страсть карликов бесполых
И бич духовников. Он видел в ней итог
Истории страны. Пред ним метался полог
Безжизненной души. Был пуст ее чертог.

Дуэньи шли гурьбой, как овцы. И смотрелись
В портрет, как в зеркало. Он услыхал поток
Витиеватых фраз. Тонуло слово «прелесть»
Под длинным титулом в двенадцать ступеней.
У короля-отца отваливалась челюсть.
Оскалив черный рот и став еще бледней,
Он проскрипел: «Внизу накормят вас, Веласкец».
И тот, откланявшись, пошел мечтать о ней.

Дни и года его летели в адской пляске.
Все было. Золото. Забвение. Запой
Бессонного труда. Не подлежит огласке
Душа художника. Она была *собой*.
Ей мало юности. Но быстро постареть ей.
Ей мало зоркости. И все же стать слепой.

Потом прошли века. Один. Другой. И третий.
И смотрит мимо глаз, как он ей приказал,
Инфанта-девочка на пасмурном портрете.
Пред ней пустынный Лувр. Седой музейный зал.
Паркетный лоск. И тишь, как в дни Эскуриала.

И ясно девочке по всем людским глазам,
Что ничего с тех пор она не потеряла —
Ни карликов, ни царств, ни кукол, ни святых;
Что сделан целый мир из тех же матерьялов,
От века данных ей. Мир отсветов златых,
В зазубринах резьбы, в подобье звона где-то
На бронзовых часах. И снова — звон затих.

И в тот же тяжкий шелк безжалостно одета,
Безмозгла, как божок, бесспорна, как трава
Во рвах кладбищенских, старей отца и деда, —
Смеется девочка. Сильна тем, что мертва.

ФЛАМАНДСКАЯ ШКОЛА

...Старик в широкополой шляпе,
Небритый, толстый и босой,
Пьет пиво, девушку облапив,
Любуясь нищею красой.

Другие пьяницы и гости
Галдят, играют в домино,
Сопят, обгладывают кости.
В харчевне дымно и темно.

Вдоль потолка свисают с балок
Лиловые окорока.
Вид этот ни богат, ни жалок.
Вид этот — жизнь. Она крепка.

Меж тем художник, нам не видный,
В харчевню только что вошел.
В тревоге зоркой и обидной
Он посмотрел на шаткий стол,

На выраженья лиц, на пятна
Теней, ползущих по стене.
Ему без выкладок понятно,
Как уместить на полотне

Всю эту сцену, чтобы время,
Помедливши, сказало: «Стой!»
Решенное, как в теореме,
С такой наглядной простотой.

Пускай во прах сотрутся камни,
В пыль превратится человек,
Лишь холст, набитый на подрамник,
Пускай останется навек.

Вот отчего художник молча
Не кланяется никому,
Вот отчего со злобой волчьей
Впивается глазами в тьму,
В свое виденье.

Вот чем странен
В компании добрейшей он,
Какой стрелою с детства ранен,
Какой отравой зачумлен.

И голоден он безусловно,
И отощал во цвете лет.
Торчит перо на шляпе, словно
Сухой селедочный скелет.

Висит без складок плащ дырявый,
Весь в саже выцветший камзол.
А сам художник для оравы —
Наверно, худшее из зол.

Шарахаются девки с визгом,
Спирт испаряется из фляг,
Когда в таком соседстве близком
Он, самый главный из гуляк.

Как будто мир меняет русло
И размывает берега,
И весь содом в харчевне тусклой
Кренится к черту на рога!

ШЕКСПИР

Он был никто. Безграмотный бездельник.
Стратфордский браконьер, гроза лесничих,
Веселый друг в компании Фальстафа.
И кто еще? Назойливый вздыхатель
Какой-то смуглой леди из предместья.

И кто еще? Комедиант, король,
Седая ведьма с наговором порчи,
Венецианка, римский заговорщик —
Иль это только сыгранная роль?

И вот сейчас он выплеснет на сцену,
Как из ушата, эльфов и шутов,
Оденет девок и набьет им цену
И оглушит вас шумом суматох.

И хватит смысла мореходам острым
Держать в руках ватаги пьяных банд,
Найти загадочный туманный остров,
Где гол дикарь, где счастлив Калибан.

И вот герой, забывший свой пароль,
Чья шпага — истина, чей враг — король,
Чей силлогизм столь праведен и горек,
Что от него воскреснет бедный Йорик, —
Иль это недоигранная роль?

ЭДМОНД КИН

Лондонский ветер срывает мокрый брезент балагана.
Низкая сцена. Плошки. Холст размалеван, как мир.

Лорды, матросы и дети видят: во мгле урагана
Гонит за гибелью в небо пьяных актеров Шекспир.

Макбет по вереску мчится. Конь взлетает на воздух.
Мокрые пряди волос лезут в больные глаза.

Ведьмы поют о царствах. Ямб диалогов громоздок.
Шест с головой короля торчит, разодрав небеса.

Ведьмы летят и поют. Ни Макбета нет, ни Кина.
В клочья разорвана страсть. Хлынул назад ураган.

Кассу считает директор. Полночь. Стол опрокинут.
Леди к спутникам жмутся. Заперт пустой балаган.

ГАМЛЕТ

1

На лысом темени горы,
В корнях драконьих нор
Сверкает прочный до поры,
Веселый Эльсинор.

Желтеет плющ. Бегут года,
Свой срок отпировав.
Мосты скрипят, как смерть. Вода
Гниет в лиловых рвах.

Ум человека чист, глубок
И в суть вещей проник.
Спит на ковре исландский дог,
Мерцают груды книг,

Рапира, глобус, плащ, бокал
И чучело совы.
А в окнах гипсовый оскал
Отцовской головы.

Там в амбразуре снеговой
Застыл на триста лет
В короне вьюги как живой
Серебряный скелет.

2

И петухи поют. И время
Летит. И мертвые мертвы.
Все сжато в ясной теореме.
И Гамлет слышит рост травы,

Ход механизмов, звон стаканов,
Войну гипотез и систем
И распри мрачных великанов,
Которых он позвал затем,

Чтоб наконец-то, как бывало,
В их обществе понять себя, —
Быть гулом горного обвала,
Жить, ненавидя и любя.

3

Рви окна, подлая метель,
Спи, если можешь спать, измена!
Была жестка его постель,
Ночь одинока и надменна.

Он декламирует стихи
Так, что в полнеба отдается, —
Силен участием стихий,
Измучен маской идиотской.

И в час, когда свистит сарказм
По спинам лысых лизоблюдов,
Явилась ко двору как раз
Орава ряженого люда.

Он знает: нет им двадцати
И денег нет... Но это мимо!
«Друзья, пред тем как спать идти,
Сыграйте людям пантомиму!»

4

Веселый карапуз в ответ на эту речь
Сияет пламенем малинового носа:
«Затем мы и пришли. Нам нечего беречь.
Мой инструмент — я сам. И я не знаю сноса.
Вам — звон скрипичных струн,
звон клятвенный мечей,

Признанья первой встречной дуры.
Нам — колченогий ямб, и то не знаю чей.
Венец творенья иль венец халтуры.
Вам юность, бездна чувств.
Нам пыльный реквизит.
Нам ремесло и хлеб. Он тоже горек.
Но я сыграю то, что в будущем сквозит, —
Я, ваш слуга покорный, бедный Йорик».

5

Та злая ночь, когда окаменел он,
Мой черный плащ, когда доспех пустой,
На эспланаде, вычерченный мелом,
Встал на свету и прозвенел мне: «Стой!»

Та ночь под женский визг и треск литавр
Носилась где-то, шла во мне самом.
И комментатор облекался в траур
Наедине с моим сухим умом.

И триста лет меня любила юность
За фальшь афиш, за лунный сон кулис.
Мы целовались там, где негде сплюнуть,
Где нечем жить — мы жизнию клялись.

Я ждал событий. Я дышал в растущем
Очарованье горя жадным ртом.
Потом, когда мой занавес был спущен
И брошен в люки крашеный картон,

И, собственному утомленью предан,
Я понял, до чего оно старо,
И за дощатой переборкой бреда
Скрипел кассир, считая серебро, —

Тогда какой-то зритель благодарный
Пил водку, жалкой веры не тая,
Что он — бесплотный, юный, легендарный.
Что он — такой же Гамлет, как и я.

6

Не легендарен, не бесплотен,
Он только юн с тех самых пор,
Хотя и сыгран сотней сотен
Актеров, с ним вступавших в спор.

Его сыграл бы я — иначе,
Отчаянней и веселей:
При всякой новой неудаче
Смеется он в отместку ей.

Он помнит зрителей несметных,
Но юность слишком коротка,
Чтоб возмужать в аплодисментах
Всего партера и райка.

Пускай мертвец встает из гроба,
Пускай красавица влечет, —
Все начерно, все поиск, проба,
Все безрассудно, все не в счет...

Виня в провале свой характер,
Ребячливость и сонный нрав,
Он наспех гибнет в пятом акте,
Важнейшей сцены не сыграв.

Не легендарен, не бесплотен,
Всем зрителям он по плечу.
Таких, как Гамлет, сотня сотен.
Такого я сыграть хочу.

7

Пусть ушедшую с пира
Могильщик-остряк
Схоронил у Шекспира
На тех пустырях,
Где по осени горек
Сырой листопад.
Пусть оскалился Йорик
На смерть невпопад.

Пусть на голос природы
Ответить не смел
Человек безбородый
И белый, как мел.
Пусть, из гроба вставая,
С ним спорил король...
Это все боевая
Актерская роль.

Сказку в книге поэта
Прочесть вы могли.
Поклонитесь за это
Ему до земли.
Пусть не прячется сказка,
Встает во весь рост!
Смысл ее не истаскан,
Хотя он и прост.

Гамлет, старый товарищ,
Ты жил без гроша,
Но тебя не состаришь,
Но меркла душа,
Не лгала, не молчала,
Не льстила врагу.
Начинайся сначала!
А я помогу.

РОБЕСПЬЕР И ГОРГОНА

Драматическая поэма

Зое Бажановой

Глава первая

ФУРГОН

Начало термидора второго года Республики (июль 1794 года). Париж. Застава Сен-Дени. Санкюлот взмахом руки останавливает большой полосатый красно-зеленый фургон, на одной из стенок которого намалевана огромная маска Горгоны. Изображение слиняло, но общие контуры сохранились. На козлах фургона Горбун, с жидкой косицей, в полосатом камзоле, грязном желтом жабо и треуголке.

Санкюлот

Эй, гражданин! Что у тебя в фургоне?
И кто ты сам? Дай пропуск, если есть.

Горбун

Алкивиад Ахилл Бюрлеск, философ.
Привез в Париж семью и балаган.

Санкюлот

Комедиант? Я так и думал. Это
Пустое ремесло... Не обижайся!
Ты, может быть, хороший санкюлот
И ярый якобинец, но бездельник.
Теперь показывай бумаги.

Горбун

Вот!

Санкюлот

Гм!.. Все в порядке.

(Читает.)

«Балаган Горгоны
Под управленьем карлика Бюрлеска...
Патент на право представлений...» Так.
«Дано в Руане. Третьего нивоза
Второго года...» Что это за штука —
Горгона? Зверь, богиня или девка?

Горбун

Горгона есть чудовище и образ
Великой мрачной силы на земле.
Кто ей в глаза посмотрит, тот сейчас же
Окаменеет.

Санкюлот

Это басня?

Горбун

Да.
Я говорю про чудеса такие
Не для того, чтоб в просвещенном веке,
Когда народы встали на тиранов,
Смущать сердца и развращать умы...

Санкюлот

Прекрасно сказано!

Горбун

А этот герб —
Чело Горгоны, змеекудрой ведьмы —
Я выбрал потому, что наше время
Великое и мрачное. И люди
Должны смотреть в лицо, не каменея,
Войне и коалиции. Вы сами
Теперь почище всех моих горгон.

Санкюлот

Ну, открывай свой гроб.

Горбун

Изволь, мой Гектор!

Открывается окно фургона. Первым показывается личико белокурой девушки во фригийском колпаке.

Санкюлот

Гражданка хоть куда!

Горбун

Она приемыш,
Дитя безвестности. Живет со мной
С младенчества. Откуда, кто — не знаю.
Зовем ее мы Стелла. Акробатка.

Санкюлот

Да это сущий клад для парижан!
Приветствую тебя, гражданка Стелла!
Весьма доволен я твоим лицом,
Кокардой патриотки и улыбкой.
Не вижу, к сожаленью, остального,
Но убежден заранее, что все,
Все — совершенство, все, что ни возьмешь.

Стелла смеется.

О, да она смеется! Значит, любишь
Такие вещи слушать?

Стелла

Нет. Привыкла.

Санкюлот

Ого! Довольно гордая гражданка.
А как тебе я нравлюсь?

Стелла

Как сказать...
Не очень.

Санкюлот

Почему?

Стелла

Ты не умеешь
Обыкновенно говорить, без крика?

Санкюлот

А хочешь, я возьму тебя на плечи
И понесу по городу? Смеешься?
Она смеется! Вот как побеждают
Сердца девиц в Париже патриоты:
Берем республиканской простотой.
Раз, два, — и все готово.

Но Стеллы уже нет в окне. Вместо нее багровое женское лицо с тремя подбородками, в полосатом тюрбане.

Что за стерва?

Горбун

Мадам Ахилл Бюрлеск, моя жена.

Санкюлот

О, я хотел сказать: привет гражданке.
Как ты доехала?

Мадам Бюрлеск

Стручок гороха!

Санкюлот

Что ты сказала?

Мадам Бюрлеск

Бешеный крикун!
Таких, как ты, у нас не замечают.
Их просто давят каблуком — и все.

Горбун

Молчи, несчастная.

Мадам Бюрлеск

(мужу)

И ты хорош!
Нашел себе товарища, бездельник.
И я осуждена с таким вот дурнем

Жизнь провести до гроба. Горе мне!
И даже революция не может
Меня освободить. Какого ж черта
Вы делали ее? А мне терпеть?
Мне фигу, граждане? Благодарю!

Санкюлот

Ты арестована.

Мадам Бюрлеск

(плюет)

Молчи, навоз!

Санкюлот замахивается для пощечины. В окне показывается голова рычащего медведя. Санкюлот в бешенстве отступает. Медведя сменяет осел. За ним на окно вспархивает и машет крыльями, крича свой привет, петух.

Санкюлот

Здесь оскорбляют честных патриотов.
Здесь заговор, быть может, роялистский,
Здесь ужасы, от коих добродетель
Мрачнеет. Здесь людскому вероломству
Защитой служит ветошь балагана.
Ты арестован, гражданин Бюрлеск, —
Ты, и жена, и ваш фургон...

В окне опять Стелла.

Стелла

А я?

Санкюлот

Ты? Черт возьми! Совсем забыл об этом!

Стелла

Послушай, ты — хороший санкюлот,
Но вспыльчив и не понимаешь шуток.
Гражданка эта тоже патриотка.
Но у нее одышка, ревматизм,
Плохая печень — все болезни мира.
Она добра, безропотна, тиха.
И надо только выждать две недели,
Чтоб заслужить ее благоволенье.

Санкюлот

Гражданка, ты стрекочешь, как будильник.
Меня легко словами одурачить,
В особенности, черт возьми, когда
Такое личико... Молчи, гражданка!
Теперь я сам трагический актер,
Под стать Корнелю. У меня в душе
Идет борьба меж страстию и долгом.
Что делать?

Стелла

Отпустить нас.

Санкюлот

А старуха?

Горбун

Прости мою Ксантиппу, если можешь.
По крайней мере, гром был без дождя.
А то иной раз расшалится так
Мадам Бюрлеск, что на голову мне
Без содроганья свой кофейник выльет.
Я стоик и безропотно сношу
Ее, как первозданную мегеру.
Зато, отбушевав, она стихает
И вяжет мне фуфайки... Гражданин,
Мы люди бедные. До роялистов
И заговоров очень далеко нам...
А эта ветошь нищая — есть признак
Такой же честной жизни, как твоя...
(Снимает треуголку, подымает глаза к небу.)
Ты знаешь все. Ты видишь нас, Свобода.
И вопреки всей мерзости, кишащей
У ног твоих, — уверена в грядущем
И в том, что мы невинны.

Санкюлот

Проезжайте!

Горбун взбирается на козлы.

Санкюлот

(Стелле)

Когда б не ты, несдобровать Бюрлескам,

Стелла

Благодарю. Прощай.

Санкюлот

Прощай, гражданка!
А если я понадоблюсь тебе,
Запомни: секция Пуассоньер.
Военный комитет. Жак Робино.
Запомнила?

Стелла утвердительно кивает.

Найдешь ли?

Стелла

Там посмотрим.

Фургон трогается.

Санкюлот

Держи построже стариков. Сама
Старайся изворачиваться. Слышишь?
Не распускай их. Будет не до шуток.
Париж — котел. Ты слышишь, как кипит он?
Как жарко дышит он тебе в лицо?
Запомни, как искать меня. Прощай!

Глава вторая

ЗАГОВОР

Задняя комната в кафе на улице Павлинов. Горбун играет в карты с толстым Спекулянтом. Перед каждым — оловянные кружки с вином. За стулом Горбуна Стелла. У дверей Хозяин читает «Монитер».

Горбун

Свобода пик и Гений.

Спекулянт

Пас.

Горбун

Тем лучше.

(Стелле.)

Дитя, в моем футляре от кларнета
Достань-ка чистый носовой платок.

Стелла удаляется.

Девятка пик. Закон червей.

Спекулянт

Ого!
Не по-республикански ты сдаешь.
Мне это подозрительно...

Горбун

В чем дело?

Спекулянт

Шучу, не бойся. Нравится мне очень
Твоя девчонка... Пас. Я без Свобод...
Она мила, свежа... Тасуй колоду.
Пастушка Феокрита...

Хозяин

Скажем проще, —
Ведь ты бывалый человек, Горбун,
Поймешь на полуслове. Так проси
Какую хочешь цену. Понимаешь?

Спекулянт

Что ж, гражданин, сыграем на девчонку?

Горбун

Опять ты шутишь... В банке двести ливров.

Спекулянт

Свобода кроет. Равенство за мной
С Гражданской Доблестью. Нет, не шучу.
Идет?

Горбун

Нет, не идет! Я этой ставки
Не буду ставить! Стелла, где платок?

Стелла возвращается.

Спекулянт

Я это, сударь, с вашей стороны
Считаю подлостью.

Горбун

Считай чем хочешь.
Клади на стол сокровища двух Индий —
Ты девочки не купишь у меня.
На деньги будем резаться всю ночь,
Пока хозяин не запрет. Я даже
На тумбе уличной готов играть.
Но этого ребенка не касайся.

Спекулянт

Довольно странно ты на это смотришь.
Ведь я же не аристократ распутный
И этим нашу дружбу закрепил бы.
Гордишься? Черт с тобой. Играем дальше.

Хозяин

Эй, граждане, мне комната нужна
Для важной политической беседы.
А ты, Горбун, спел бы свои куплеты
Перед кафе. Там публики изрядно.

Горбун и Стелла уходят.

Спекулянт

Эй, пожалеешь! Будет поздно.

Хозяин

Брось!
Зачем шуметь? Тебя я познакомлю
С такою женщиной — оближешь пальцы.
Маркиза, фрейлина Антуанетты,
Теперь модистка, чудом уцелела...
Прелестная особа.

Спекулянт

Слушай, друг,
Устрой мне снова встречу с тем...

Хозяин

С Тальеном?
Он будет здесь.

Спекулянт

Но так, чтобы никто
Не помешал нам.

Хозяин

Можешь быть спокоен!

Между тем перед кафе, под сенью каштанов, при свете плошек, бумажных фонарей и факелов идет представление Горбуна. Фургон с откинутой задней стенкой служит подмостками.

Горбун

(фальцетом)

В начале перегона
Еще не повелось
Ни машкеры Горгоны,
Ни ржавых змей-волос,
Ни божеского роста,
Ни той безглазой тьмы.
Она актриса просто,
Она худой подросток
И весела, как мы.

Появляется Стелла. Ее волосы убраны кокардой из зеленых листьев.

Стелла

Когда вчера в полмира
Пылал дворцов картон,
Я парижан кормила
Своим горячим ртом.
Кормила карманьолой,
Брала вас голышом,
Рукой спасала голой.
Был юношеский голос
Пальбой не заглушен.

Из темных углов фургона появляются звери. Стелла мечется по подмосткам, как бы ища спасенья.

Горбун

Затопали копыта
Английского осла —
То тень Вильяма Питта
Над Францией росла.
И эмигрант, бросаясь
К соседям дорогим,
Спешил, как этот заяц,
Забыть марсельский гимн.

Стелла с внезапным порывом решимости хватает флейту Горбуна и начинает насвистывать «Марсельезу». Пальцы не повинуются ей, но постепенно она овладевает инструментом. Из-под шкуры медведя раздается мощное гуденье мадам Бюрлеск, подпевающей слова гимна. Фургон освещен бенгальским огнем. Горбун бьет в барабан. Все трое поют «Марсельезу», публика подтягивает. Между тем внутри кафе — тайная беседа в разгаре. За столом — Барер, Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа, Фуше, Вадье и другие члены Конвента, монтаньяры и умеренные. В стороне от общей группы — Тальен.

Тальен

Тереза арестована... Но где —
В Консьержери, в Лафорсе, в Люксамбурге?
Меня тошнит от мысли, что она...
Она... Фуше, ты понимаешь?.. Завтра...

Фуше

Ты много пил.

Тальен

И буду пить еще.
Все валится. Все не на самом деле...

Бийо-Варенн

Теперь дела!

Колло д'Эрбуа

Нет, я опять прерву.

Бийо-Варенн

Молчи, несчастный! Робеспьер не дремлет.
Скрипит пером Сен-Жюст.

Колло д' Эрбуа

Фу! Этот страх...
Как можно жить под вечною угрозой?

Тальен

(шепотом Фуше)
Ее зеленые глаза тусклы.
Ее горячий рот измучен страхом.
Ее, как лира, выгнутое тело
Покрыто грязною рогожей — нет...
Вот почему от липкого стакана
Я не могу сегодня оторваться.

Фуше

Отстань!

Тальен

Постой, дай досказать!.. Ты знаешь:
Я на нее истратил все, что мог.
Я потакал ее тупым капризам...
Распоряжаясь жизнью роялистов,
Я продавал себя и Комитет.
Все превращалось в деньги и в караты —
Страх, совесть, вымогательство и честь.
Я жалок стал, я исхудал, как тень,
Не спал ночей, — но я любил ее,
Ее, пустую, добрую — такую,
Какой она встает сейчас со дна
Проклятого стакана.

Хозяин кафе манит его пальцем. Тальен неверными шагами идет к нему. За спиной хозяина — Спекулянт.

Тальен

Как дела?

Спекулянт

Пять тысяч. При удаче остальное.

Тальен

Ты незнаком еще с Консьержери?

Спекулянт

Но...

Тальен

Завтра познакомишься...

Спекулянт

Семь тысяч.

Тальен

Сегодня ночью!

Спекулянт

Восемь, девять, десять!..

Тальен

Все двадцать тысяч в золоте английском
Вперед... И никаких иных условий.

Спекулянт

Но если ты...

Тальен

Что если?

Спекулянт

Если брат
Не будет завтра на свободе?..

Тальен

Видишь
Вот этот бланк? Здесь надо только имя
Моей рукой проставить и число.
И ты поедешь сам в Лафорс. Тюремщик
Перед тобой откроет все замки.
Я полагаю, что за ужин с братом
Не так уж много двадцать тысяч ливров!
Он нажил на поставках в интендантство
И должен чистоганом расплатиться
С республикой в моем лице.

Спекулянт

Но разве
Докажешь ты, когда, и где, и сколько
Мы нажили? Согласно всех фактур,
Имеющихся в копиях у брата,

Закуплено в Амьене и Блуа
Четыре тысячи квинталов сена
И яровой соломы. Весь фураж
Предназначался армии.

Тальен

Не надо
Мне этих данных. Мне и так все ясно,
За исключеньем маленькой детали:
Помимо сена и соломы — вы
Скупали хлеб в Амьене...

Спекулянт

Это ложь!

Тальен

И продавали в Бельгию.

Спекулянт

Донос!

Тальен

Довольно слов! Жизнь или кошелек —
Решай!

Спекулянт

Не позже завтрашнего полдня
Все деньги будут у тебя в руках.

Тальен

Смотри же!

Спекулянт и Хозяин скрываются. Тальен присоединяется к группе заговорщиков.

Бийо-Варенн

Что ты скажешь?

Тальен

Робеспьер,
Конечно, выше нас голов на двадцать.
Он смотрит в будущее. Но я сделал
Свой выбор. Мне здесь нечего терять.
Я средний человек. Я это знаю

И на бессмертье попросту плюю.
Кто хочет — пусть фальшивит и хоть горлом
Берет его пронзительное «си».
В моем регистре этой ноты нет!
Ты понимаешь? Не хочу — и баста!

Б а р е р

Посредственность — вот будущая сила,
Которая придет на смену им.
Вот истина, которая дороже
Всех Деклараций Прав. Быть равнодушным,
Спокойно приспособиться, склониться
Перед необходимостью — и жить, —
Ты думаешь, такая вещь не стоит
Тех трех голов?

К о л л о д' Э р б у а
(мрачно)

А может быть и больше!

Б и й о-В а р е н н

Не думаю...

К о л л о д' Э р б у а

А я почти уверен.

Б а р е р

Для краснощекой, полнокровной, доброй,
Для лучшей части нации, — для брюха,
Которое при короле хирело,
Спало без просыпу, вчера проснулось
С урчаньем, с требованьем есть и пить
И завтра будет завтракать в Европе
По твердым ценам, — вот кому нужна
Такая операция.

Т а л ь е н

Дантон

Был прав: Республика не Фиваида,
Где горсть каких-то постников-траппистов
Смиреньем удивляет дураков.

В а д ь е

Пусть нам дадут дышать, — и мы дадим.

Барер

Довольно с нас риторики. Долой
Спартанскую похлебку Робеспьера
И красноречье школяра Сен-Жюста.
Долой горящие глаза. И рты,
Хрипящие от бешеных гипербол.
Мы, черт возьми, не схемы, а созданья
Из крови, слабостей и аппетитов.
Мы будем воевать...

Колло д' Эрбуа

Наверно, будем!

Барер

Но босиком мы не пройдем и лье...
Мы будем строить... Но не балаганы,
Где девки тощие изображают
Венчанье добродетели. Мы будем
Не задаваться, а дышать — и все.

Фуше

Короче, мы сумеем сговориться.
Теперь — дела. Проскрипционный список
Действительно гуляет по рукам.
В нем имена: мое, Вадье, Барера,
Тальена, — остальные на закуску.
Осведомитель мой, вам неизвестный,
Дал мне понять, что Якобинский клуб...

Бийо-Варенн

Ты видел список?

Фуше

Нет. Но сам слыхал...

Тальен

Мы все слыхали. Это не причина,
Чтоб выступить. Поменьше бабьих сплетен.
Побольше точности...

Фуше

А я считаю,
Что, если списка нет, он завтра будет.
Он неизбежен. Если пал Дантон,
Падем и мы: и ты, и я, и этот...

Тальен

Сравненье с великаном неуместно.
Мы все-таки пигмеи. Надо трезво
Смотреть на вещи, граждане...

Колло д' Эрбуа
(стуча кулаком по столу)

Пигмеи?
Как бы не так. Мы люди. Средний рост
Почтенен, как любая добродетель.

Тальен

Зачем же бить стаканы?

Фуше

К делу, к делу!

Под сенью каштанов представление Горбуна продолжается.

Горбун

...Она актриса просто,
Она худой подросток
И весела, как мы...

Опять появляется Стелла.

Голос в публике

Опять сначала? Это мы видали!
Горбун, показывай, что было дальше!

Горбун

Терпенье, граждане! На этот раз
Я покажу вам вариант конца
Весьма печальный. Граждане, вниманье!

Стелла со зверями повторяет свою пантомиму.

Горбун

Но шла река на убыль.
Хладел огонь в крови.
Потрескалися губы
От стольких слов любви,
От стольких клятв и песен,
Где смертью был припев.
И стал напиток пресен,
И стал мотив невесел,
И — смолкнул, захрипев.

Стелла

Ну что ж, надену маску,
Пойду пугать народ.
Смотрите, как истаскан
Вас целовавший рот.
Венчанного кретина
Скатилась голова,
О, мрачная картина!
Всем правит гильотина, —
Но песнь моя жива!

Звери с рычаньем сдвигаются вокруг нее.

Горбун

Химеры засмотрелись
На вольную красу.
Но я младую прелесть
От гибели спасу.

Стелла

На помощь — все, кто любит!
Вставайте — все, кто жив!
Вы, в Якобинском клубе!
Вы, в секциях чужих!
К оружью, патриоты!
Бей в барабан, Париж!

Среди публики движенье. Подымается Длинноногий с угреватым носом.

Длинноногий

Немедленно прошу вас прекратить!
(Поднимается на подмостки.)

Что значит песнь о гибели Свободы?
Ты не в своем уме! Ты, верно, сам
Агент Вильяма Питта, гражданин?
(Хватает Горбуна за шиворот.)
Чудовище разврата, отвечай!

Горбун

Я полагал, что мой куплет невинный
Подымет дух гражданский.

Длинноногий

Полагал?..
Намеками тупыми искажать
Божественную правду наших дней, —
Так вот что дух народа подымает?
Так вот что называется у вас
Гражданской доблестью? Я в изумленье...
Пускай же Трибунал решит, кто прав!
Идем за мной!

Горбун

Куда?

Длинноногий

Ты там узнаешь.

Стелла

И я иду.

Длинноногий

Ты, беленький зверек,
Здесь ни при чем... Останься. Твой отец...

Стелла

Он не отец мне.

Длинноногий

Значит, твой любовник.
Ты хуже не могла найти? А впрочем,
У женщин вкусы странные. Идем.

Мадам Бюрлеск

Построже накажи его!

Длинноногий

А это

Что за явленье?

Мадам Бюрлеск

Я — его жена.

Длинноногий

Ого! Жена предстательствует взорам
Народной Немезиды против мужа.
Редчайший случай! Чем он провинился
Перед тобой? Выкладывай, старуха!

Мадам Бюрлеск

Он подлый лежебока, он картежник,
Философ, разгильдяй, транжир, урод...
Он просто скверный муж.

Длинноногий

С меня довольно.

Мадам Бюрлеск

Освободи меня от этой твари!
Мне сорок лет. Я хороша собой,
Могу еще понравиться мужчинам.

Голос

Идем со мной, толстуха!

Мадам Бюрлеск

Мой Парис!
Лечу в твои объятья.

Голос

Честь и место!

Она грузно проваливается в толпу. Ее роль кончена.

Длинноногий

Что ж, гражданин! Пора нам в путь-дорогу.
Бери свой плащ и шляпу. И прощайся.

Горбун
(Стелле)

Прощай, дитя! Не бойся за меня.
А если что случится, не жалей.
Корми зверей и уезжай с фургоном,
Куда захочешь.

Стелла

Я дождусь тебя.

Горбуна уводят. К Стелле подходит Спекулянт.

Спекулянт

Мой ангел! Вы в слезах, вы вне себя.
Здесь вас обидеть могут. Дайте ручку.
Позвольте мне участие принять
В ближайших ваших начинаньях.

Стелла

Кто вы?

Спекулянт

Друг, смею вас уверить, самый нежный,
Внимательный и скромный.

Стелла

Что мне делать?

Спекулянт

Довериться мне смело. Только ночь,
Одна лишь ночь должна пройти... А завтра...
О, завтра утром мы найдем пути,
Нащупаем возможности... Ручаюсь,
Что Горбуна мы вырвем из когтей
Плутона, обожаемая прелесть!
Идем со мной. Не бойтесь ничего.
Для смелости, а может быть, на счастье,
Давайте чокнемся.

(Подводит ее к столу.)

Зефир играет
Кудрями вашими. Жизнь хороша.
Головка закружилась? Ай-ай-ай!

Стелла

Простите. Не привыкла я к вину.

Спекулянт

Возьми на память от меня колечко.
Я буду толстеньким твоим Пьеро,
Твоим папашей, милая сиротка.
А ты моей... Моей...

Стелла

Довольно. К черту!
Подлец! Оставь меня. Я закричу.

Спекулянт

Ну, ну, спокойно! Я же пошутил.

Стелла

Мне нечем заплатить за эту низость.
Пощечина была бы слишком жирным
Подарком. Помирись на меньшей плате!
(Выплескивает ему стакан в лицо и убегает.)

Глава третья

ФОНАРЩИК ПОЕТ ЗА ОКНОМ

Комната Робеспьера в доме Дюпле. Вечер. Одна свеча. Робеспьер за окном пишет. Перед ним большая бронзовая чернильница, гусиные перья, кипа бумаги. У окна — Сен-Жюст. На стене портрет Руссо. Входит Элеонора Дюпле, бледная девушка с тонкими губами.

Элеонора

Миксимильян, я принесла тебе
Поужинать.

Робеспьер

Не надо. Дай мне соды.

Элеонора дает ему стакан.

Проклятое перо. Скрипит, и брызжет,
И рвет бумагу. Десять тысяч раз
Просил я ставить соду на столе.
Я не прошу тебя о свежих розах...
Не надо пыль стирать с моих бумаг...
Стакан с водой — и все.

Элеонора

Мой друг, ты болен.

Робеспьер

Уйди!

Элеонора

Я не хочу надоедать,
Но я имею право на вниманье.

Робеспьер

Уйди.

Элеонора

Я знаю все. Я не слепая.
Я, как и ты, не сплю ночей и слышу
Твои шаги за тонкою стеной.
Ты изнурен работой.

Робеспьер

Не мешай.

Элеонора

Хоть улыбнись. Хоть посмотри в глаза мне.
Иначе ты не человек.

Робеспьер

Уйди.

Элеонора тихо удаляется. Робеспьер грызет ногти. Сен-Жюст подходит к нему.

Сен-Жюст

Вот список. Это наконец смешно,
Что самый нужный шаг еще не сделан.
Бийо-Варенн, Тальен, Вадье, Фуше,
Барер, Колло д'Эрбуа...

Робеспьер

И кто еще?
А, В, С, Д, — вплоть до последней буквы
Весь алфавит ты должен перебрать.
Не в списках дело и не в именах.
Насквозь продажно ведомство финансов.
Тут сорван государственный кредит,
Там покровительство ажиотажу.
Кто во главе? Фельяны, бриссотинцы,
Аристократы или их лакеи —
Все эти Раммели и Маларме,
Прилипшие к Республике, как гроздья
Сосущих паразитов... А затем
Насквозь прогнили Комитеты Блага,
Спасенья, Безопасности... Везде
Одно и то же! Наш конец, Сен-Жюст.
Где же искать решимости?

Сен-Жюст

В терроре.

Робеспьер

А в чем же основанье продолжать
Террор и завтра?

Сен-Жюст

В логике вещей.

Робеспьер

А логика действительно права?

Сен-Жюст

Недавно ты не спрашивал, а делал.

Робеспьер

Отложим этот трудный разговор
До новой встречи.

Сен-Жюст

Я могу уйти?

Робеспьер

Постой, Сен-Жюст! Мы оба слишком долго
Живем одним и говорим одно.
Мы так непоправимо, слепо сжались
В один глоток огромного дыханья —
То перьями скрипим, то произносим
Тирады, долженствующие стать
Бессмертными, — а между тем, Сен-Жюст,
Не знаю почему, но я хотел бы...

Сен-Жюст

Не продолжай! Мне, право, безразлично,
Чего бы, как бы, сколько бы ты съел,
С какою дамой спал, чем заплатил бы,
Встал с головною болью или нет.
(Ходит большими шагами по комнате.)
Нет ничего, чего бы я не знал.
Я слышу все вопросы. Все ответы.
Звенят, гудят во мне наперебой.
О, эта мука! Этот грозный возраст,
Когда и человек и тень его,
Растущая до потолка в потемках,
Должны смотреть в лицо самой судьбе,
Стремиться к истине и ненавидеть.
Все промедленья времени, все цепи
Причин и следствий, все уловки слабых!..
Вся тайна в смелости и быстроте.
Когда-то нас несло к Парижу море
Знамен и ружей, шапок и кокард.
Имеют право только эти ружья
На будущее.

Робеспьер

Ты разбудишь дом.

Сен-Жюст

Соседи. Стены. Комнаты. Шкафы.
Отхожие места. Аптеки. Тумбы.
Кафе. Заплеванные тротуары.
А где-то фронт. Война со всей Европой.
Берем Антверпен. Двинулись на Рейн.
Но грош цена знаменам триумфальным,

Пока в Париже воют проститутки.
Пока в Париже есть еще перины
Не вспоротые. Есть еще шкафы
Не взломанные. Есть мильон Бастилий,
Еще не взятых штурмом, Робеспьер.

Робеспьер

Ребенок!

Сен-Жюст

Значит, ты меня не знаешь.
А мог бы знать. Ты был таким же точно.
Проскрипционный список, Робеспьер!
Должны все те, кого назвал я раньше,
Предстать пред Трибуналом.

Робеспьер

Дай мне время
Подумать.

Сен-Жюст

Завтра будет поздно. Знай:
Кто сомневается на полдороге,
Тот осужден до всякого суда.

Робеспьер

Вчера мне снилось, что в меня вошел
Конвент во всех его недомоганьях —
С решимостью, и завистью, и бурей
Вершин Горы, и кваканьем Болота.
Я был разорван ревом голосов
И дико заметался меж скамеек...
Нет! Это я в самом деле метался.
И только морды бешеных Горгон
Плевали мне в лицо. Тут я проснулся...

Сен-Жюст

Конвент? Конвент — болото. Разве там
Ключи от революции?

Робеспьер

Так, значит,
Я завтра выступаю с обвиненьем?

Сен-Жюст

Против кого?

Робеспьер

Всех названных тобой.

Сен-Жюст

Ты подготовлен?

Робеспьер

Речь моя вчерне
Набросана. К утру перепишу.

Сен-Жюст

Что ж ты молчал?

Долгое молчание. Робеспьер подходит к окну.

Робеспьер

Послушай, друг, как жалуется ветер
В железных дымоходах. Полночь бьет.
По улице идет хромой фонарщик.
Он, видно, пьян. Поет... Послушай песню.

Фонарщик
(поет)

Росло у короля
На шее вроде шара,
И все дела решало,
И пело тру-ля-ля.

Казнен Луи Капет.
Скатился шар с помоста.
Он стал пониже ростом.
И нечем есть обед.

А пудреный арбуз
На пике над Парижем
Был весь от крови рыжим.
И я его боюсь.

Робеспьер

Ему осталось положить на песню
Еще печаль о голове Дантона,

А через месяц — радость о моей.
Да, да, — об этой падали с глазами
Стеклянными и ртом, землей набитым...
Брр!

Сен-Жюст

Лихорадка, трусость?

Робеспьер

Нет. Усталость.

Сен-Жюст

Болезнь, не излечимая ничем.

Робеспьер

Быть может, смертью...

Сен-Жюст

Смерти нет для нас.

Робеспьер

Есть — и еще какая!

Сен-Жюст

Там посмотрим!

Робеспьер

Ты побледнел?

Сен-Жюст

От счастья. Все, что было,
Что есть и будет, — решено судьбой.
Судьба всегда прекрасна. Дай мне руку!

Робеспьер

Она твоя.

Сен-Жюст

Какой бы ярый вихорь
Ни закрутил нас, мы верны?

Робеспьер

Верны.

Глава четвертая

СТЕНА И РЕБЕНОК

Туманный перекресток. Дождь. Гребни мокрых крыш. Мигающий фонарь. Выступ дома в лепных завитках, среди которых голова Горгоны. Робеспьер проходит, сгорбленный, с тростью и папкой бумаг.

Робеспьер

Как мысли гонятся, как мчатся дальше,
Как бешено друг друга сторожат,
Как сам я перебранкой их прижат,
Как изнемог от их змеиной фальши!..
Нет! Я не ошибался никогда!
Мой разум чист и ясен до предела.
Чего же ты, стена, недоглядела?
И почему не отвечаешь: да?
Молчишь, ничтожество? Ты, значит, с теми?
Вступила в заговор? Смотри в глаза!
Париж, сто раз голосовавший за
Грядущее, плюет на вашу темень.
Плюет на немоту твоих химер,
На их синклит, гримасничавший подло.
Пускай ответят! Я пример вам подал.
Хоть ты, чудовище!

Стена

Что, Робеспьер?

Отшатнувшись, он останавливается как вкопанный.

Робеспьер

Кто ты?

Стена

Горгона.

Робеспьер

Это шутка?

Стена

Нет.
Я каменная маска на фасаде.
Меня ты видел много дней подряд,
Не замечая.

Робеспьер

Маска? Много дней?..
Облупленная временем и ветром
Гримаса грязной городской стены...

Стена

Вот именно.

Робеспьер

Чего ты хочешь, маска?

Стена

Поговорим немного, Робеспьер!

Робеспьер

О чем?

Стена

О чем? О сущности вещей.
Я вижу всех, мимо меня идущих...
Но некому мне опыт свой внушить.
А я клянусь, что видела такое,
Что столько скоплено в ненастных стоках
Злодейства, горя, низости и славы...
Моим рассказом будешь ты доволен.

Робеспьер

Я слушаю.

(Про себя.)

Я начинаю бредить.

Стена

О друг мой! Правда, я имею право
Тебя назвать так нежно?.. Осмотрись:
На убыль, что ни день, река на убыль.

Робеспьер

Скорее к делу, или я уйду!

Стена

А между тем ночная тьма кишит
Предательством и вероломством...

Робеспьер

Знаю.

Стена

А знаешь ли ты слово, чтоб подвигнуть
Страстей гражданских пламя на дела?
А пользуешься ты еще влияньем?
А кроме слов и тщетного витийства,
Есть у тебя?..

Робеспьер

Постой! Что за допрос?
Пред чьим судом, кому я отвечаю?

Стена

Своей возлюбленной.

Робеспьер

И это ты,
Бессмысленная гипсовая морда?
Ты, сточная дыра?

Стена

Чем я плоха?

Робеспьер

Ты отвратительна.

Стена

Найди получше!

Робеспьер

Ты издеваешься?

Стена

Я отвечаю.

Робеспьер

Могла бы остроумней.

Стена

Помоги!

Робеспьер

Что делает сейчас Тальен?

Стена

Он спит.

Робеспьер

Барер, Бийо-Варенн, Фуше, Вадье?..

Стена

Все патриоты доблестно храпят
В своих постелях...

Робеспьер

Ты плохой оракул.

Стена

А может статься, гражданин Фуше
Сейчас торгуется с любым из прочих
О чьей-нибудь счастливой голове.

Робеспьер

Чья это голова?

Стена

Не знаю, право.

Робеспьер

Довольно. Ты моя болезнь.

Стена

Твой разум.

Робеспьер

Мой сон.

Стена

Твоя бессонница.

Робеспьер

Пусти!

Стена

Нет. Не пущу. Посмей перерасти
Мой безысходно лающий сарказм.
Но если ты на гибель обречен
И зришь во тьме Горгону с волосами
Змеиными — стена здесь ни при чем.
Твои глаза все подсказали сами,
Что им хотелось, — тьме глухонемой.
Проснись же! Вот единственное средство.
Блесни хоть бешенством!

Робеспьер ударяет тростью по стене. Кусок штукатурки отваливается.

Робеспьер

Вот и конец твой!
(Берет с земли кусок штукатурки. Он крошится у него в руках.)
Не краше будет, кажется, и мой.

Тут Робеспьер замечает за выступом стены в темной нише фигуру спящей девочки. Фригийский колпак надвинут на глаза. Мы можем только догадываться, что она нам уже знакома, и сейчас в этом убедимся.

Оказывается, стена чревата
Еще одним смиренным существом,
Ребенок... Нищенка иль проститутка?
Порок иль добродетель здесь ютится
Без крова и ночлега?

Стелла

(просыпается)

Дождь еще
Не кончился?

Робеспьер

Все льет и льет, гражданка.
Кто ты такая?

Стелла

Стелла.

Робеспьер

Это имя?

Стелла

По сцене — Стелла.

Робеспьер

Ах, комедиантка!
Я думал хуже...

Стелла

Это тоже плохо!

Робеспьер

Ты недовольна ремеслом своим?

Стелла

Нет ничего хорошего на свете.
Горбун, хозяин нашего фургона,
Сегодня арестован. Завтра утром
Я выйду, может быть, на тротуар.
Мне нечего хранить. Пойду, как все
В Пале-Рояле крашеные шлюхи...
Мила я, как пастушка Феокрита.
Сам посмотри: стройна и белокура...
Ты за меня ведь дал бы сотню ливров?

Робеспьер

Но ты должна понять: Верховный Разум
В неизмеримой благости дает
Такое нежное лицо и душу
Не для того...

Стелла

Ты проповедь читаешь?
Оставь, пожалуйста! А для чего же
Дается нежное лицо такое?
Я, может быть, еще не знаю жизни,

Но главный фокус поняла давно:
Я не умру и голодать не буду.

(Поет.)

Пока добытая трудом
Республика шаталась,
Сюзон пошла в публичный дом
И там навек осталась.

Робеспьер

А где служила ты, в каком театре?

Стелла

У нас театра нет. Мы разъезжали
С фургоном по Парижу. Назывались
Мы очень грозно: «Балаган Горгоны».
Но ты не бойся! Это ведь уловка,
Чтобы привлечь вниманье парижан.
А в аллегориях страстей и прочем,
Поверь мне, публика не разбиралась.

Робеспьер

Горгона? Странно! Сходятся все нити
Вокруг ее косматой головы...
За что же твой хозяин арестован?

Стелла

Не знаю, собственно. Сам посуди!
Едва мы кончили в одном кафе
На улице Павлинов представленье,
Вдруг поднялся какой-то патриот,
Схватил за ворот Горбуна, рычит,
Что наше представленье намекает
На что-то там такое... И увел
Беднягу в Трибунал. Так было дело.
Что ж, гражданин! Я ведь не дочь ему
И, к счастью, не любовница. И, к счастью,
Смешна мне жалость и печаль чужда.
Жила — как фея, буду жить — как... Ладно!
А что в Париже правит Робеспьер,
Что он еще страшнее, чем Горгона, —
По чести, мне на это наплевать.
Но почему ты все дрожишь, бедняга?

Р о б е с п ь е р

Меня знобит.

С т е л л а

Ты болен?

Р о б е с п ь е р

Я устал.

С т е л л а

Где ты живешь?

Р о б е с п ь е р

Нигде. В людских умах.
В благословенье их непониманья...
Или, быть может, в дождевом тумане
Вокруг тебя... Но только не в домах.
Или в тебе самой, в худом подростке...
Быть может, в слабом отблеске огня,
Затепленного нам на перекрестке...
Другого дома нету у меня...

С т е л л а

А не скрываешься ты?

Р о б е с п ь е р

От кого?

С т е л л а

От Робеспьера...

Р о б е с п ь е р

Все-таки стена!
Я от себя скрываюсь, — это хуже.

С т е л л а

А часом не сошел ли ты с ума?

Р о б е с п ь е р

Нет, этого могу я не бояться.

С т е л л а

Но почему мне кажется, что я
Тебя видала где-то?

Робеспьер

Сомневаюсь.

Стелла

Стоит худой напудренный кузнечик,
С большим ножом... И около него
Корзина, полная людских голов...
С таким лицом, с такой спиной сутулой
И, кажется, в очках. Наверно, это
Была картинка. Только где?

Робеспьер

В журнале
Английском?

Стелла

Знаю. Просто на пакете,
В который завернули мне селедку.

Робеспьер

Так я, по-твоему, похож на эту
Кровавую фигурку?

Стелла

Да, немного.
В особенности сбоку. Только нос
Там был с горбинкой, как у попугая...
Дождь кончился. Пора мне отправляться.
Скажи, где секция Пуассоньер —
Военный комитет?

Робеспьер

Какая даль!
Ты ночью не найдешь туда дороги.
Пойдем со мной. Я помогу тебе.

Стелла

Признаться, я не очень бы хотела
С тобою связываться... Ты ведь нищий,
К тому же некрасив, хотя и щеголь.

Возьми другую спутницу себе.
А я дорогу как-нибудь найду
Без провожатого. Спокойной ночи!

(Удаляется.)

Медленно ползет рассвет.

Робеспьер

Другую спутницу? Тут есть одна...
Сама навязывалась... Эй, старуха,
Горгона, гипсовая маска славы!
Идем! Я все-таки с тобой. Пора.

Глава пятая

КОНВЕНТ

Девятое термидора. Все скамьи для публики полны. Гул голосов. На трибуне Тальен.

Тальен

Сорвать завесы! Робеспьер хотел
Разъединить нас и поочередно
Послать на гильотину... Он тогда
Один бы возвышался средь развалин
Народоправства — Робеспьер-диктатор!
Конвент отныне должен непрерывно,
Не выходя из зала, заседать,
Покуда меч закона не упрочит
Существованье революции,
Покуда мы не издадим приказ,
Свергающий тирана.

Робеспьер

Дайте слово!

Колло д'Эрбуа

Ты слова не получишь.

Робеспьер

Почему?

Колло д'Эрбуа

Ты в списке у меня стоишь восьмым.

Вадье

(на трибуне)

На редкость скромен этот гражданин.
Он часто нам говаривал: кто против
Меня, тот, значит, злейший враг Свободы.
Конечно, эта логика бесспорна.
Конечно, человек, отождествлявший
Себя с Республикой, имеет право
На многое. Кому здесь возражать?
Но я напомню вам — на всякий случай —
Про богоматерь этого шута.
Есть предсказательница Катерина
Тео, весьма таинственная дрянь.
Есть у нее шпионы и пророки.
Мне кажется, тут вьется нить забавной
И пакостной интриги. Полюбуйтесь,
Как истинно разборчив Неподкупный
По части женской прелести! Гражданке
Не более шестидесяти лет.
Я не ищу прямого обвиненья,
Я только намекаю.

Бийо-Варенн
(тихо Тальену)

Сорвалось!
Заквакало Болото! Это худо.
Они смеются. Некому рычать.
Изволь теперь разогревать сначала!

Тальен

(тихо)

Ты прав.

(Вслух.)

Мы уклонились от предмета.

Робеспьер

Я вас верну к исходной точке. Слова!
(Бросается к трибуне.)

Следом за ним — Тальен.

Тальен

К исходной точке, Робеспьер? А с этим
(выхватывает кинжал)
Ты незнаком? Вот для тебя исход!
Я требую ареста Робеспьера.

Голоса

Поддерживаем! Голосуйте!

Гул, в котором пропадают отдельные восклицанья.

Бийо-Варенн

(тихо)

Лишь бы
Не упустить минуты! Мы танцуем
На проволоке. Лишь бы он молчал!

Робеспьер цепляется за трибуну. Несколько рук стараются оттащить его силой, хватая за фалды фрака.

Робеспьер

Чудовища! Я говорю не с вами.
Я обращаюсь к трезвым... Я хочу
Пробиться через этот рев безмозглый...
Есть же в Конвенте человечьи уши...
Хоть на трибунах...

Постепенно воцаряется молчанье. Каждая из последующих фраз покрывается звоном.

Дайте досказать.
Меня здесь затравили... Если даже
Я был бы волком бешеным, и то
Так убивать нельзя... Собачья свора
И та разумней... Председатель гончих,
Не оборви звонка... Итак, я должен...

Колло д'Эрбуа

Я слова не давал тебе.

Голоса

Долой!

Робеспьер

Я буду говорить...

Голоса

Долой с трибуны!

Робеспьер

Вот вам моя рука!

Голоса

На гильотину!

Робеспьер
(разрывает жабо, обнажая грудь)

Я не уйду на бойню слепо... Я...

Голоса

А!.. Кровь Дантона душит Робеспьера!

Робеспьер
(шатаясь, сходит с трибуны)

Так это за Дантона! О, глупцы!
Что ж вы тогда его не защищали?
(Опускается на одну из скамеек.)

Голоса

Прочь! Это место Кондорсе! Долой!
(Робеспьер направляется к другим скамейкам.)

Еще голоса

А тут сидел Верньо... А тут Дантон....

Бийо-Варенн
(тихо Тальену)

Игра за нами!

Тальен

Но свалить такого
Не так-то просто! Началась охота.
Теперь держись!

Глава шестая

ТЮРЬМА

В одной из камер тюрьмы Лафорс. Несколько спящих фигур. Горбун у решетки. Далекий набат.

Горбун

Одиннадцать, двенадцать... Что за дьявол!
Тринадцать... А? Четырнадцать,
пятнадцать,
Шестнадцать... Это не Сен-Жак звонит.
Или с ума сошли часовщики? И время
Пошло назад? Не может быть! Набат?
Там неспокойно. Там опять тревога.
Париж в огне.

Один из спящих просыпается.

Старик

Кто разбудил меня?
Мне снились праздники Фонтенебло
И дивный каламбур. Какой — не помню,
Все вертится на языке...

Еще просыпаются.

Юноша

А завтра
В объятьях гиольтины вы навеки
Уснете, черт возьми!

Старик

По-стариковски.

Юноша

По-стариковски вы. А я надеюсь
Девицу эту оплодотворить.
Пускай хоть доски понесут ублюдка
Последнего из рода Буасси.
Прислушайтесь. Звонят...

Старик

Звонят?

Горбун

Звонят.

Юноша

Набат, Горбун?

Старик

Нас это не коснется.
Фальшивая тревога, господа!
Ночь под республиканским одеялом
Отрыгивает братство и чеснок,
Как старая привратница у входа
В небытие.

Комендант тюрьмы — с морщинистым лицом старого ловеласа, напудренный подагрик — стучит у двери одной из камер.

Голос Терезы Тальен

Кто там стучит так рано?

Комендант

Как вам спалось, сударыня?

Тереза

Отстаньте!

Комендант семенит ногами около двери, подглядывает в скважину. Уши его багровеют. Он хлопает себя по ляжкам.

Комендант

Вот это женщина! Вот это сорт!
Вот это — вечное при всех режимах...
Такую даму посадить в Лафорс!
Тут надо быть кастратом, черт возьми!
Сударыня!..

Просовывается неубранная, в папильотках, голова Терезы.

Тереза

В чем дело?

Комендант

Дайте ухо.
В Конвенте было бурно, очень бурно.
Вы можете надеяться...

Тереза

На что?

Комендант

Я ничего еще не знаю толком.
Но, черт возьми, был слух, что триумвиры
Уже низложены...

Тереза

Не может...

Комендант

Тсс...

Тереза

Пошлите в Тюильри... Кого хотите!
Скорей. Немедленно. Сюда Тальена!
Я заплачу вам, много заплачу,
Я вас осыплю золотом.

Комендант

Вы ангел!
Не поминайте лихом старика.
(Целует ей руку.)
Я отличал вас между заключенных,
Я попустительствовал в послабленьях
Тюремного режима, рисковал
Моею старой головой...

Тереза

Постойте!
Еще два слова. Я уже неделю
Не ела сладкого. Я вас прошу:
Пошлите за пирожными. Скорей!
Побольше. Целую корзину...

Между тем первая камера продолжает прислушиваться.

Юноша

Тише!
Здесь во дворе, за южным бастионом,
Как будто выстрел...

Старик

Он у вас в ушах,

Любезный Буасси.

Юноша

Нет, вы оглохли,
Я слышу явственно.

Горбун

Сюда идут.

Старик

Во имя бога, приготовьтесь к смерти.

Юноша

К свободе, сударь!

Горбун

Почему же медлят?

А Тереза, уже успев причесаться перед осколком разбитого зеркала, швыряет его на пол.

Тереза

В последний раз ты служишь мне сегодня,
Проклятое, запомню я тебя!
Запомню я соломенный матрац,
И табурет, и сырость по карнизам —
До самой смерти! Кончено. Прощайте!
Кареты, платья, свечи, жирандоли,
Картины Фрагонара, зеркала,
Фарфор, батист и бронза, купидоны
У полога постели, запах пудры...
Бокалы... Ах, я слышу этот звон —
Звон хрусталя, звон денег, звон гитары...
Все это будет... Будет... Все вернется.

В коридорах слышны тревожные голоса. Тереза приоткрывает дверь. Пробегает Комендант, придерживая рукой шпагу.

Тереза

Что там случилось, сударь?

Комендант

Подождите!
Не приставайте!

Тереза

Что такое? Стойте!
Он убежал. Старик сошел с ума.

Комендант пробегает в обратном направлении.

Ну что же там?

Комендант

Ах, если бы вы знали!
Сидите смирно у себя. Не бойтесь.

Тереза

Но вы послали?

Комендант

Нет... Да, да, послал.
Но будьте милосердны и ко мне.
Не спрашивайте! Я же разрываюсь
На части... Я же тут сижу,
Не зная ситуации...

К нему подходит Жандарм.

В чем дело?

Жандарм шепчет ему на ухо. Старик хватается за голову.

Ах, этого еще недоставало!
Прямой приказ Конвента — не принять!
Что б ни случилось, — не принять, и баста.
Он вне закона должен оставаться.
Чем я рискую? Честью? Головой?
Тюрьмой? Парижем? Только им? О, боже!

Между тем в первую камеру жандармы уже ввели Робеспьера.

Старик

Еще один невольный постоялец
В гостинице для едущих в ничто!
Как ваше званье? Чем вы насолили
Республике единой, нераздельной?
В чем преступленье ваше, государь мой?
Что делается в свете? (Разумею
Под этим словом — ваш, новейший смысл.)
Что делает Париж? Кто с кем подрался
Сегодня утром? Наконец — последний
Вопрос: как поживает Робеспьер?..

Что думает он о голодных крысах,
Грызущих наши пятки по ночам?
О судьбах века, о главе Капета,
О Франции? Да сгинет святотатец,
Убийца короля и вождь Содома!
Как спится Робеспьеру? Вот вопрос,
Который задаем мы всем входящим
В гостиницу под вывеской Лафорс.

Робеспьер

Вопрос ваш в данном случае бессмыслен.
Всмотритесь, граждане!

Юноша

Как, — Робеспьер?

Горбун

А сон-то развернулся не на шутку.
Не знаю, просыпаться или нет.
Посмотрим, чем он кончится...

Юноша

Однако
Отбросим все условности и такт!
Позвольте вас спросить (не знаю, право,
Какую выбрать форму для вопроса),
Что с революцией? Опять рожает?

Робеспьер

Я на прямой вопрос отвечу прямо.
Она сейчас кончается, глупец.

Юноша

А ты еще, я вижу, скалишь зубы
Ты не угомонился?

Робеспьер

Нет еще!

Юноша

Позволь тебе преподнести в знак мира
Напиток, принятый во всех темницах.
Вот в этой кружке есть глоток воды.

Робеспьер

Благодарю.

(Жадно пьет.)

Юноша

Вы не хотите мира?
А между тем судьба у нас обща.

Робеспьер

Нет, мы на разных полюсах. Твой голос
Относит ветром в сторону. Мне трудно
Перекричать пространство — даже стоя
С тобою рядом, — чтобы ты услышал.

Дверь в камеру открывается. Входит Комендант.

Комендант

Позвольте, сударь... То есть гражданин...
Конвент мне декретирует... Я, право,
Здесь ни при чем... Примите во вниманье,
Что я служу Республике... Итак,
Извольте, гражданин, без промедленья
Оставить стены крепости Лафорс.

Робеспьер

Но я ведь узник.

Комендант

Но не у меня.
Мне очень жаль... Нет, я хотел сказать,
Я лично ваш старинный почитатель...
Но вас держать в моей тюрьме не стану.
К тому же декретирует Конвент, —
Я уж сказал.

Робеспьер

Куда же мне деваться?

Комендант

Париж велик.

Робеспьер

Так вот оно в чем дело?
Меня хотят поставить вне закона.
Откуда ваш приказ?

Комендант

Который? Первый?

Робеспьер

А сколько всех?

Комендант

Три в продолженье часа.

Робеспьер

Да, ваше положенье...

Комендант

Я рискну
Его назвать дурацким.
(Внезапно оборачивается к невольным слушателям разговора.)
Кто смеется?
Я спрашиваю, кто посмел смеяться?
Марш по местам!

Ему под руку попадается Горбун.

А ты, комедиант,
Куда суешься?

Горбун

Гражданин...

Комендант

Неправда!
Не гражданин я. Никогда им не был.
Не якобинец я, не санкюлот,
Не атеист, не ваша сволочь. Хватит!
Игра доиграна...
(Наступает на Робеспьера.)
Да, да, я смею
Держать пари, что...

В коридорах тюрьмы движение, голоса. Двери в камеру распахиваются. У порога санкюлоты, национальные гвардейцы, женщины.

Санкюлот

Именем Коммуны —
Свобода, Братство, Равенство — иль смерть!
Где Неподкупный?

Голоса

Вот он, вот он...

Санкюлот

Здравствуй,
Избранник славы! Там игра в разгаре.
Играющие ставят все на карту.
Ты слышишь звук охрипшего припева?
Ты слышишь, Неподкупный? Это — мы.
Крушенье революции есть гибель
Вселенной. И его не может быть.
По секциям уже идут собранья.
Твои друзья — Сен-Жюст, Кутон, Леба,
Пайан, Дюма и младший Робеспьер —
Все на свободе, ждут тебя. Ты наш.
Решай! Предрешено твое решенье.
Неволей или волей — все равно
Ты будешь с нами. Потому что пуля
Должна лететь, пока она летит.

Глава седьмая

КОММУНА

Горбун

(бежит по улице)

Вот я и вырвался... Какая ночь!
Стреляют. Бьют во все колокола.
Кричат с трибун и саблями секут
Пространство. Но постой, Бюрлеск!
Приди в себя! На гребень этой крыши
Похожа тень от твоего горба.
И надо зорче вглядываться в ночь,
Чтобы понять, где начинаюсь я
И где кончается ночной Париж.

Какая путаница! Но постой,
Не унывай, философ. Отдохни...
Ведь пьеса не доиграна. И сцена
Раскачанная ходит ходуном.
Я в кулаке ее держу... Хвастун!
Ты в этом так уверен? Ты ведь зритель!
Ты к пьесе не имеешь отношенья.
Ты бедный фигурант, случайный гость,
Свидетель. И при этом прозевавший
Важнейшие события... Эге!
Меня подозревают в хвастовстве?
Я все видал. И понял все. Да, все!
Я, может быть, сидел с ним рядом, близко,
Плечом к плечу, и слышал, как летит
В его ушах ночная тишина...
Я, может быть, суфлировал ему
В Конвенте. Что в Конвенте! Там, в тюрьме!
Я, может быть, его сторонник главный.
Не веришь? Да, не верю. Разберемся!
История — и ты. Конвент — и ты.
Смешные сочетанья... Что за черт!
Я сбился. Окончательно. Я гибну.
Почтенный дом! Прошу тебя не падать.
Ты видел сам, что я с гражданкой Ночью
Прогуливаюсь. Вот мои бумаги.
Я — мелкий, мелкий... Понимаешь, Мелкий!
Пожалуйста, не падай на меня!
Дай мне пройти. Такое время, дом...
Должны мы помогать друг другу... Ай!
Меня схватили за плечи. Ведут
На гильотину. Граждане, спасите!
Я — мелкий, мелкий. Я не тот, за кем
Вы гонитесь... Я должен вам сознаться,
Что, может быть, совсем не существую...

(Скрывается.)

Темнота. Выстрел. Набат. Из-за кулисы выходит автор.

Автор

Историки вправе гордиться бесполым
Законным и хладным забвеньем легенд.
Но я человек. Я отчаянья полон.
Итак — в Тюильри заседает Конвент.

Но дальше от их передряги торговой!
Идем в средоточие уличной тьмы.
Присмотримся к лицам. Послушаем говор.
Статисты. Толпа. Человечество. Мы.

Жаргон красноглазых, небритых, отважных.
Тут сразу почувствуешь, только свяжись:
Пора начинать. Остальное — не важно.
За порох, за песню, за равенство — жизнь.

У секций нет связи со штабом восстанья,
У секций бессонница. Главное — тут,
В той группе, которая бронзою станет,
Чьи клятвы как тучи над веком растут.

Язык их растрепан, но все еще крепок.
Эпоха кончается, как началась.
Узнаешь ее по чеканке свирепых,
Затравленных жестов, по впадинам глаз.

И вот они гибнут. Но тут же, сейчас же, —
Добыты из пепла природы навек —
В загадочных ссадинах, в дыме и саже —
Сен-Жюст. Робеспьер... Человек. Человек...

Светает. Вот подлая пушка, бабахнув,
Разбила кольцо инсургентов. Отбой.
Распахнута настежь История. Пахнут
Часы эти славой, бессудьем, судьбой.

Я занавес дал. Я не вправе помочь им.
А ночь между тем продолжает лететь.
Историки знают конец этой ночи.
А мне комментарии некуда деть.

Отель де Виль. Последние из восставших.

Пайан

Я говорю: пиши.

(Диктует.)

Мужайтесь, патриоты Секции Пик. Свобода торжествует. Те, чья твердость сделала их страшными для изменников, уже на свободе...

Робеспьер

(Сен-Жюсту)

Припомни: революция — Сатурн.
Она съедает собственных детей.
Не нами началась. Но мы кончаем
Ее кровавый пир.

Кутон

А я скажу,
Что мы, пожалуй, — худшее из блюд;
При жизни съедены наполовину,
Оставим ей расшатанные кости.

Робеспьер

Насчет себя ты прав.

Кутон

Насчет всех нас.
О, мы оставим жизни в назиданье
Гул ветра в наших мертвых головах...
И что еще?

Робеспьер

Клевету мемуаров,
Музей карикатур... Все несъедобно,
Все вместе с нами выметут... Потом
Придут историки. И кости славы
Начнут глодать... На их голодный ужин
Мы, если есть бессмертье, поглядим
С веселым любопытством...

Пайан

(продолжает диктовать)

Место сбора
Коммуна. Там отважный Анрио...

Робеспьер

Отважный Анрио, к несчастью, пьян.
Конь выбыл из игры еще в дебюте.

Сен-Жюст

Ночь на исходе. Если не сейчас,
Не в этот миг, то больше никогда
Не повторится.

Робеспьер

Можешь быть спокоен:
Не повторится больше никогда.
Будь же внимателен к минуте этой.
Она твоя последняя...

В дальних комнатах звон стекла. Врывается Леба.

Леба
(тихо Робеспьеру)

Мерда
С жандармами вломился в зал Коммуны.
Они идут сюда.

Робеспьер

Конец?

Леба

Конец.

Пайан

Подписывай воззванье, Робеспьер.

Робеспьер

(подходит к столу и берет в руки перо)

Не поздно ли?

Пайан
(читая из-за его плеча)

Ну что же дальше? «Ро...»

Робеспьер

Я знаю... Погоди, «...беспьер» и дата...
Пусть это кто-нибудь другой допишет!

Пайан

Максимильян...

Двери тихо распахиваются. У порога Мерда и другие жандармы.

Мерда

Мы сцапаем их всех.
Они и сами не заметят. Тсс!
(Крадется к Робеспьеру.)

Робеспьер

Я подписи под этим не даю.
Не стоит, гражданин Пайан, в час смерти
Прикидываться пьяным, если трезв.

Мерда

(подходит к нему вплотную)

Сдавайся, сволочь!

Робеспьер

Именем народа!

Мерда

Э, стану я возиться!..
(Стреляет.)

Робеспьер падает.

Глава восьмая

СТЕЛЛА

По разбитой ночной дороге под проливным дождем ползет фургон. На облучке Горбун. Внутри Стелла и звери.

Стелла

Дождь хлещет по брезенту,
Смывает размалевку
Дощатого фургона,
И лошади продрогли,
Куда-то тащат нас, —
К бельгийской ли границе,

В Савойю ли, или к Альпам,
На север иль на юг?..
Эй, мэтр Алкивиад!

Горбун

Что, Стелла?

Стелла

Я сменю вас...

Горбун

Нельзя, мой ангел! Темень
Такая, что хоть плачь.
Все спуталось внезапно
По сторонам пути.
Куда ни глянешь — ветер
Все на сторону сносит
И шляпу рвет мою.
Едва сижу на козлах.

Стелла дремлет.

В харчевнях кормят скудно.
На ярмарках голо.
Хотя б охапку сена
Усталым лошадям,
Хотя б глоток вина
Горячего в стакане.

Фургон внезапно останавливается.

Что стали? Трогай! Эй!
Вот, право, незадача...

Горбун слезает с козел. Поперек дороги мертвое тело. Он стаскивает труп в канаву.

Спи, гражданин вселенной!
Прощай, кем бы ты ни был —
Парижским патриотом
Иль сволочью английской...
Дожди тебя обмоют,
Пески тебя засыплют
И ветры отпоют.
Спи, гражданин вселенной,
В канаве придорожной!

Хоть я не мародер
И не имею права
На бесполезный обыск...
(Шарит в карманах трупа.)
Но Библия твоя,
Кольцо твое и шпага
Мне очень пригодятся.
А пачку ассигнаций
Оставь себе на случай
До Страшного суда...
Они гроша не стоят.
Но воскресенье мертвых
В безбожный век Вольтера
Пошло еще дешевле.

Горбун опять взбирается на козлы. Фургон трогается. Пейзаж дичает и мрачнеет. Дождь усиливается. За этой холодной и сырой равниной с простертыми руками вязов и ветел, за жалкими изгородями и канавами мерещится тяжелая спячка Европейского материка. Быстро проносятся лохмотья пейзажа. Мелькают горы, реки, мосты, соборы, развалины, пастбища, мельницы, харчевни. Темп идет убыстряясь, но фургон колесит по тем же дорогам, заворачивая на прежние места.

Горбун
(поет)

В начале перегона
Еще не повелось
Ни машкеры Горгоны,
Ни ржавых змей-волос.
Но страшная старуха
Липнет под дождем.
Насчет Горгоны глухо.
И мы чудес не ждем.
Не ждем событий грозных,
По свету колеся.
И прозеленью бронзы
Покрыта сказка вся.
Кто ищет здесь морали,
Пусть обратится вспять.
А впрочем — не пора ли
И моралистам спать.

Картина туманится и колеблется в своих очертаниях. Вот уже ничего нет, кроме изголовья девочки. Ей страшно неудобно. Тут Стелла внезапно просыпается.

Стелла

Что это было? Это же не сон!
Он только что стоял со мной, тот самый,
На той же улице под фонарем,
У той стены, тот бледный человек
В очках... Он стал еще бледней.
Но почему его я не забыла?
И почему сейчас, чрез много дней,
Он мне приснился? Где же это было?
Вот он проходит в дождевом тумане —
Во всех умах, во всех больших томах.
Вот горбится он от непониманья.
Вот жизнь его кончается впотьмах.
Нет, это я запомнила неверно.
Он ничего не говорит. Он болен.
Его знобит, как и меня. Он бредит.
Он просит пить кого-то...

. . . .

Раненого Робеспьера осторожно кладут на стол. Перевязка кончена. Под голову ему подставляют деревянный ящик с кусками солдатского пайкового хлеба. Хирург, делавший перевязку, небритый плотный сангвиник, с толстым носом, с платком вокруг головы, с засученными рукавами, жует лимон, сплевывает на пол. Жандарм с факелом. Еще несколько черных растрепанных фигур.

Хирург

Как он худ!
Какие плечи узкие! И ляжки
Как у цыпленка! Плохо дело, брат!
Эй, Неподкупный, слышишь? Плохо дело!

Жандарм трясет Робеспьера за плечо. Робеспьер внезапно приподнимается, обводит всех мутным взглядом и сейчас же падает навзничь.

Хирург

Нет, не проснулся...

Жандарм

Конским бы навозом
Его соборовать.

Робеспьер стонет.

Что, жутко?

Робеспьер

Пить...

Хирург

Эге! Да он живуч! Такой тщедушный,
А все цепляется...

(Дает ему лимон.)
На, пососи!

Робеспьер

Который час?

Хирург

Светает. Значит, пять.
Немного больше. Вот и дождались.
Советую не спать до гильотины
И подкрепиться...

Внизу слышен грохот подъехавшей фуры. Комната сразу наполняется стуком прикладов и сапог и утренним холодом. Входит Комиссар Трибунала.

Комиссар

Именем Конвента!
Максимильян де Робеспьер, пора!

ЗОЯ БАЖАНОВА

ПЕРВОЕ

Так повстречались духи света
Зеленой вспышкой в дугах вольтовых.
Так начиналась прелесть эта,
Волос и губ горячих соль твоих.

Не просто море до колен нам,
Не только знал тебя я досыта,—
Но никаким иным вселенным
Ты уж не дашься. Сорвалось это!

Ты помнишь, как в сыром тумане
Горячечный маяк пульсирует?
Казалось, что и он вниманье
Мое к тебе, — немое, сирое.

Казалось, юная сама ты,
Уже не дух, еще не женщина,
С охрипшим за ночь и косматым,
С моим отчаяньем обвенчана.

МНЕ СНИЛСЯ...

Мне снился накатанный шинами мокрый асфальт.
Косматое море, конец путешествия, ветер —
И девушка рядом. И осень. И стонущий альт
Какой-то сирены, какой-то последней на свете.

Мне снилось ненастье над палубным тентом, и пир,
И хлопанье пробок, и хохот друзей. И не очень
Уже веселились. А все-таки сон торопил
Вглядеться в него и почувствовать качество ночи!

И вот уже веса и контуров мы лишены.
И наше свиданье — то самое первое в мире,
Которое вправе хотеть на земле тишины
И стоит, чтоб ради него города разгромили.

И чувствовал сон мой, что это его ремесло,
Что будет несчастен и все потеряет навеки.
Он кончился сразу, едва на земле рассвело.
Бил пульс, как тупая машина, в смеженные веки.

* * *

Нет ни северного брега,
Ни прощанья под дождем,
Ни стоверстного пробега,
Где ночной союз рожден.

Снилось,— пуншевая пена
Клокотала у кормы,
Или рать сирен пропела
У ворот гранитной тьмы.

Снилось,— верезгом лебедок
Визгом кранов город полн.
Снилось,— вяжет крепче йода,
Крепче крови пляска волн.

Все прошло, что раньше снилось,
И смеется, в ночь летя,
Морем данная мне милость,
Богом данное дитя!

В сто электросвеч багрима,
Пропадешь ты, ангел мой,
Не придешь, не стерши грима,
В мой туман, в мой сон,— домой.

АКТРИСА

Слушал я детский твой голос,
Впутанный в звон проводов.
Помнил на площади голой
Золотом шитый подол.

Злыми свечами багримы
Доски и падуг тряпье.
В зареве синего грима
Видел я сердце твое.

Шла ты по крышам и тучам
В льющейся шали до пят.
В горечи славы. В гнетущем
Счастье — родиться опять.

Помнишь? Театра младого
Мрачно разубран чертог.
Кончилось. Значит, мы дома.
Дождь разделил нас чертой.

Помнишь ты сумрак вагонный,
Призраки станций и почт?
Будешь теперь Антигоной
Всем, кто ослеп в эту ночь?

Я НЕ ХОЧУ ЗАБЫТЬ ТЕБЯ...

Я не хочу забыть тебя. Я слушал,
Как время льется и гудит струной.
Я буду говорить как можно суше,
Почти молчать,— но о тебе одной.

Почти молчать, почти ломая руки,
Забыв лицо, походку, платье, смех.
Я выдумаю цирковые трюки
И сказочки, понятные для всех,—

Чтобы казалось: лампа не потухла!
Чтобы, по крайней мере, хоть дразня,
Скрипучая и розовая кукла
С твоим лицом шла около меня!

ВОТ ОПЯТЬ!

Вот опять загорелся описанный точно,
До мизинца разыгранный город. И там —
По горячим следам, по сгоревшим мостам,
Под стеклом ювелира и в желобе сточном,
Между льющихся лиц и лежалых вещей —
Посвети напоследок, найди мою старость,
Дай мне руку! Скриплю я, как дохлый Кощей,
Но и ты ведь в одних зеркалах разблисталась.

Посмотри! Вот бредет красноглазый старик,
Заштрихованный снегом на скользком бульваре.
Есть и флейта у этой неведомой твари,
А у флейты от холода скрючился крик.

Это Тореадор и Пролог из «Паяцев».
Узнаешь? Это я? Но еще не конец.
Можешь спать, видеть сны, целовать и смеяться,—
Он не спутник тебе, не жених, не отец.

Он когда-то согрел тебя в жарких ладонях.
Посвети напоследок, лихой огонек!
Видишь — вот уже время свернулось у ног,
И кончается песня. Ты медленно тонешь.

А теперь у него за душой ни гроша,
Ни бульвара, ни ярко накрашенной крали,
Ни возврата, ни памяти...

Слушай, душа!
Даже если бы люди сто раз умирали,
Прочен треск механизма. Цепляйся и ты
За глоток ледяного дыханья во флейте.
Мимо, люди, не бойтесь его, не жалейте!
Он еще не дошел до последней черты.

* * *

Есть только ты. Есть только то,
Что белым светом залито:
Сознанье сделанного зла.
Но для того и жизнь ползла,
Жгла, мучила, сбивала с ног,
Чтобы сегодня я не мог
Связать слова...
Я больше их не перечту.
Пускай же бьются лбом
И с жизнью путают мечту
И движутся в любом
Порядке...

Я говорю, что ты невинна,
Что ночь глядит в твои глаза,
А в хрусталях пылают вина,
А в облаках летит гроза.

Я не сойду с ума от гула
В проросших как лопух ушах.
Что бы ни било, как ни гнуло,—
Есть у меня летящий шаг.

Я снова твой подол целую,
Как тень лежу у милых ног
И помню всю любовь былую,
Которой выразить не мог.

Мне не в чем сознаваться! Годы,
Театры, книги, ветры, сны
Шли для такой вот непогоды,
Для пиршества такой весны,

Для дико оскорбленной тени,
Для мокрых, несмотрящих глаз...
И все черно. И все смятенье.
И дышат гибелью растенья.
И ветер ненавидит нас.

* * *

Решай, как захочешь. Кончай. Уезжай из Москвы.
А я утверждаю, что это неправда! Я дым.
Я память и воображение. Я ниже травы
И тише воды. Но я буду еще молодым.

Но ты отвечаешь:
— Не будешь!
И даже туман
Качает вихрастой своей головой, что я лгун.
Осталось мне клясться дождям, фонарям и домам,
Куда-нибудь к черту нести этот путаный гул...

Все сдвинуто с места.
Последняя отдана пядь.
Последние скрепы размыты.
У горла вода.
Но ты мне поверишь, поверишь, поверишь опять.
И ты меня слышишь.
Ты слышишь, любовь моя?
— Да.

Я ДУМАЛ, ЧТО...

Я думал, что так начинается век,
    Последний для нас для обоих,
Что это пустяк и что я человек,
    А ты — как цветок на обоях.

Но в двадцатиградусный дикий мороз
    Прожектор ширяет снопами,
И в город, где я задыхался и рос,
    Твоя возвращается память.

На крыши, на пиршество туч погляди:
    Все в жизни — как ты приказала.
Все гибнет. Осталась одна впереди
    Тревожная гулкость вокзала.

Я имя твое берегу про запас.
    Когда-нибудь, может быть, вспомнят!
Я все-таки вырвал, я все-таки спас
    Тебя от безжалостных комнат.

Такая повадка у мглы снеговой,
    Такая кончается сказка,
Такая тоска, что я все-таки твой
    И все-таки насмерть истаскан!

31 ДЕКАБРЯ

Этот час не похож на другие часы.
Горячась от блистания близкой красы,

Я готов! Но и ты мне, конечно, ответишь
За ошибки годов и за всю эту ветошь.

За горячку в крови, догоревшей дотла, —
Ты ответишь, хоть скатерть сорви со стола!

Всеми струнами грянь, во все горло рыдая, —
Ты ответишь за музыку, дрянь молодая!

Не сгорел же я в этом хорошем году.
Если буду поэтом — так не пропаду!

Бьет двенадцатый час. Ты смеешься? Прижалась?
Или думаешь — сбудется наоборот?

Но мне нужен, как хлеб, и не нужен,
как жалость,
Этот сломанный смехом малиновый рот.

Понимаешь ты? Если бы куклой была ты,
Я и то разбудил бы фарфоровый мозг,

Достучался, дознался, добился крылатой
Сердцевины, закутанной в шелковый лоск.

Ты не слушаешь? Это
С тобой говорит
Не похмелье поэта,
А время и ритм.

Ты не слушаешь, сон
Золотой и безмозглый!
Тонкий хлыст занесен
На высокие козла.

Облегченно и колко
Звенят провода.
Унеслась одноколка
Твоя навсегда.

МЫ ПРИЦЕНИМСЯ К НИМ

Мы приценимся к ним. Мы присмотримся
к стеклам и лицам,
Мы узнаем себя в зеркалах и витринах пустот.
Хороша по ночам, молода мировая столица.
Ты похожа на ту. Да и я — совершенно как тот.

И, качаясь, как стебли
В зеленом свеченье воды,
Относимые греблей,
Вступаем в чужие лады.

Наши ломкие части
Истлеют в ничто на лету.
Разве это не счастье?
Разве ты не похожа на ту?

Колдовские ли флейты поют, голосят поезда ли...
О, скорей! О, спеши! Не печалься!
Вокзал недалек.
Я не помню — куда, но мы все-таки не опоздали,
Есть мешок за плечами, и тянет карман кошелек.

Ошалевшее сборище
Лезет в тебя и в меня,
Пахнет потом и горечью,
Пылью и перцем огня.

От арбатских торговок
До старых Покровских казарм —
Разбитной этот говор,
Большой азиатский базар.

И уже никакого
Ответа на это не надо.
И уже не найдешь,
И как медная мелочь — слова.

Это воздух подкован
Предчувствием — как канонадой.
Это — та молодежь,
Для которой стареет Москва.

Это тонкой антенны гуденье.
Это клекот вертящихся сцен.
Это — мимо оценок и денег —
Вне учета коэффициент.

Это книга Гомера иль Маркса
У кого-то из нас на столе.
Это сигнализация Марсу
Раньше срока почти на сто лет.

Долети, моя прелесть,
И допой эту песню там!
Мы с тобой насмотрелись
В лица тихим ровесникам.

Дозвенись до ушей
Или мимо нацелься,
Если даже мишень
Минус триста по Цельсию.

Если небо расколото
В сто горизонтов —
Наглотайся от холода
Игол азотных.

Ты похожа на ту.
Но и я — совершенно как этот.
Так лети в высоту!
Это наш поэтический метод.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ВРЕМЯ

Приближается время осенних пиров,
Учащенное сердцебиением встреч,
Отягченное всяким добром до краев.
О бессонница! Только бы мне подстеречь
Первый приступ!

Я выдумки литератур
Позабыл бы и снова собрал для нее,
Поднял на ноги ночь. Начинается штурм.
Наконец начинается время мое!

Это в грохоте республиканских камней
Начинается время стихов и любви.
Это поезд летит. Это где-то ко мне
Протянула ты добрые руки свои.

О, я знаю, ты спишь! Но ширяет вокзал
Без исхода стеклянными крыльями в дождь.
Это он мне сегодня не спать заказал.
Это там, за чертой полустанков и рощ,
Горизонт уже начал сереть.

И опять
Начинается время осенних пиров,
Электричество, бодрость, желанье не спать
На ветру, под дождем, для тебя...

ЗОЯ

Я «молнии» слал в эту мглу дождевую, —
Мне сдачу давали с квитанцией вместе.
Ты снилась мне каждую ночь. И живу я
Придуманной жизнью, придуманной вестью —
Тобою!
О да! Это все еще длится.
Ни годы, ни грусть ничего не могли
Решить. И когда ты кивала вдали,
Смещались квадраты и путались лица.

И снова наш дом, и собака, и полки
В дочитанных книгах, и даже окурок
На блюдце. И ты в незачесанной челке,
Ты, лучшее между существ белокурых, —

Приемыш какого-то там акробата,
Циркачка в обносках чужого тряпья.
Короче, ты — молодость просто моя.
Да, молодость!
Где-то в колхозе ребята
Тебя провожают вдоль ветел и прясел.
И клубная сцена им кажется миром.
И ты, мое сердце, им снишься кумиром.
Им тоже ты снишься! Но сон их напрасен.

ВОТ НАШЕ ПРОШЛОЕ...

Я рифмовал твое имя с грозою,
Золотом зноя осыпал тебя.
Ждал на вокзалах полуночных Зою,
То есть по-гречески — жизнь. И, трубя
В хриплые трубы, под сказочной тучей
Мчался наш поезд с добычей летучей.

Дождь еще хлещет. И, напряжена,
Ночь еще блещет отливом лиловым.
Если скажу я, что ты мне жена,
Я ничего не скажу этим словом.
Милой немыслимо мне устеречь
На людях, в шуме прощаний и встреч.

Нет. О другом! Не напрасно бушуя,
Движется рядом природа. Смотри
В раму зари, на картину большую.
Рельсы, леса, облака, пустыри.
За Ленинградом, за Магнитогорском
Тонкая тень в оперенье заморском!

Сколько меж нас километров легло,
Сколько — о, сколько столетий промчало!
Дождь еще хлещет в жилое стекло,
Ночь еще блещет красой одичалой.
Не окончательно созданный мир
Рвется на волю из книг и квартир.

Вот он! В знаменах, и в песнях, и в грубых
Контурах будущих дней. Преврати
Нашу вселенную в свадебный кубок!
Чокнемся в честь прожитого пути!

ВСПОМИНАЕШЬ?

Вспоминаешь? Седой городок,
Лоск асфальта, киоски и пристань.
Как дракон разрисованный дог
Опоздал лет на двести иль триста.

Мы пришли из далекой страны,
Безымянные, сбитые в пару.
И казались нам страшно странны
Гул вокзалов и музыка пара.

Доносилось оттуда: «Прощай!»
Долетало, слабея: «Навеки!»
И зеленая вспышка треща
Ударяла нам в сонные веки.
Но и в ней мы читали: «Прощай!»

Нам сирены кричали, не спевшись,
Все свое изумленье даря.
И разливом чернил откипевших
Лиловели под нами моря.

И о том, что еще не была ты,
И о том, что полюбишь меня,
Исполинских часов циферблаты
Раззвонили на все времена.

Разболтали о нас балагуры.
Отсмеялись о нас остряки.
Это было, мой эльф белокурый!
Это создано силой тоски.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ...

Я люблю тебя в дальнем вагоне,
В желтом комнатном нимбе огня.
Словно танец и словно погоня,
Ты летишь по ночам сквозь меня.

Я люблю тебя — черной от света,
Прямо бьющего в скулы и в лоб.
Не в Москве — так когда-то и где-то
Все равно это сбыться могло б.

Я люблю тебя в жаркой постели,
В тот преданьем захватанный миг,
Когда руки сплелись и истлели
В обожанье объятий немых.

Я тебя не забуду за то, что
Есть на свете театры, дожди,
Память, музыка, дальняя почта...
И за все. Что еще. Впереди.

СЛОВАМИ ЧЕРНЫМИ...

Словами черными, как черный хлеб и жалость,
Я говорю с тобой, — пускай в последний раз!
Любовь жила и жгла, божилась и держалась.
Служила, как могла, боялась общих фраз.

Все было тяжело и странно: ни уюта,
Ни лампы в комнате, ни воздуха в груди.
И только молодость качалась, как каюта,
Да гладь соленая кипела впереди.

Но мы достаточно подметок износили,
Достаточно прошли бездомных дней и верст.
Вот почему их жар остался в прежней силе
И хлеб их дорог нам, как бы он ни был черств.

И я живу с тобой и стареюсь от груза
Безденежья, дождей, чудачества, нытья.
А ты не вымысел, не музыка, не муза.
Ты и не девочка. Ты просто жизнь моя.

ТЫ

Ты... Но давно я сочинил их,
И ты читала сотни раз
Мильон замаранных в чернилах
И в типографской краске фраз.

Мне красноречье не пристало.
Я заикаюсь и хриплю.
Но я во что бы то ни стало
Тебя люблю, люблю, люблю.

Ты помнишь этот полдень жаркий,
Начало счастья и невзгод,
Свиданье наше в черном парке
И нашу дружбу в первый год?

Чертог театра молодого,
Разубранный как для торжеств,
И жажду жить, как крайний довод,
И молодость, как жалкий жест...

Морей, вагонов, весен, комнат —
Вот полный список их. Возьми!
Не ты, хотя бы вещи помнят,
Что было меж двумя людьми.

Зачем они глядят мне в очи,
Все расстоянья истребя?
Зачем блаженство этой ночи,
Когда один я без тебя?

ЖАРА

Был жаркий день, как первый день творенья.
В осколках жидких солнечных зеркал,
Куда ни глянь, по водяной арене
Пузырился нарзан и зной сверкал.

Нагое солнце, как дикарь оскалясь,
Ныряло и в воде пьянело вдрызг.
Лиловые дельфины кувыркались
В пороховом шипенье жгучих брызг.

И в этом газированном сиянье,
Какую-то тетрадку теребя,
Еще всему чужой, как марсианин,
Я был до ужаса влюблен в тебя.

Тогда мне не хватило бы вселенной,
Пяти материков и всех морей,
Чтоб выразить бесстрашно и смиренно
Свою любовь к единственной моей.

ОПЯТЬ

«Помни меня, не забудь меня! Слышишь? Не за...»
Это мой крик, захлебнувшийся в ветре весеннем.
Это сама ты меня целовала в глаза.
Это мы оба остались друг другу спасеньем.

Так вот и будем метаться вдвоем по стране.
И, разлучившись, молнировать тут же вдогонку,
Что, мол, в груди оно бьется, подобное гонгу,
Гневное, гулкое, глупое, по старине.

Все-таки лучшее слово на свете — дорога, —
Честная, жесткая дружба с пространством земли.
Хочешь, — как в кинематографе, — только вели,
Жизнь повторится сначала, моя недотрога!

Память наполнится музыкой, ветром сырым,
Морем, вокзалами, хриплыми вздохами пара.
Мимо Кавказа в Москву, через Волгу и Крым
Снова пройдет как легенда влюбленная пара.

И — словно майская заполыхает гроза,
Все промывая до блеска и все освежая:
«Помни меня! Я тебе никогда не чужая.
Помни меня, не забудь меня! Слышишь? Не за...»

ЗОЕ НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

Зое — на добрую память о времени злом.
Зое -- две юности наши сплетаю узлом.

Зое — тревога, и нежность, и верность моя.
Зое — ни мыслей, ни чувств от нее не тая.

Зое — поэма о времени и о судьбе.
Зое — любимой, одной и единой, Тебе.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Это ты, моя сила и слава моя.
Это ты, моя Зоя Бажанова.
Это Крым, и Кавказ, и Москва, и моря,
Утвержденные прочно и заново.

Это книга, в которой являешься ты
Под вуалью, неясно, не названа.
Это ты — как предел мировой доброты
Среди шума широкого, разного.

Это жизнь! Хороша она или дурна,
Но что вместе с любимой испытано,
Но что прожито с ней и знакомо до дна,—
Это чувствует книга, она лишь одна,
В каждой рифме поет и вопит она!

Диктовала любовь. Так решись, оборви
На полслове признанье в любви мое!
Все равно остается признанье в любви.
Это письма мои и ответы твои,
Непреложные, невытравимые.

ЗОЕ

Куда ни двинусь,— ты со мною рядом.
Куда ни кинусь,— ты глядишь в меня
Прямым, серо-зеленым, ясным взглядом,
Судя, прощая, радуя, храня.

Душа весны, огонь зимы, ребенок,
Родная почва всех моих корней,
Первопричина стольких слез влюбленных...
Но слово ЖИЗНЬ короче и верней.

РАННЕЕ. 1916•1926

— За нами кто-то идет,—сказала Герда. И действительно, там плыло и шелестело, как будто тени двигались по стене: легконогие кони, егеря, рыцари, дамы...
— Это сны, — отвечал Ворон, — они приходят, и знатным особам снится охота.

Андерсен

ВСТУПЛЕНИЕ

Я глупый и пьяный матрос,
Попавший на остров колдуньи,
Тоскующий в зарослях роз
О родине в час новолунья.

Я школьник, не спавший всю ночь
Над яростным томом Шекспира.
Я знал королевскую дочь,
Но выгнан с дворцового пира.

И бросил я мать и сестер,
На них, как собака, ощерясь,
И завтра взойду на костер
За богохуленье и ересь.

И вот уже морда огня
Лицо мое гложет и лижет
И время, мой призрак гоня,
Столетья минувшие движет.

Глядит оно из-под руки,
Молчит, усмехается горько.
Играет со мной в поддавки, —
А я не сдаюсь, да и только!

ДРУГОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Лазаретных ли знобит,
Говорят ли рвы раскопок,
Иль планеты из орбит
Рвутся в стекла телескопов,—

Так зачем смолкает автор,
И кончается рассказ,
И качнулся — плотью правды
Обрастающий каркас?

Вот скрипят узлы колен,
Ржавой проволкой скрепленных,
Век растет, как из пеленок,
Из наивных кинолент.

Век растет гигантом добрым,
Погремушку мнет в руке.
На простой мотив подобран
Гул в его ночной реке.

Сухость ранних чертежей
И ярчайший крик рекламы —
Это зуд в плечах, уже
Набухающих крылами.

Это, лысый как колено,
Снова пущен в оборот
Дождевой пузырь вселенной,
Жадно пьющей кислород.

Это — влажная заря
В перьях яростной сирени.
Это — первый день творенья
На скользоте пузыря.

Это сильный добрый кафр
В гонг ударил где-нибудь...
Но поэту от метафор
Некогда передохнуть.

ЧАСЫ

Все часы остановились сразу
И затем, хрипя, пошли обратно.
Стало в городе светло для глаза
И сердцам просторно и приятно.

Расступились улицы кривые.
Люди не хотели шевелиться,
Подняли, как куклы восковые,
Руки вверх, и помертвели лица.

Это было сущим развлеченьем
Для людей спокойных и ученых,
А для паралитиков леченьем,
Но прискорбной скукой для девчонок.

У кого-то молодость украли.
Он кричал: — Остановитесь, хамы!
Где моя возлюбленная краля?
Где моя тетрадка со стихами?..

ДВЕ ЦЫГАНСКИЕ ПЕСНИ

1

Золотом шитый подол затрепала.
Слабые руки хватают огонь.
Ты ли в стеклянном гробу задремала,
Ты ль не слыхала далеких погонь?

Вот погляди! Старый дом твой в метели.
Триста прошло удивительных зим.
В елочной пыльной златой канители
В сонных санях по России скользим...

Дико зальется бубенчик па дугах,
Где-то мелькнут огоньки деревень.
Здравствуй же снова в туманах и вьюгах,
С тенью моей обрученная тень!..

2

Я гибну, а ты мне простерла
Два выгнутых лирой крыла,
Впиваешься в жадное горло,
Дыханьем грудным обняла.

Не надо мне этого часа
Разлук, и разъездов, и зорь.
Не пой, не прощай, не прощайся,—
Того, чем была, не позорь!

Пойду по снегам я навеки,
А там дальше смерти пойду,—
Забудь обо мне, человеке,
Любовнике в прошлом году...

* * *

Я в пять часов проснулся без причины.
В пустом мозгу, на дне морской пучины,
Зашевелился сонный осьминог.
Он был урод и, значит, одинок.

Мне снилось много странного, простого,
Как жизнь и смерть и как роман Толстого.
И многое, чуднее во сто раз,
Во сне я видел не раскрывши глаз.

Потом, пока в мои двойные рамы
Вторгались камни, облака и храмы,
Пока весь мир у жаркого виска
Стучал как пульс и восклицал: — Пока!..

Я вырвался из мрака. И, однако,
Вот это Я, чужое как собака,
Пошло за мной, робея и грубя,
И этим обнаружило себя.

И все, чего вовеки не избудешь,
Весь город, полный призраков и чудищ,
Всем людям предназначенный удел
В мои глаза с усмешкой поглядел.

ПОВЕСТЬ

Случилось это на Страстной неделе.
Десятого апреля, в пять утра,
Ко мне пришли защитники, сидели,
Пока я сам их не прервал: — Пора!

Жена мне обещала: — Не забуду.—
Ученый поп латынью щегольнул,
Все убеждал, что надо верить чуду,
И, оказалось, нагло обманул.

Что было после, к сожаленью — тайна.
Я только исполнительный актер.
Я только тень и молод чрезвычайно,
Мне двадцать лет осталось до сих пор.

По облакам, морям и океанам
Я с головой кровавой прохожу,
И призраком считаюсь окаянным,
И в зеркала со страху не гляжу.

И в этом нет ни радости, ни смысла.
Утрачен вес. Неуловим объем.
Качаются пустые коромысла
Между небытием и забытьем.

Но кажется, что мы не доглядели,
Чем кончилась, как прервалась игра...
. . . .
Я обезглавлен на Страстной неделе
Десятого апреля, в семь утра.

ПРОСТИ-ПРОЩАЙ

Прости-прощай! Прощай-прости навек!
Ты только тень. Я только человек.
Ночь отреченья — наше обрученье.
Кто звал меня? Чей голос раздался?
Натянуты тугие паруса.
Все веселей и выше приключенья.

Так юность начинается. А тут —
Валы медно-лиловые растут,
Вскипает пена медленно и немо.
И вихри рвут тугие паруса.
Кто звал меня? Чей голос раздался?
Ты, Муза! Ты, мой долг! Моя поэма!

Ну так пускай я буду одинок.
Пускай земля уходит из-под ног.
Твое как лира выгнутое тело
Мне снилось целый век иль полчаса.
Натянуты тугие паруса.
И я один. Ты этого хотела.

* * *

Полюбите ее стами сотен,
Стами тысяч целующих глаз.
Будет самый влюбленный бесплотен, —
Кто же самый влюбленный из вас?

И пускай она будет приманкой
Для врагов, и друзей, и князей,
И бумажным цветком, и шарманкой,
И стаканом для братии всей!

Оттого что, к утру вырастая,
Как, наверно, предчувствовал Блок,
Разобьется бутылка пустая,
А звезда улетит в потолок!

МОСКВА

Москва — в лазури колокольной,
В охотнорядской толкотне,
В той прошлогодней, сердобольной,
Бульварной, разбитной весне...

Москва — под снеговым покровом,
Где в низенькие терема
Всю ночь к боярышням безбровым
Стучалась лютая зима...

Где голуби летали низко
И ворковали у крыльца...
А царь с глазами василиска
Казнил заморского гонца, —

Меж тем как рында в горностае
Рассказывал о злом царе
Церквам и лебединой стае,
Плескавшей крылья в серебре...

Москва — где мой ночлег далече,
Где уплывает мимо глаз
Одна-единственная встреча,
Которая не удалась...

МАРИНА

1

Не пой мне песен, панна, не зови ты
В тревожную игру!
Пускай тебе расскажут иезуиты,
Как скоро я умру.

Но мы одною мечены судьбиной, —
С Литвы, из мглы болот,
Из краковских костелов — ястребиный
Отчаянный полет!

Ты, женщина, сама того хотела,
Целуя и кляня,
Чтобы в падучей выгнутое тело
Переросло меня.

Где тихих рынд секиры над державой
Скрещаются, как встарь, —
Встречай, отец, вонзай костыль свой ржавый
В меня, стервятник-царь!

Звони, Москва, во сретенье расстриги,
Костями путь мости,
Впивайтесь в ребра тощие, вериги,
Прощай, любовь, прости!

В такой же час, когда ясновельможной
Я руки лобызал
И в блеске свеч, в мазурке невозможной
Сверкал самборский зал, —

В такой же час, когда крутились рядом,
В шелках и жемчугах,
Все замыслы с уклончивым их взглядом,
Все козни — в трех шагах, —

В такой же час на снег меня повалят
У башенных ворот,
И на чело мне машкеру напялят,
И дудку сунут в рот.

И смрад пойдет по всей земле окрестной
От страшной наготы...
В такой же час, Марина, я воскресну!
И ты со мной, и ты

Помчишь, за Дон, в Туретчину — а больше
Тебя я не найду
Ни в Тушине моем, ни в отчей Польше,
Ни в небе, ни в аду!

2

Пускай метель безумствует в столице,
И в окнах гул раскованных стихий!
Доверил я шифрованной странице
Твое молчанье и твои стихи.

А на заре, туманный бред развеяв,
Когда уйдут на запад поезда,
Сожму я в пальцах твой севильский веер,
С тобой, любовь, расстанусь навсегда.

И серебром колец, тобой носимых,
Украшу ночь — у стольких на виду,
И столько раз, и в осенях и в зимах,
Останусь жив-здоров, не пропаду,

И в новой жизни, под иною датой,
Предсказанной в таинственной судьбе,
Твой темный спутник, темный соглядатай,
Я расскажу всем людям о тебе.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Ты подошла с улыбкой старомодной
И отвернулась, не всмотревшись в нас,
И каждый гость, когда ему угодно,
Вставал, шутил, стрелялся — в добрый час! —
И воскресал в другую дверь — химерой
И неопасной тенью.
Вот и ночь
Окаменела, превратилась в серый
Гранит Невы, но не смогла помочь.
Вот съежились, усохли, почернели
Разносчик, баба, немец, гайдуки...
Вот на ветру, не запахнув шинели,
Прошел костлявый дух моей тоски.

И я проснулся тенью обветшалой,
Изображеньем чьих-то давних лет.
Но *быть собой* мне все-таки мешала
Чужая жизнь, которой больше нет.

И нет тебя, проплывшей в легком вальсе
И отпылавшей, молодость губя.
И как ни спорь, ни сетуй, ни печалься,
Ни утешайся, — больше *нет тебя* —
Ни в прошлом, ни сегодня, ни в грядущем,
Ни в книгах, недочтенных впопыхах...
Ты временем, Кощеем завидущим,
Похищена.
Но ты в моих стихах.

ЦЫГАНСКАЯ СКАЗКА

Красно горят в осенних сквозных лесах костры.
Вокруг костров цыгане, их ножи остры.
Зеленый узкий месяц в затонах опрокинут.
Рыбак закинул невод, — уходит месяц в тину.

Как разноцветный бисер на жаркую ладонь,
Рассыпался по царству поющих птиц огонь:
По телеграфным струнам звенит одна, сбегая,
За ней звенит другая, за той бежит другая...

Царевич едет с войском. Гудит горбатый мост.
Над золотой каретой горит павлиний хвост, —
Ракет ли след потешных, колдуньи ли коварство,
Или в цыганских красках Жар-Птица государство?

И пьянствует Царевич, и снится сон ему,
Что в окна смотрит недруг, посаженный в тюрьму.
Гадают звездочеты, указ Царевич пишет,
Ристаний конских ржанье и сабель стук он слышит.

Над ним то меркнет венчик, то вспыхнет гребешком.
Вельможи этот венчик встречают шепотком.
Царевич ждет событий. Но рано или поздно
Ничто не пропадает в хозяйстве сказки грозной!

Царевич из чертога уходит в дальний путь —
О, только бы подальше, в туман куда-нибудь!
Там — за дремучим бором, за кручей-косогором,
Под грозовым простором — поют цыгане хором!

Поют они о жизни, о гибели поют.
Царевич! Эта песня — последний твой приют.
Она постель стелила тебе бесшумным снегом,
Печалью веселила, клонила к смертным негам.

И лишь бы ты не двигал державною рукой,
Во льду хрустальных игол хранила твой покой.
А между тем на свете свершаются событья —
В пределах государства, да и в домашнем быте!

Поют цыгане песни, и девушки цветут.
По струнам телеграфным несутся там и тут
Последние известья, желательные людям...
Но мы о том не знаем, но мы о том не судим.

Мы скажем наше слово с сердечной простотой:
Ничто не пропадает в хозяйстве сказки той,
В хозяйстве златострунном, в убранстве златотканом...
Мы кончим нашу сказку и чокнемся стаканом.

* * *

Из детских снов, из читаных романов,
Откуда бы ни шла,
Облезлая, в морщинах и в румянах, —
Ты все-таки душа.

Старуха! Я любил тебя. Но ты ведь
В огне былых годов
Могла бы мне и насмерть опротиветь:
Я был на все готов!

Глядишь на свет, вдыхаешь ветер колкий,
Не валишься едва.
Под белой гофрированной наколкой
Трясется голова...

Смеешься. Тараторишь мне по-птичьи.
Прикинулась немой.
Соображаешь, хитрая, постичь ли
Язык правдивый мой...

Но ты наивна и проста как будто,
И, выскользнув из рук,
Скрываешься, как шестирукий Будда,
В огне багряном вдруг...

Я мог бы жить. Я мог бы стать поэтом,
Надеждами дыша...
Вот все, что я хотел сказать об этом
Тебе, моя душа.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Тогда загадочный твой образ
Орнаментами был разубран,
Не забран в шоры, не разобран
До прозаических зазубрин.

Теперь не то! Распад грамматик
И вырожденье арифметик.
Сны? Я учусь не понимать их.
И даже видеть не уметь их.

Мир создан и распланирован.
За нами сверстников орава.
Жить без легенды и без крова —
Наш долг, а может быть, и право!

Так вы, товарищи, не трусьте,
Прочтите типографский оттиск:
Он был и юностью, и грустью,
И самой легкой из гипотез.

ФУРГОН

Ползет фургон бродячего зверинца.
Грязь. Темень. По брезенту дождь звенит.
Возница спит. Во сне он краше принца,
Богат, удачлив, молод, знаменит.

Жизнь тяжела. В харчевнях кормят скудно.
На мокрых ярмарках голо. Как вдруг —
Все клетки настежь. Рев! Еще секунда...
Он вздрогнул, — что за черт?.. Но тьма вокруг.

И вот опять гнилой соломы запах...
Он зорко смотрит в дождевую тьму.
А тьма встает на вывихнутых лапах,
Ползет на брюхе сплющенном к нему.

Ей хочется в немых соитьях грызться,
Клыками рвать, кромсать любой кусок.
И чует каждым мускулом тигрица,
Что рядом с ней течет багряный сок...

Пока еще бессмысленно играя,
Одни сопят, другие ждут свистка.
Тогда хватает хлыст и флейту гаер,
Он чувствует сквозь сон, что смерть близка.

Седая сила всеми завладела!
Седая песня прозвучала здесь!
Не кончено на белом свете дело
Седых чудовищ, чудищ и чудес!

Их призраки, их тени, двойники их,
Их пращуры, продравшие глаза,
Трясут решетки, буйствуют в стихиях, —
Ни в чем ином не смыслят ни аза...

Проснуться. Крикнуть. Но дыханье сперто.
Фургон, как туча, катится назад.
Сломать бы хлыст, дрянную флейту к черту,
Жить с внуками и подстригать свой сад...

А тот оскал, голодный и колючий,
Те жалкие глаза... они *твои!*
Так не теряй хлыста на всякий случай,
Пока не рухнул на землю в крови!..

Пока тебя не окружила свора,
Не кинулась стремительно — загрызть!..
Не шелохнись! Жди молча приговора, —
Вот вся твоя удача, вся корысть.

Ползет фургон. Пестро фургон раскрашен, —
Скрипучий, старый, мешкотный фургон.
Возница спит. Сон долог и не страшен.
Нестрашный сон. Предсмертный перегон.

ТАК, КАК ТОЛЬКО И ВОЗМОЖНО!

Так, как только возможна
Речь от первого лица, —
То есть путано, тревожно,
Не с начала, без конца, —

Не затем, чтобы потрафить
Устроителям торжеств,
Приукрасить иль исправить
Каждый неуклюжий жест.

Что мне ваши уверенья,
Страсть, несущаяся вскачь,
Будто пудель по арене
Иль какой другой циркач!

Стойте, чудо! Я вам свистну,
И тогда, пожалуйста,
Плачьте, как вам ненавистно
Слушать реплики хлыста!

Укрощенье этой твари
Занимает весь раек.
Но раек поймет едва ли,
Что сказал я между строк.

Вам шепну я, страсть, что между
Строк распоряжались вы,
Распалив мою надежду
Прыгнуть выше головы.

Как индийские удавы,
Горла труб обвили нас.
Но стихает туш, когда вы,
Легким торсом наклонясь,

Вея древней пантомимой,
Усмехнулись мне, дитя, —
Вся в поту и в мыле, — мимо
Человечества летя!

СТОЙ, ВЫСЛУШАЙ!

Стой, выслушай меня! Я жил в двадцатом веке
И услыхал в себе, в ничтожном человеке,
В те годы голода — рев низколобых орд
И страшный ритм машин. И был я этим горд.
Я мог бы умереть. Но выслушай, царица,—
Я мог совсем не быть, но мог учетвериться!

Вдыхал я Дантов ад и сладкий дым сигар,
Едва заметный шплинт вращенья, кочегар
У топки городской, я продал ювелирным
Витринам все глаза, которые любил.
Я истребил мечты, что выгибались лирным
Любовным голодом, и женщин оскорбил.

И помнится мне цирк, и в музыке и в гике —
Взгляд бедной девочки, наездницы-бельгийки,
И вихрь трехцветных лент, и бешеный оскал
Накрашенного рта... И та же тьма зеркал
Витринных выпила мой первый день творенья,
А кукла понеслась слепая по арене!

Она еще летит. И музыка с бичом
За нею гонится. И больше ни о чем
Не вспомню я в стихах, беспомощно подробных.
Войду я эльфом в сон и Шерлок Холмсом в сыск.
Праправнук обезьян и внук себе подобных,
Останусь призраком на свой же страх и риск.

Когда же рухнет мир в моих лесах рабочих,
Я буду, может быть, счастливее всех прочих
И получу взамен возможность быть везде,
В любом мошеннике и на любой звезде,
Как белка в колесе, замучен и заверчен,—
Пунктиром в памяти читателей прочерчен,

ИСТОРИЯ

История гибла и пела
И шла то вперед, то вразброд.
Лохматилась грязная пена
Ее вымиравших пород.

То были цари и циркачки,
Философы и скрипачи —
В тяжелой и жуткой раскачке
Уже не живые почти.

Но я относился с доверьем
К истории, вьюгам, кострам.
Я жил геральдическим зверем
В развалинах сказочных стран.

Мне каркала злая ворона
Из мрака монархии той,
Где все от острога до трона,
Казалось, свинцом залито.

Где фурии факельным хором
Рыдали с архивных страниц,
Искали горячего корма, —
А век отвечал: — Отстранись!

Но, весело, честно и строго
Спрягая свой черный глагол,
Я был как большая дорога
И просто был молод и гол.

НОВЫЙ ГОД. 1927—1967

1

Мчаться восемь суток в ночь
Вровень с ветровым прибоем —
Мимо виадуков, почт,
Водокачек, башен, боен.

И примчаться в час, когда
Время лопнет, как реторта
С голубым осколком льда
На калильной лампе черта,—

В час, когда от непогод,
От кромешных кочегарок
Зажигает Новый Год
Свой таинственный огарок!

Над раскачкой утлых скверн,
В сквернословье погребенных,
Ночь невинна, как Жюль Верн,
Чтобы мог прочесть ребенок.

Хор сирен вступает в рейд
С пеньем чистых ораторий,
Чаща тонкоствольных флейт
Новогодним тостам вторит.

Бьет двенадцать! Дети спят.
И пока ты пунш заваришь,
Флейты весело вопят:
— С новым счастьем, товарищ!

И над городом твоим
Вспыхнет, набранная наспех,
Транспарантом световым
Гневная, как вьюга, надпись:

— Ночи некогда. Пора!
На ее печах состряпан
День к восьми часам утра.
Не закуривать над трапом!

2

Миновало с той поры
Сорок лет — почти полвека.
Каждый праздник был как веха,
Как поминки — все пиры.

Мчались новые года.
В должный срок двенадцать било.
Вьюга русская трубила
В честь досуга и труда.

Снегом сказочным оброс
Нынче ночью наш поселок.
Чертежи абстрактных елок
В окнах вызвездил мороз.

Ночь прозрачна и свежа.
Но в тревоге новогодней
Между завтра и сегодня
Не отыщешь рубежа.

Тот рубеж — короткий миг,
Полный смеха, слез и песен.
Как он короток, как тесен,
Как загадочен! Но весь он
Уместился в нас самих.

Пусть бессонные мечты
Поспешают, мчат куда-то,
Лишь бы только с новой датой
Утром перейти на ТЫ.

Что бы ни было — туда,
Вновь тревожась и ликуя,
В завтрашнюю мастерскую
Вечно-юного труда!

Лейся в поле бубенец
Славной гоголевской тройки —
К новоселью, к новостройке,
К новобрачным, наконец...

Где же он за снежной тьмой,—
Не добыт, не заработан?
Не шутите, бросьте,— вот он,
Новый Шестьдесят Седьмой!

Жизнь дается дважды нам:
Суждено ей продолженье
В ритме вечного движенья.
Память и воображенье
Шлют привет согражданам!

* * *

Мне время служило как ткацкий станок, —
Я бога одел с головы и до ног.

Гете

И снова в беспечной погоне
Ликуют миры и моря.
И в дикой войне космогоний
Участвует юность моя.

И снова задуманы взрывы.
И звезд зеленеют кусты.
И солнцам в косматые гривы
Кометы вплетают хвосты.

А там, в океанах пространства,
В цистернах, где пьют времена,
Горланит могучее пьянство,
Кипит вихревая война.

И бражнику снится, что снова
Он молод, удачлив, умен.
И вертится с визгом основа
На ткацкой машине времен.

ПОЖАР В ТЕАТРЕ

Новогодняя сказка в пяти картинах с прологом. 1918

Юрию Завадскому

Новогодняя сказка 1918 года, которая когда-то предназначалась для театра, для представления в театре, но так и не дождалась огней рампы. Это было пятьдесят лет тому назад! Срок — мало сказать «почтенный», он просто катастрофический! Однако, перечитав эту вещь после большого перерыва, я вижу, что сказка моя продиктована той же тревогой по поводу той же загадки, которой посвящены все мои последние стихи шестидесятых годов, — власть Времени над Человеком, власть Человека над Временем.

И вот я ставлю рядом свое начало и свой конец и стремлюсь *закольцевать* свой путь и самого себя. Такая игра стоит свеч.

ЛИЦА

Поэт.
Вор.
Ангел, *часовых дел мастер.*
Черт, *часовых дел мастер.*
Директор театра.
Актриса Анни Эль.
Луна.
Уличная девушка.

Место действия: пролога — небо, остальных картин — город.

Время действия — иногда.

ПРОЛОГ

Небо. На сцене странная конструкция. Тут и сталь, и хрусталь, и туман, и серебряные нити водопадов, и часть махового колеса, напоминающая радугу, и еще какие-то неуловимые подробности. Ангел и Поэт вертят маховое колесо.

Поэт

Нет, не могу...

Ангел

Немного понатужься.
Ну, раз-два — взяли!

Поэт

Хватит. Не могу.
Я надорвусь.

Ангел

Ты знаешь, для чего
Тебя прислали в нашу мастерскую?

Поэт

Не знаю для чего. Чтобы угробить.

Ангел

Кончай работу. Близок Новый год.
На всей земле поют колокола.
Давно пора.

Поэт

А мне какое дело
До их трезвона!

Ангел

Вот и вьюга воет,
Она торопится.

Поэт

Пускай летит!
Вы ошалели в небе. Что за спешка!
Куда вы гоните? Куда вы гнете?
Тут что-то не продумано у вас.

Ангел

Ты многого не знаешь. Есть и тут
Открытые ворота для входящих
И выходящих. Пусть проходят мимо.
Старик их разберет. А наше дело —
Вертеть колеса, дуть в огонь и прясть.
Я приготовил нам на утро отдых.
(Протягивает Поэту фанфару.)
Смотри. Вот голос Утренней Зари.
Возьми, попробуй протрубить три раза
Для бодрости. Труби сильней.

Поэт

Мне легче
Стоять внизу. Дыханье захватило
От ветра.

Ангел

Ты, как шелковый лоскут,
Как детский флаг, безвольно поникаешь.

Поэт

Я много бедствовал внизу.

Ангел

А я?
Я пил с ворами у ночных костров,
Я жарился в котлах у кочегаров,
Я спорил в клубе анархистов с чертом,
Я школьникам решал задачи. Друг мой!
Колеса времени гудят. На верфях
Поют сирены. Капитаны ждут
Полуночи, чтоб выйти в океан.

Поэт

Матросы пьянствуют в портах. Пускай их
Блаженствуют! Нам некуда спешить.

Ангел

Вот олух!

Поэт

А в театрах звон и хохот —
Там Анни Эль играет Розалинду.

Ангел

Я знаю Анни, — хитрая девчонка,
Умеет разговаривать и с чертом
И с ангелом.

Поэт

Она сама как ангел!

Ангел

Какая чушь!

Поэт

Ты побледнел от злости?

Ангел

Я, добрый ангел, не способен злиться.
Я очень рад, что Анни существует
И что Поэт, мой друг, в нее влюбился,
Но ты, пожалуйста, не думай...

Поэт

Вот!
Я так и знал!

Ангел

Не думай, что такому
Великому огню в твоей судьбе
Я придаю великое значенье.

Поэт

А вот посмотрим!

Ангел

Это что, угроза?

Поэт

Предупрежденье.

Ангел

Очень хорошо!
Пора за дело! Масла бы подлить.
Ось загорится, — будет нам возни
На целый век.

Поэт

Где бочка?

Ангел

В кладовой,
Под тучей.

Поэт

Я пойду за маслом.

Ангел

Останься здесь. Еще не вставишь втулки
И разольешь на землю весь товар.

Уходит с канистрой за маслом. Оставшись один, поэт с великим трудом поворачивает колесо едва ли на миллиметр. Однако немедленно вьюга вылетает из-под колеса снопами серебряных искр.

Поэт

Анни Эль — Анни Эль — Анни Эль!
Снеговая метель
Прославляет работу мою.
Добрые ангелы щеки надули.
Сегодня у них торжество,
Можно трубить и трубить
Беспорядочно и бесполезно.
Состарился бог.
И, склоняясь над бездной,
Помощи ждет от меня,
Не ангела, но человека,
Веселее, чем ангела.
Здравствуй, великая ночь!
Новый год приближается. Раз!
Вдребезги ветхая рухлядь.
Два! Остается блеск навести,
Подвинтить эти мелкие гайки,
А сверху напялить звезду.
Три! Новый год наступил.
Старая ваша машинка исправлена.
А теперь покурим!

Ровно двенадцать часов. Звонят колокола. Гудят телеграфные провода. Где-то слышатся звон стаканов и голоса пирующих. Ангел возвращается, видит, что здесь произошло, роняет канистру и хватается за голову.

Ангел

Что ты наделал?

Поэт

Новый год уже наступил.

Ангел

Без меня?

Поэт

Что ж такого?

Ангел

Я за этим приставлен.

Поэт

Я тоже за этим приставлен.

Ангел

Неправда! Ты работаешь поденно. А я служу целую вечность.

Пытается повернуть колесо обратно, но это невозможно. Поэт хохочет.

Сейчас же убирайся отсюда, негодяй!

Поэт

Терпенье! Мы проводим вместе вечность.
Метели, взвейтесь из-под колеса!
Как вам не совестно лениться! Ангел
Сказал, что здесь лениться не умеют.
Летите к Анни Эль и передайте
Привет от Ангела и от Поэта.

Ангел

Я ей не кланяюсь.

Поэт

Слегка сконфужен

Бедняга Ангел. Молча подтверждает
Все сказанное.

Ангел

Я не подтверждаю.

(Отстраняет Поэта, но спохватывается.)

Объясни толком, что ты, собственно, говоря, натворил тут?

Поэт

Повернул немного колесо.

Ангел

В какую сторону?

Поэт

Сначала вправо, потом влево. Честное слово, самую малость, сантиметра на два, пе больше.

Ангел

Идиот! Это больше, чем два столетия! Как же ты не подумал, что миллионы людей встречают Новый год, что у них на столах стекло, хрупкая посуда? Все это поломалось, у них глаза вылезли на лоб от ужаса, дети в кроватках перепугались...

Поэт

Я думал об одной только Анни Эль.

Ангел

Пожалуй, это спасает положепие. Только ее дело и коснется. И удружил же ты своей актрисочке, влюбленный дурак!

Поэт

Боже мой, что я наделал!

Ангел

Несчастный поденщик! Беспокойные рученьки, нет покою мне от вас!

Поэт

Может быть можно исправить?

Ангел

Эх ты, исправить... Ведь это мощный конвейер, тут все пригнано одно к другому, у каждой причины свое следствие и наоборот. Однако большой беды не произойдет. Что касается Анни Эль, успокойся, это моя забота.

Летите же, метели, в город свой.
Трудитесь, все работники господни!
Но будьте в сердце ночи новогодней,
По крайней мере, с трезвой головой!

Поэт

А если есть опасность опьянеть,
Поверьте мне, что праздничное пьянство
Поможет в жизни будничной!

Ангел

Пространство
И Время!

Поэт

(пародирует)

Время и Пространство!

Ангел

Опять должны лететь, лететь, лететь!

Поэт

Куда лететь, — туда или обратно?

Ангел

По мировой орбите коловратной.

Поэт

Неведомо, откуда и куда?..

Ангел

Они идут!

Поэт

Старик проснулся?

Ангел

Да!

(Нахлобучивает на голову Поэта шляпу. Тот стремительно убирается восвояси. Ангел застыл коленопреклоненно.)

Картина первая

Вьюжная ночь. Мост через черную, широкую реку в огромном городе. На мосту встречаются Вор и Черт.

Черт

С новым счастьем, Вор!

Вор

С новым счастьем, Черт!

Черт

Вот уж не думал, что ты меня узнаешь!

Вор

С первого же взгляда! Отчего ты так отощал?

Черт

Плохи мои дела. Как ты знаешь, я прослыл здесь часовым мастером.

Вор

Что ж, это хорошее ремесло для вашего брата.

Черт

Да, хорошее, коли бы ваш брат не зевал!

Вор

Наш брат не зевает.

Черт

Есть товар? За подходящий дам хорошую цену. Выкладывай!

Вор

Никакого нет.

Черт

Значит, ваш брат зевает!

(Поет.)

Здравствуй, Вор! Идем вдвоем,
Будем утром вчетвером.
А дойдет до десяти,
Будет весело идти.
Спят солдаты на постах.
В черном поле на шестах
Головы казненных ждут,
Скоро ль дьяволы придут.
В темноте заводит Вор
С Чертом тихий разговор.

Вор

Брось ты, пожалуйста, скверную привычку шептаться. А сверх того, не сколачивай банды. Ишь чего выдумал — «дойдем до десяти». Так можно и до виселицы дойти. Мне с тобой сговариться не о чем.

Черт

Решительно не о чем?

Вор

Хочешь помогать мне сегодня ночью?

Черт

Сколько дашь?

Вор

У нас длинные счеты. Когда-нибудь подведем их. Сегодня сыграем на мелок.

Черт

Согласен.

Вор

По рукам, только не обманывай!

По мосту пробегает простоволосая, растрепанная, в длинной до земли старой шали — Анни Эль. Она сталкивается с Вором.

Вор

Клянусь колесом счастья, я знаю вас, прелестная особа!

Анни

На помощь, на помощь!.. В театре Золотого Глобуса... вы знаете, недалеко отсюда, на площади...

Вор

Клянусь луной, это знает весь город.

Анни

В театре пожар!

Вор

В театре? Не может...

Анни

Пожар! И еще какой. Сразу все вспыхнуло. Я не виновата.

Вор

Правда, я не в ладах с полицией, но убежден, что вы чисты, как ангел. Я узнал вас. Вы Анни Эль. Я видел вас на сцене сотни раз. Чем я могу помочь вам?

Анни

Кажется, ничем.

Убегает. Черт, прятавшийся за фонарем, выходит на свет.

Вор

Хочешь быть добрым гением этой ночи?

Черт

Я — добрым гением? Странное предложение!

Вор

А почему бы и нет? Если она по своей доброй воле и при помощи и с благословения тысяч городских зрителей становилась Джульеттой и Розалиндой, индуской, а то и цыганкой, какая сила помешает тебе называться добрым гением? Чем ты рискуешь?

Черт

Правильно, черт возьми или ангел возьми, старина! Идем спасать честь Анни Эль!

Вор

Ее честь ни при чем. Об Анни Эль отзывайся крайне осторожно. Это первое условие.

Черт

Все понятно. Ты хорошо выбрал.

Вор

Опять пальцем в небо! Не выводи меня из себя. В доме Анни Эль пожар.

Черт

Да здравствует Анни Эль! Она посылает костер твоему продрогшему позвоночнику.

Вор

Стакан дарового грога не забудь!

Черт

Не забудь — бессмертную любовь!

Вор

Это, конечно, справедливо, но не будь олухом, — я работаю не для себя.

Черт

Тогда я ставлю вопрос ребром — есть ли чем поживиться?

Вор

Там посмотрим!

Черт

Еще один вопрос тем же ребром — кто виноват в пожаре? Не Анни Эль?

Вор

Это исключается. Идем в театр?

Черт

И без нас потушат!

Вор

Там есть один человек. Надо его допросить с пристрастием.

Черт

Директор? Вот продувная бестия, знаю его с детства. Но при чем же здесь Анни Эль?

Вор

Эх, смола! Все равно не поймешь. Идем!

Оба уходят. Анни Эль возвращается в слезах, садится на скамью у парапета моста и плачет. С неба сходит Луна.

Луна

О чем вы плачете, дитя?

Анни

Мне страшно.
В театре Глобуса большой пожар.
Ей-богу, я ни в чем не виновата.
Я бедная актриса и глупа,
И у меня довольно резкий голос.
Мне стыдно, что играю я Джульетту.
Но у меня есть брат. Он часовщик
И слепнет за работой над часами,
А без театра мы погибнем оба
От дикой нищеты. Вот в чем загвоздка.

Луна

Я знаю все, как было. Я Луна.

Анни

Как, вы Луна?

Луна

Да, незачем скрываться, —
Та самая, что бродит в облаках
И длинным шлейфом заметает звезды.
Я все видала. Виновата вьюга.
Она летела по моим следам
И рассказала мне про вашу тайну.

Анни

Какую тайну?

Луна

Скоро все поймете!
Не в этом дело. Видно, Новый год
Принес вам, Анни, радость, а не горе.
Идем со мною. Подколите шлейф мой.

Анни

Простой булавкой можно?

Луна

Да, любой!
Здесь в городе меня не узнают
Из-за тумана или по привычке.

Анни

Я тоже не узнала. Как обидно!

Луна

Не огорчайтесь! Нам туман поможет.
Такой красотке и такой старухе,
Как вы да я, нам нечего бояться.

Картина вторая

Самый гнусный перекресток во всем городе. Афиша на столбе. Мокрый снег. Тусклый фонарь чадит и моргает. Луна ведет Анни.

Анни

Я здесь одна дойду до брата.

Луна

Анни,
Здесь очень подозрительное место,
И я боюсь оставить вас одну.

Анни

Мне ничего не страшно в темноте.
Подумайте, пожалуйста, кого
Бояться мне на свете? Мне не страшно
Смеяться, плакать, петь и танцевать
Перед райком воскресным. Я смотрела
В глаза, не отворачиваясь, пьяным
И наглым, да и черту самому.
Я не храбрюсь нисколько, — просто знаю,
Что у такой актрисы есть немало
Заступников. Весь город начеку!
Приказчики, студенты, трубочисты,
Чиновники, и маляры, и даже
Отчаянные моряки на верфях,
Все поспешат на выручку ко мне
И крикнут: «С добрым утром, Анни Эль!»
Мне было страшно только на мосту,
Я на реку на черную смотрела
И думала о нищете и смерти.
Вы увели меня оттуда.

Луна

Очень рада,
Что помогла вам. До свиданья, Анни!
Примите от меня браслет на память.

Анни

Да это лунный камень, он горит.
Чем заслужила я такой подарок?

Луна

Пускай он будет вам напоминаньем
О новогодней ночи, о пожаре,
О том, как обе мы в ту ночь остались
Без крова и как город приютил нас.
Я буду вам светить.

Анни

Как вы добры!

Луна уходит и зеленым серпом стоит над головой Анни. К ней подходит Уличная девушка.

Девушка

Кто ты такая?

Анни

Анни.

Девушка

Вот так случай!
Я тоже Анни. Где ты ночевала?

Анни

Я не спала.

Девушка

Ого, так ты богата!
А сколько наработала?

Анни

Браслет.

Девушка

А ужинала с кем?

Анни

С Шекспиром.

Девушка

С кем?

Анни

С Шекспиром, с другом всех бездомных.

Девушка

С лордом?

Анни

Нет, он веселый конюх.

Девушка

Видно, шутишь?
Блондин?

Анни

Нет, лысый.

Девушка

Это скверно. Слушай,
Ты голодна?

Анни

Немного

Девушка

Хочешь хлеба?

Анни

А ты сама?

Девушка

А я попировала
Достаточно на белом свете. Брр!..
Как холодно!

Анни

Вот шаль. Возьми!

Девушка

Не надо
Мне шали. Дай браслет.

Анни

Зачем?

Девушка

Браслет дороже шали. Ты глупа.

Анни

Бери. Он мне не нужен. Я не дама.

Девушка

И я не дама. Ну прощай!

Анни

Прощай!

Девушка

Дай бог тебе найти свою дорогу.
А я свою давно уж потеряла, —
Вниз головой в могилу ледяную, —
Мне не поможет шаль.

Анни

Браслет поможет.

Девушка

А там посмотрим! Будь здорова, Анни!

Девушка уходит. Лунный серп медленно движется за нею. Анни остается одна в темноте. К ней подходит почтенный Старичок.

Старичок

Три серебром и десять медяков.
(Анни смотрит ему в лицо и молчит.)
Какая дура!

Анни

Ты похож на черта.

Старичок

Не может быть. А впрочем... как сказать!
Чем черт не шутит... Может быть, и черт
В меня вселился, — я в тебя влюблен.

Анни

Ты можешь доказать свою любовь?

Старичок

Приказывай! Исполню все желанья.

Анни

Весь город чтобы мне принадлежал.

Старичок

Изволь. Так будет.

Анни

Кто же ты такой?

Старичок

Я ростовщик и часовщик. Философ,
Любитель математики и женщин.

Анни

Мой брат такой же часовщик, как ты.
Тебя я познакомлю с ним. Согласен?

Старичок

Что ж, буду очень рад. Идем скорей.

Анни

Где ты живешь?

Старичок

На площади Согласья,
Налево от Шоссе Энтузиастов.

Анни

Да это рядом с нами. Что ж, идем!

Картина третья

На том же мосту, под тем же ветром. Директор Театра и почтенный Старичок, в котором на этот раз угадывается Черт.

Черт

Доверьтесь же мне, господин Директор. Поджигательница — Анни Эль. Она окончательно у меня в руках и почти созналась.

Директор

Вы заметили золотой герб на кассе? Он из чистого золота. Для постановки жизни пророка Даниила я выписал львов из Африки, для Сарданапала — слонов, для Сна в Летнюю Ночь — настоящих эльфов и даже русалок.

Черт

Вы получите возмещение за все убытки. Назначайте любую сумму.

Директор

А с кого взыскивать? С черта?

Черт

Ну зачем же с черта? Черт решительно ни при чем.

Директор

А с кого же?

Черт

С брата Анни Эль. Мы опишем их магазин.

Директор

Да они бедны оба, как церковные крысы. Их посадят в долговую тюрьму, а мне с пороком сердца придется играть на контрабасе на собственных похоронах.

Черт

Обсудим, Директор, положение вещей хладнокровно. Горячиться, право, ни к чему.

Директор

Обсуждайте, коли вам угодно. Был Театр Золотого Глобуса. Анни Эль играла все лучшие роли. Публика под праздник разбивала в кассе окно. Анни Эль взяла в охапку свой узелок, сунула в него платье Джульетты, и поминай как звали! И она найдет удачу, будьте спокойны — такие не пропадают. И в ту же ночь театр загорелся с четырех концов. Вы говорите, что она поджигательница? Черт возьми, это надо еще доказать. Все, что я могу сказать — черт возьми!

Черт

Спасибо, черт возьми. Так вы, значит, судиться не хотите?

Директор

С кем же это?

Черт

Решительно отказываетесь?

Директор

Ну вас к черту!

Черт

К черту я еще вернусь. Погодите. Сейчас мой приятель явится сюда. Он вор,— да, да, будем смотреть правде этой ночи прямо в глаза. Прежде всего, не выдавайте ему, что я знаю о местопребывании Анни Эль. Речь идет о вещах гораздо более важных, чем вы предполагаете. Тут солнечное хитросплетение, так сказать, нервный узел всех событий этой ночи, нечто еще не оформленное структурно, рыхлое, едва намеченное в звездных туманностях интриги и сюжета.

Директор

(настороженно и веско)

Что все это значит, милостивый государь?

Черт

Так и быть, кое-что открою вам. Но помните уговор — не выдавать меня. Мой приятель вор и Анни Эль — одного поля ягоды, одна компания, одна, если угодно, банда поджигателей...

Директор

Стало быть, это он поджег мой театр?

Черт

Этого я не сказал. Отнюдь не сказал. Подозрения не в счет. Однако достоверно известно, что оба связаны между собой и собираются удрать куда-то.

Приближается Вор.

А, наконец-то! Мы ждем уже добрых полчаса.

Вор

(тихо Черту)

Как дела?

Черт

(тихо Вору)

Старик в наших руках. *(Громко.)* Очень мне вас жаль, Директор. Жаловаться суду вы не хотите. Что бы сообща нам придумать?

Директор

Ничего мы не можем придумать. Одна только Анни Эль...

Вор

Анни Эль здесь совершенно ни при чем. Будьте любезны не произносить это имя!

Черт

(тихо Директору)

Видите, видите? Это одна компания! Он за нее готов в огонь и в воду. *(Громко.)* Что ж, оставим в покое Анни Эль.

Вор

Есть у вас, Директор, какие-нибудь мелкие сбережения, на лакомства детишкам?

Директор

Ни гроша, честное слово.

Вор

Ощупайте хорошенько собственный сюртук. Позвольте, я вам помогу. Это что? Часы, платок, ключи, веревка... Ай-ай-ай! Зачем же веревка?

Черт

Помните, Директор, мы желаем вам только добра.

Вор

(тихо Черту)

Помогай, обезьяна! В сюртуке ничего нет.

Директор

Что это вы все шепчетесь, черт бы вас побрал.

Черт

Ах, не надо поминать черта, Директор. Черт и без того не спит. Будьте любезны до конца, снимите ваш цилиндр.

Директор

Зачем?

Вор

Он покажет вам фокус-покус.

Директор

Мне не до фокусов! О чем это вы все шепчетесь между собою?

Черт

О вас, Директор, о вас, — о чем же еще нам шептаться!

Директор

Кто вы такие?

Черт

Лучше не спрашивайте...

Директор
(*дрожит мелкой дрожью*)

А я спрашиваю.

Черт
(*раздельно отчеканивая каждый слог*)

Мы уполномочены. Понятно? Будьте любезны снять потихонечку цилиндр. Ну! Без шуток, говорю! Скидывай, мерзавец!

Дрожащий Директор снимает цилиндр.

Ощупайте подкладку. Нет выступов?

Вор

По лицу вижу, что есть. (*Дает Директору нож.*) Сумеете распороть?

Директор дрожит всем телом.

Черт

Ай-ай, еще простудитесь на мосту. Зайдем куда-нибудь под ворота.

Директор

Нет. Я тороплюсь. Не сойду с этих плит... Порите сами без разговоров. Ах, как вы медленно! Ступайте к черту.

Вор

Постойте, постойте — у вас руки дрожат.
(Прокалывает цилиндр, из него сыплются золотые монеты.)

Директор

Что это значит?

Директор и Вор ловят золотой дождь и суют монеты в свои карманы.

Черт

Это значит, друзья мои, что сама судьба поздравляет вас с Новым годом.

Директор

Шляпы долой, — дорогу величайшему Директору величайшего театра. Карету мне!

Черт

Куда? В Калифорнию, в Индию, в Монако, на Таити, на Луну?

Директор

На Луну и обратно!

Вор

А вот вам и гайдук, а вот вам и секретарь и компаньон, клянусь вашим звоном! Он умеет подделывать любой почерк, щелкает на счетах быстрее молнии, скрипит гусиным пером, как прожженная канцелярская крыса, ведет трехсаженные конторские книги и не боится никакой ревизии, — правильно я рисую тебя, обезьяна?

Черт

Правильно! Согласен на любые условия.

Директор

Назначайте себе содержание!

Черт

Об этом еще успеем договориться. Ставлю одно только условие.

Директор

Моя дочь принадлежит вам.

Черт

Я не о ней, Директор. Мне нужна ваша великолепная, золотая, под сургучной печатью душа. Уступите мне ее вместо дочери и крепче держитесь за перила, а то еще, чего доброго, полетите на радостях в воду. Я честный купец и не оставлю вас в накладе. Если нужен залог, дам какой угодно.

Директор

Удвоить все, что было в цилиндре.

Черт

По рукам.

Директор

Зачем вам душа старого человека?

Черт

А вам она зачем? В том-то и дело, что ни к чему. Приходите рано утром ко мне в часовую мастерскую, вот адрес — на площади Согласия, направо от шоссе Энтузиастов. У вас ровно четыре часа с половиной на размышление. Жду вас к девяти утра.

Директор

Доброй ночи, господа. Вам в какую сторону?

Вор

А вам куда?

Директор

Вон туда.

Вор

А нам сюда. Проваливайте!

Директор уходит, позванивая золотом.

Ну, Черт, спасибо тебе за дружбу, за ловкость рук. Твой должник на долгие времена.

Черт

Стоит ли говорить о таких пустяках. Я и сам доволен сегодня.

(Поет.)

В темноте заводит Вор
С чертом важный разговор.

Вор

Вот теперь пой, пожалуйста! Хотя, к сожалению, —
Скоро должен кончить Вор
С Чертом длинный разговор.

Черт

Старый год собрался в путь.
Надо Черту отдохнуть.

Вор

Отдохнуть или опять
Поработать, недоспать.

Продолжительный свист с того берега реки.

Ну, Черт, ступай куда знаешь. Твоя роль кончена.

Черт

Это мы еще посмотрим! *(Прыгает в воду с перил.)*

Издалека — голос поэта:
«Эй, с Новым годом, товарищ!»

Вор

С Новым годом, Поэт!
(Поэт подходит.)
Откуда?

Поэт

С неба. Ты еще не спишь?

Вор

Всю ночь не спал, работал за двоих,
За нас обоих.

Поэт

Как мои дела?

Вор

Все обстоит прекрасно. Черт помог
Спокойно сговориться с этой дрянью.

Поэт

В театре был пожар?

Вор

Еще какой!
Сгорело все дотла.

Поэт

Вот и отлично.

Вор

А ты откуда знаешь о пожаре?

Поэт

Я сам его придумал. По совету
Всех ангелов я вьюгу с фейерверком
Вчера послал с приветом к Анни Эль.

Вор

Весь мир за нас.

Поэт

Я так и думал. В небе,
Насколько я заметил, наше дело
Идет на лад. Все празднично и грозно.

Вор

Там понимают в молодости толк?

Поэт

Прекрасно понимают все, что надо!
Работают не покладая рук
И подбавляют жара в наши топки.

Вор

Да, этим мальчикам крылатым надо
Побольше музыки — и пусть горят
Театры, города, миры, сердца.

Чем больше пламени и пепла здесь,
Тем больше славы этим дармоедам.

Поэт

Напрасно обижаешь эту банду.
Я с ними связан круговой порукой.

Вор

Что ты сказал?

Поэт

Я с ними прочно связан.

Вор

Так, значит, расстаемся?

Поэт

Нет, нисколько.
Поделим сферы нашего влиянья.
Ты *тут*, я *там* — а дружба как была.

Вор

Ага, не худо выдумано. Лихо!
Пусть небо завоевано тобою,
Мы вместе завоюем землю.

Стоят, прижавшись друг к другу.

Поэт

Небо!
Поэт и Вор приветствуют тебя.

Молчание.

Вор

О чем ты думаешь?

Поэт

Об Анни Эль.
А ты?

Вор

Я философствую о дружбе,
И о других вопросах социальных,

Об ужине хорошем, например,
И о ночлеге...

П о э т

Где же Анни Эль?

В о р

Спроси Луну! Сегодня обе в стачке.

П о э т

А где ты в эту ночь найдешь Луну?

Картина четвертая

Поэт и Вор идут за Уличной девушкой, над которой явственно сияет зеленый лунный серп.

В о р

Стой, вот она! Как будто Анни...

П о э т

Какая ночь — мороз и темнота.
Дай спички.

В о р

Фосфор отсырел.

П о э т

Идти
За этой тенью? Кто она? Наверно,
Совсем другая, не моя! Чужая...

В о р

Ступай за ней! Неясность помогает
Тому, кто смел. А трусу не поможет
И дважды два — четыре.

П о э т

Это правда!

Он идет за девушкой. Лунный серп покорно движется за ними. Навстречу им дома, закоулки, заборы. Местность все глуше.

Эй, Анни, погоди! Постой!

Девушка оборачивается к нему, и Поэт отшатывается.

Старуха!
Кто ты такая?

Девушка

Анни Эльдорадо!

Поэт

Так, значит, только ты моя награда
За поиски, за весь переполох,
Устроенный во славу этой ночи?
А может быть, я сам настолько плох,
Что заслужил такой чертополох?

Девушка

Так как же мне не хохотать, сыночек!
Недаром я на свете прожила,
По крайней мере, целое столетье!

Поэт

О, как моя ошибка тяжела.
(Плачет горько.)

Девушка

Так не ищи меня в кордебалете.
Ищи на дне речном или в огнях,
Бегущих мимо, иль еще подальше,
Ищи, свищи, тащи любовь, бедняк,
Пока ты веришь этой глупой фальши!

Девушки нет рядом с Поэтом. Лунный серп исчез вместе с ней. К Поэту подходит Вор.

Поэт

Где ты шатался?

Вор

В облаках.

Поэт

Дурак!

Вор

А ты умен! Ну, как твои дела?

Поэт

Как видишь, Анни нет.

Вор

Да, ты умен!

Поэт

Там Анни, да не наша.

Вор

Вот Луна
Обманщица какая!

Поэт

Как мне быть?

Поют петухи.

Вор

Вот и ответ — идти домой и спать.

Поэт

Ночь кончилась, а Анни нет как нет!
Мы для нее разворотили ночь,
И вывернули время наизнанку,
И Новый год украли для нее,
И снежной вьюге дали имя Анни.
Идти домой? Нет, никогда. Поспорим.
Бьюсь об заклад, что Анни отыщу.

Вор

Ты — без меня?

Поэт

Один во всей вселенной!

Вор

Спроси у петухов, — они всезнайки.

Поэт

Товарищ по бессоннице, Петух!
Скажи, любезный друг, где Анни Эль?

Ближний петух

Не знаю... Может быть, скажу когда-нибудь.
Спросонок холодно. Могу и обмануть.
Спросите Дальнего, чтоб не горланил вздор,
А я послушаю веселый разговор.

Поэт

Ответьте, гражданин Кукареку,
Где Анни Эль, известная актриса?

Дальний петух

Пройди квартал, кукареку,
Не верь гудку, не верь звонку,
Во все глаза всмотрися,
Ищи, где магазин часов
Сегодня заперт на засов, —
Там Анни Эль, актриса.

Вор

Вот это дельный, кажется, совет,
Ступай к часовщику.

Поэт

А ты куда?

Вор

Я буду среди зрителей.

Поэт

Зачем?

Вор

Послушаю, что говорят о пьесе
И о твоей игре.

Поэт

Не надо! Брось!

Вор

По крайней мере, буду рядом, — можешь
Позвать меня. Я пригожусь еще.

Поэт

Спасибо, Вор. Ты настоящий парень!

Занавес закрывается. Вор очутился перед занавесом.

Вор

Ночь кончилась. Поэт отыщет Анни,
Поэзия отыщет свой предмет.
А у меня нет никаких желаний
И никаких естественных примет.
И Вор пойдет по городу с великим,
Печальным и веселым ремеслом,
И будет он сторуким и столиким,
А может быть, отправится на слом.
У каждого из нас есть ноша. Песня
Моя не велика. Но я люблю,
Окончив дело, петь, а не молчать.
Под конец заводит Вор
Откровенный разговор
Относительно того,
Как прекрасно мастерство,
Зоркость глаза, ловкость рук,
Обнаруженная вдруг.

Из-за занавеса просовывается голова Луны.

Луна

Поете, Вор?

Вор

Луна, я вас прошу
Отправиться по собственным делам,
А я дорогу для себя найду
Без вашей помощи.

Луна

Как это грустно!

Вор

Советую вам носа не совать
В чужую песню. Это беспорядок.
Желаю вам круглее располнеть
И показаться нам через неделю
Голландским сыром.

Луна

Вы нахал!

Вор

Нисколько.
Я просто реалист, а не романтик.

Луна скрывается.

Вор

Украсть у этой дамы кошелек
Сумеет всякий. А сказать в глаза ей
Такую правду... говорить с Луной
Во всем огромном городе умеют
Поэт и Вор. Не правда ли, друзья?

Кое-кто в зале аплодирует и подтверждает, что это правда, но занавес уже раздвинулся.

Картина пятая

Магазин часов и оптических инструментов. Только что начало светать. Черт сидит за конторкой в синих очках. Увидев входящего Поэта, он неистово бросается к нему навстречу.

Черт

Тсс! Ради бога, не шумите! Ночь
Кончается с великим торжеством
Для нас обоих.

Поэт

Вы хозяин?

Черт

Верно!
Хозяин полный и бесспорный.

Поэт

Это
Большая дерзость с вашей стороны
По отношенью к ангелам и Анни.

Я разнесу ваш магазин. Я знаю, —
Оптический обман и бой часов
Здесь заменяют время и пространство.
Сидит в квадратной скорлупе и чертит,
Построил хитрую игрушку с боем
И думает, что время запер в ящик!

Черт

А ты бездарность на ходулях, нищий!
Зевака ты на городском мосту!
Ты прозевал не только Анни Эль.
Ты прозевал в небесном окруженье
Начало всех начал. Ты опозорен
Со всех сторон, несчастный эпигон!

Поэт

А ты откуда знаешь?

Черт

Знаю все!
Инкогнито, безумный часовщик,
Я запираю лавочку свою.
Довольно, хватит фокусничать с вами.
Есть у меня заботы поважней,
Чем Анни Эль! Болван, что ты смеешься?
Мы спорим не об Анни Эль. Мы спорим
В последний раз...

Поэт

Ах, вот что!

Черт

Значит, понял?
Да! Я тюремщик Анни Эль. Она
Жила три века с четвертью назад.
Шекспир, которого она играла,
Лежит в гробу. Скажу я по секрету,
Что был Шекспир безграмотный актер
И хитрый математик Френсис Бекон
Писал ему трагедии плохие
Для собственной забавы. И для Анни
Нет никакого смысла просыпаться
В такое некрасивое столетье.
И для чего? Чтоб встретиться с тобой?

Поэт

Ложь! Этого не может быть. Вчера
Я видел Анни Эль.

Черт

Вот удивил!
Я сам видал, а вам не покажу.
И вы уйдете с носом. С длинным носом!
А время будет вновь идти... идти,
Куда угодно мне. Вперед — назад,
Вперед — назад, вперед — назад, — и стоп!
Что, остроумно? Вы забыли, как
Пройти на улицу? Вот дверь!

Поэт
(кричит)

На помощь!

Вор
(из публики)

Сейчас приду. Минуту продержись!

Черт

Звони, хрипи, разбейся, время!
Ты мнимая величина.
В моем гареме — в теореме
Вся Анни Эль заключена.

Поэт

Не смеешь, время, ты разбиться.
Ты у меня в руках навек.
А ты мерзавец. Ты убийца.
Наверно, ты не человек!

В подтверждение этой мысли у Черта понемногу отрастают рога и длинный хвост. Поэт поднял стул и приближается к Черту, тот ощерился и шипит. В это время в магазин входит Директор, и картина немедленно приобретает вполне приличный и реальный характер. Директор подходит к Черту и вручает ему пакет.

Директор
(таинственно)

Я взвесил все. Душа мне не нужна.
Примите под расписку.

Черт

Хорошо!
Немного подождите. Будьте рядом.
Вы вовремя. Мы арестуем Анни.

Вор из публики добрался до Поэта.

Поэт

Что делать дальше?

Вор

Видишь — это Черт!
(Подходит к Черту и кладет ему руку на плечо.)
Надул меня?

Черт
(хрипя и бессильно извиваясь)

Здесь... Вам... Дороги... Нет...

Вор
(членораздельно и в упор)

Здесь. Не требуется. Лишних слов. Убирайся!

Черт

Время летит. Скорость его
Мне неизвестна теперь.
Вот магазин. В нем нет ничего.
Дураки, вы стучите в открытую дверь.

В магазине оглушительный трезвон. То, что было Чертом, постепенно исчезает в руках у Вора. Когда он приходит в себя, обнаруживается, что он сидит верхом на Директоре. Оба встают и раскланиваются, пристально глядя друг на друга.

Вор

А, верно, мы с вами встречались в эту ночь, — помните дождь из цилиндра?

Директор

Да, да, туго припоминаю что-то в этом роде. Извините, меня оглушила эта отвратительная музыка.

Вор

Мы все немного оглушены.

Директор

Что это было?

Вор

Обман пяти внешних чувств, — иначе не скажешь.

Директор

Но куда же девался почтенный старичок?

Вор

Он тоже обман пяти внешних чувств, так я полагаю.

Все трое садятся в изнеможенье на стулья. Директор угощает сигарами Поэта и Вора.

Поэт

Теперь я уверен, что Анни Эль совсем недалеко, где-то здесь.

У Директора вспыхивает сигара, и он обжигает себе нос. А в окнах полный день. Из внутренней двери выходит очень молодой человек, весьма скромного вида. Если бы не темные очки, мы узнали бы в нем Ангела из Пролога. Поэт узнает первый и страшно пугается. Он готов незаметно смыться.

Ангел

Куда же вы? Только я вошел, и вы хотите уйти? Разве я так вам неприятен?

Поэт

Извините, ради бога. Мне сказали, что тут живет Анни Эль. Очевидно, произошла какая-то путаница.

Ангел

Никакой путаницы. Я Ари Эль, ее брат. Сестра поздно вернулась, гораздо позже полуночи, и мне не хотелось будить ее. Впрочем, она, наверно, скоро явится сама.

Ангел спокойно садится на свое место, за той же конторкой, где только что работал Черт, и погружается в работу. Трое гостей чувствуют себя неловко и говорят шепотом.

Директор

Скажите, это та самая Анни Эль?

Вор

Та самая, Директор, вы ее отлично знаете.

Директор

Теперь-то я отлично знаю — все вы из одной банды!

Вор

Это что за разговор?

Директор

Я еще покажу вам! Погодите, голубчики!

Оттуда же, откуда вышел брат, выходит Анни Эль. Все вытягиваются в струнку. Ангел встает во весь рост и сконфуженно улыбается.

Анни

У тебя по утрам всегда такой трезвон, Ариэль? Я опять уйду куда-нибудь.

Ангел

Милая, не беспокойся. Все уладится завтра же утром. Ты очень хорошо и спокойно будешь жить у меня, — вот увидишь.

Анни

Смотри же, а то обязательно уйду. Как будто нельзя ночевать под мостом, если сгорел твой чулан за сценой.

Вор

Ночевать под мостом — превосходная штука, Анни Эль. Надеюсь, вы не забыли нашей короткой встречи на мосту?

Директор

Я говорил, что все это одна банда?

Анни

Вот так так! Все знакомые лица!

Директор

Анни, ты чудовище неблагодарности. За рекламу твоего таланта, который не стоит ломаного гроша, и твоего

имени, которое еще дешевле, ты заплатила мне вчера, как и следовало ожидать от такой легкомысленной трещотки. Вечером забыла потушить свечу, и наш театр сгорел, как солома.

Анни

Кто вам наговорил такие сказки про меня, Директор? По-вашему, я сожгла театр? Да вы с ума сошли! Да зачем это мне нужно жечь театр? Лучше бы я сыграла вечером Джульетту.

Поэт

Вы ее сегодня сыграете, Анни Эль, клянусь вам жизнью!

Анни

А это что за чучело?

Поэт неуклюже кланяется ей, она приседает и смеется.

Вор

Это мой лучший друг, Анни Эль.

Поэт

Анни Эль! Вы, конечно, не знаете меня. До сих пор я смертельно боялся попасться вам на глаза, но я был незримым оком вашего сказочного пути. Я бывал в театре всегда, когда вы играли. Часто я посылал вам рифмованные записки, но вы бросали их в корзину, не читая, мне все известно. Я был нищей тенью на великом мосту жизни, я был мокрым асфальтом ночного тротуара, по которому вы уходили в туман, — может быть, и другим кем-то был, это неважно. Но я послан к вам мировым восторгом и хочу первым поздравить вас с Новым годом!

Анни

С Новым годом, гражданин Длинный Язык!

Вор

(хохочет)

Ловко сказано, — тебе не отвертеться от этого прозвища!

Поэт

Молчи, дорогой друг, еще не все сказано. Анни Эль, если говорить просто и без затей, то я вас искал всю эту ночь.

Анни

Значит, плохо искали, гражданин Не Знаю Как Зовут.

Поэт

Я искал, как умел. И сознаюсь, чуть было не поставил вверх дном всю вселенную. Во всяком случае, хлопот коекому доставил немало. Ваш брат может это подтвердить.

Анни

Это правда, Ариэль?

Ангел

Некоторая доля правды тут есть.

Ангел смотрит в лицо Поэта и смущенно улыбается. Поэт смотрит в лицо Ангелу и тоже смущенно улыбается. Неловкая пауза.

Анни

Мой брат всегда был рассеянным. Извините его!

Ангел тихо подходит к часам и заводит их одни за другими.

Ангел

Доля правды, повторяю, тут найдется, но время все же у меня в руках, и оно идет как полагается, Анни.

Вор

Обернитесь! У вас отнимают другое.

Ангел оборачивается и видит, что Поэт целует Анни.

Ангел

Значит, ты все-таки уходишь от меня, Анни?

Анни

Посуди сам, милый! Не могу я допустить, чтобы вселенная висела вверх ногами и чтобы времени больше не было. Лучше уж я буду залогом, что эти граждане не украдут у тебя времени.

Ангел

Анни, Анни, а на что мне время, если ты уйдешь?

Поэт

(тихо Вору)

У меня ни гроша. А у тебя?

Вор

(тоже тихо)

Золото Директора в кармане. Все чисто сделано.

Поэт

В последний раз — ради нашей дружбы — ступай за шампанским!

Вор уходит.

Гражданин Ариэль! Ваша сестра рассудила правильно. Дело в том, что я невольно внес путаницу в ваш благоустроенный распорядок. Поверьте, путаница, которая была во мне, куда хуже, и она тоже нуждается в исправлении, честное слово. Ваша сестра согласилась уделить этому благодеянию часть своей души. Все остальное — дело времени, которое остается у вас в руках. Правда же!

Ангел тихо потупил голову.

Гражданин Директор, ваше дело, насколько мне известно, в шляпе, только в шляпе, но этого достаточно с вас. Так что никаких претензий к Анни Эль у вас не может быть.

Директор отворачивается и всхлипывает.

Гражданка Анни Эль, миллиарды карет проносятся по великим мостам приключений в неизвестность будущего. Предлагаю вам разделить со мною путь в одной из этих карет.

Вор возвращается с шампанским, следом за ним скрипач и флейтист.

Анни Эль!

Анни

Что вам угодно?

Поэт

Я жду вашего ответа.

Анни

Оказывается, это гораздо труднее, чем играть на сцене. Вот вам моя рука.

Вор дает знак музыкантам, и те начинают играть все, что само собою разумеется в таких случаях.

Вор

Да здравствует путаница Нового года! Да здравствует и богатеет Директор! Да здравствует пожар в театре!

Все пятеро пьют и разбивают свои стаканы.

Директор

Анни, если я еще не уеду отсюда, ты пригласишь меня на свадьбу?

Анни

Неужели вы до тех пор не уедете?

Директор
(обиженно)

Обязательно уеду за день до твоего венчанья.

Анни

А куда едем мы, — можно спросить?

Поэт

Анни, мы едем в театр, который еще не сгорел и не может сгореть, потому что он еще не существует. Но его оркестром управляет Новый год, великолепный музыкант, а главную роль, как всегда, играет Анни Эль.

Анни

Надо составить контракт.

Поэт

Это сколько угодно. Позвольте только в рифмах.

Анни

Ну вот и началась моя семейная жизнь! С чем вы меня срифмуете?

(Подходит к брату.)

До свиданья, Ариэль. Не грусти. Все будет прекрасно,

Ангел

Милая, как могу я не грустить, разве ты не понимаешь!

Анни

Ты будешь приходить к нам в гости.

Ангел

Слушать его рифмованную чепуху или, скажешь еще, баюкать своих племянников? Нет, милая, никогда не приду.

Анни

Тогда я к тебе приду.

Ангел

Так я тебе и поверил!

Уходящие прощаются более или менее сердечно с Ангелом и Директором, и вот они остаются вдвоем.

Директор

Примите меня, Ариэль, в ваше дело.

Ангел

У меня больше нет моего дела. Она все-таки унесла его с собою.

Директор

Что вы! Часы идут своим чередом, а у вас тут есть и неплохие часики, очень старинные.

Ангел

Это обман слуха и зрения. Из часов улетела душа. Одну только ночь проночевала она тут, и я торжествовал свою победу над всеми вами. Она ушла, и все кончилось.

Директор

Извините, еще один вопрос, — может быть, он и неуместен.

Ангел

Пожалуйста!

Директор

Когда я вошел сюда, эти наглецы спорили о чем-то с неким почтенным старичком, — видимо, с вашим заместителем... Куда он исчез?

Ангел

Ах, вы вспомнили про Черта!

Директор

Что вы! Что вы! Не может быть, чтобы...

Ангел

Эй, Черт! Пора просыпаться! А вот и он!

Из-под конторки вылезает весьма престарелый пудель с красными слезящимися глазами и кладет голову на колени Ангелу. Тот его нежно гладит.

Ангел

Вы совершенно правы. Это мой заместитель. А на этот раз он оказал мне серьезную услугу. Ведь именно он привел сегодня ночью Анни.

Директор

Не может быть...

Ангел

Смею вас уверить, он! Конечно, бедняга очень стар и далеко не так ловок и смел, как когда-то. Я держу его из уважения к прошлым заслугам.

Пудель жалобно скулит. Директор пытается его погладить, но пудель рычит и скрывается под конторку.

Директор

Какой капризный песик!

Ангел

Однако, дорогой Директор, нам пора прощаться. Если вам это подходит, останьтесь хозяином в магазине. Я вам полностью доверяю.

Директор

Ариэль, вы удивительно великодушны, вы угадали мое тайное желание, не знаю, как благодарить вас.

Часы начинают звонить одни за другими, как полагается в часовом магазине.

Ангел

Не стоит благодарности. Будьте здоровы, уважаемый!

Улетает в окно. Пудель сигает туда же.

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

В повозке так-то по пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно...

Грибоедов

МОЙ СЫН

Нет. Ничего не решено.
Все будет. Все голо и просто.
Дыша вечерней тишиной,
Глядит в окно худой подросток.

Он слышит гул подземных руд,
Бетховенской сонаты клекот.
Он знает муравьиный труд.
И все, что близко иль далеко,

Вплоть до любого рубежа, —
Все перед ним сейчас маячит.
В уме вселенную держа,
Он вновь ее переиначит.

Он должен высекать кремни,
Свистеть в тростник и в пепле рыться.
В нем спит кузнец, художник, рыцарь.
О молодость! Повремени!

Никем себя не называя,
Несись извилистым ручьем,
Простоволосая, живая,
Не помнящая ни о чем.

Пробейся в узловатых сучьях
Вверх, как подсказывает рост,
Где в листьях, хлорофилл сосущих,
Косит зрачком занятный дрозд.

И в прущей зелени, в свирепых
Побегах завтрашнего дня
Да будет ствол расшатан в скрепах,
Весь до тугих корней звеня.

Настанет час, когда ты будешь
С чужою женщиной вдвоем.
Ты, может быть, не позабудешь
Меня на празднике своем.

Забудь!
Я ничего не значил.
Я — перечеркнутый чертеж,
Который ты переиначил,
Письмо, что ты не перечтешь.

СУМЕРКИ ТРАГЕДИИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Над воплями скрипок, над лампами люстр,
Над бурей кресчендо, огнем маестозо.
Еще незаметная доза
В тревоге ста тысячи уст, —
В кольчуге калечащих молний,
От собственной силы клонясь,
На сцену Трагедия вышла, наполнив
Преданьями путь от себя и до нас.

Простая, как рост, молодая навеки,
Еще она смеет валять дурака.
Но бьет ей в смеженные веки
Прожектор! Но издалека
Пахнуло паленым, дохнуло полетом
В ненастное небо на птице стальной, —
И вот она стала иной
И грозную песню поет нам!

И вихорь в листве жестяной
Шумит о нигде не бывавшей вселенной,
Где за обладанье Еленой,
Под красной стеной крепостной,
Такие же в глине рыжели траншеи,
Треща, катапульты, как танки, ползли,
И слабых коней лебединые шеи
Клонились до самой земли.

То было кровавое утро,
Начало истории всей.
Еще не вгляделись в грядущее мудро
Ни жрица Кассандра, ни царь Одиссей.

Тогда, по решенью инстанции высшей,
Отчаяньем обременен,
В тяжелой кольчуге грядущих времен
Поэт на просцениум вышел!

Он молод, и нищ, и умен,
И что-то о женщине мямлит.
А кто он, Орест или Гамлет, —
И сам позабыл в океане времен.
Ликует галерка, партер негодует.
Поэт, представленье губя,
Забыл про Трагедию и про себя,
Орет, отсебятину дует!

ГОВОРИТ ПРЕДАНЬЕ

Помнишь наши обломки в Пергаме,
Наши тяжкие торсы в поту?
Видишь старый вощеный пергамент,
Записавший историю ту?

Помнишь поступь Эсхилова хора,
Грохотанье грозы молодой?
Ну так что же, что стали мы скоро
Вихрем, пылью, огнем и водой?

За руном золотым, за Еленой
Мы неслись на тугих парусах.
Мы прошли по короткой вселенной,
Черепа и мечи разбросав.

Помнишь все? Ничего не забудешь?
Ну так слушай еще и еще!
Ты ведь жажды чужой не осудишь,
Если жил на земле горячо.

Даже тут, даже в черном Аиде,
Даже черную землю грызя,
Мы проснемся, любя, ненавидя, —
Ваши спутники, ваши друзья.

Мы послужим и вам — обнаружим
Прочно сбитую силу свою.
Мы не ржавым вернемся оружьем
Не сдадим и в последнем бою!

Мы не призраки. Мы не из сказок,
Не труха за музейным стеклом.
Мы — вся толща седого Кавказа,
Мы столетья берем напролом.

Рвем мы воздух в сигнальных фанфарах,
Режем волны винтами турбин,
Рубим ночь в ослепительных фарах —
Мы, работники гор и глубин!

ПАМЯТИ ЭСХИЛА

Представленье кончено. Пора!
Вещи выглядят черней и горше.
Дым. Свеча. Картонная гора.
С Прометеем остается коршун.
Звонок стук людского топора.
Поднят парус. Заработал поршень.

Горе! Сколько муки в черепах,
Втоптанных во все распутья мира!
Сколько тщетной силы исчерпав,
Время, древний кормчий и кормило,
Обгоняло бедных черепах
И Ахиллов баснями кормило!

Вот вам громовержца торжество!
Нет на стогнах памятного гама.
Форумы и рынки спят мертво.
Но, как хроматическая гамма,
Длится гул крушенья моего,
Чтоб восстать раскопками Пергама.

Пращуры пещерные, теснясь
У ворот Памира и Кавказа,
Вздумали взобраться на Парнас,
За живых цеплялись как проказа,
Выли: «Глубже зарывайте нас,
Прочь от змиеного рассказа!»

Кончен бой! Но только глянешь вниз,
В мир потомков наших окаянных, —
Море Средиземное, склонись
Перед битвами на океанах!
Кончен пир! Но только глянешь вверх,
В ликованье звездного спектакля, —

Это наш расхищен фейерверк,
Наша выдумка и наша пакля!

В беглой вспышке вольтовой дуги,
В духоте плавилен, в спертых гулах
Пламени у кузнецов сутулых —
Вижу я, что с небом вы враги:
Ненависть, закушенная в скулах,
Та же!

Стой, картонная скала!
Чучело, выклевывай мне сердце!
Сколько бы веков ты ни спала,
Будет харч для твоего стола,
Жадная служанка громовержца!

Коршун смотрит в оси пустоты,
Думает, что это я, и злится...
Вот мы квиты, Коршун, — я и ты:
У обоих каменные лица.

СУМЕРКИ ТРАГЕДИИ

Владимиру Луговскому

На север, в страну полуночи сплошной,
Несутся два летчика. Тщетная гонка.
Вокруг тишина, и за той тишиной
Два пульса, два сильных мотора, два гонга.

Знакомы их лица мне? Кажется — да!
Конечно, с тех пор, как дышал я и рос,
Вот так зеленела над нами звезда
И нежно звенел межпланетный мороз.

Один — это я. Но моложе. А тот
Едва серебрится в сиянье пустот.
И он говорит мне: Дай руку. Пора! —
...Ни юрты, ни паруса, ни топора,

Ни чума, ни дыма, ни вереска... Тут
Я должен решительно оговориться:
Еще полминуты, обоих сметут
Метели, веселые наши сестрицы.

Так слушай последнюю песню мою.
Она не кончается смертью. Она
Почти бесполезна. Но я допою.
Допью, что успею, до самого дна.

О гибели нашей ты знаешь иль нет?
Когда это было и кто мы, — не помню.
Я даже забыл, на какой из планет
Родиться легко и погибнуть легко мне.

Дай руку. Пора. Наконец-то пора!
Ни дыма. Ни паруса. Ни топора.
Ни женщины нежной. Ни жалости влажной.
Эпоха — любая. А кто мы — не важно.

Два факела где-то, за тысячу верст
От крайнего пункта людских поселений.
Наш хлеб окончательно черен и черств.
Замерзшее поле спиною тюленьей
Блеснуло и матово лоснится...
(Тут
Рассказ прерывается.)... Если о нас
Уже никогда на земле не прочтут...
(Опять прерывается.)... Смертью клянясь,
Я верю поруке и дружбе мужской,
Я верю, что спутник и сам я такой.
Я верю, что жизнь не кончается здесь.
(Большой перерыв.)... Мириады чудес!..

Спалило нам лица и руки свело.
Ни света. Ни воздуха. Ни высоты.
Светает. Светает. Совсем рассвело.
Я только и знаю, что гибну. А ты?

На север, на север. Вперед!
Нас за сердце доблесть людская берет.
Проносится наше столетие мимо
Седых облаков, ледниковых пород.
Проносится в медленной, неутомимой
Чеканке смертей человеческих...

КОММУНА 1871 ГОДА

Поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

Ни архивов, ни крох со стола
«Исторического отношенья».
Что погибло, истлеет дотла.
Но не пепел нам будет мишенью,
Не событья рассказ понесут.
Не затем он тревожен и горек.
Если хочешь ты *правды,* историк,
Будь пристрастен, как должен быть суд.

И за мною!
По дагерротипам,
Датам ранних смертей, городам,
По газетным столбцам и по кипам
Клеветы, по горячим следам
Лжесвидетелей в мертвой Гоморре,
Уцелевших под серным дождем, —
Как выходят в открытое море,
Мы в открытое время войдем.
Время окон, распахнутых настежь,
Время рук, голосующих «за»,
Глоток сорванных, бурных ненастий,
Во всю ночь не сомкнувших глаза.
Сколько к черту размытых рогаток,
Сколько к матери сбитых божеств,
Сколько ласковых, толстых, богатых,
Потерявших осанку и жест!

Сколько очередей у пекарен,
Мглистых сумерек, газовых ламп!
Город скован осадой, ошпарен
Перемирьем, разбит пополам.

Нахлобучь свою шляпу и молча
Стань у входа, подняв воротник.
Тут узнаешь скорей, чем из книг,
Чье лицо человечье, чье волчье.
Рвань афиш, облепившая столб.
Блузник с клейстером, тряпкой и кистью,
Обладатель насущных для толп
Свеженабранных завтрашних истин.
Баррикада. Булыжник. Жара.
Порох. Пыль. По началу такому
Сразу вся узнается игра.
Все — как в дымке. И все так знакомо.
Дальше. Дальше.
Вот винным пятном
Кровь неясная, как суеверье.
Желтый кузов кареты вверх дном
На каком-то песчаном бруствере.

Этот город похож на Париж.
Чем? Каштанами? Пеплом жаровен?
Женской прелестью, аспидом крыш?
Смесью винного сока и крови?

Он похож и на наше вчера.
И когда, шароварами рдея,
Вспоминает мотив «Ça ira»
Рослый национальный гвардеец, —
Чем он старше любого из вас,
Современники бури московской?
Так, на собственный голос дивясь,
На эстраде кричал Маяковский.

Но смотри!
Этот старый Париж,
Как семнадцатилетний вития,
На рассвете растрепан и рыж.
Его сны — как пружины витые
От метафор.
Он мир накренил
Как чернильницу.
Это неплохо.

По строкам непросохших чернил,
Как из зарослей чертополоха,
Как из дыма печей и горнил,
Сразу вся узнается эпоха.

Это их девятнадцатый век.
Он разобран для нас на цитаты.
И оттуда глядится в двадцатый
Чернотою обугленных век.

Узнаешь это время, товарищ,
В полыхании майской грозы.
Эти рвы, эти бреши пожарищ,
Эти факелы — наши азы.

И когда на Монмартрских высотах
Мановеньем руки Галифе
Переметят десятых и сотых,
Чтобы вычеркнуть в смертной графе;
И когда над лафетами пушек,
Над безмозглой божбой канонад,
Над тоской протоколов, распухших
От доносов, над тюрьмами, над
Буржуазками в наглых турнюрах,
Чьи сердца освежит ситронад,
Над кагалом жандармов понурых,
Бьющих в спину прикладами, над
Шепотами версальских агентов
Встанет солнце, чтобы сжечь их дотла, —

С той минуты создастся легенда,
А земля похоронит тела.

ПЕСНЯ

Еще есть множество Бастилий,
Еще есть множество гнилья.
Долой владычество пуля!
Мы мало покутили.
Лон-ля.

Друзья! Сыграем в кегли или
В орлянку, старый мир деля.
Катись ко всем чертям, земля!
Мы мало покутили.
Лон-ля.

Друзья мои! У этой старой песни
Есть вариант, куплетов семь иль восемь.
Они покажутся вам интересней,
Смешней и злободневней.
— Просим, просим.

В Версале сыром угостили
Крыс, удиравших с корабля.
Тьер плакал, всех святых моля.
Зачем мы их пустили?
Лон-ля.

Обыскивайте их подробно,
Обшарьте складки их портьер,
Перины жен, чулки гетер.
Где писк раздастся злобный, —
там Тьер.

Мы и бород не отрастили
С тех пор, как начали играть.
А против нас послали рать.
Зачем мы их пустили?
На . . . ть?

Но Бисмарк шевельнет усами,
И Мольтке сложит чемодан.
Мы, — раз Париж еще не сдан, —
Устроим Тьеру сами
Седан.

Фельетонисты загрустили,
Кричат, что Франция в аду,
Шипят, как злые какаду,
И льют помои в стиле
Сарду.

Товарищи! Вам вывод ясен.
Гори, пожар, пока горишь,
Твой дым багров, твой факел рыж.
Сжечь эту дрянь согласен
Париж.

Товарищи! Не позже мая
Забьет нам глотку их свинец.
Нас никакой не ждет венец.
Мы кончим, понимая:
конец.

БАНК

Кабинет директора французского банка.

Беле

Вы гражданин де Плек?

Де Плек

Нет. Я маркиз де Плек.
Прошу вас, сударь, сесть. Чему обязан? Чек?

Беле

Нет. Это мой мандат. Я делегат Коммуны.

Де Плек

Вы? Всеблагой творец! Вы далеко не юны.
И вашим railto сединам иная роль пошла б.
Вы с инсургентами, с мальчишками, чей штаб
Ниспровергает все, плюет на все святыни?..
Вы — там? O tempora!

Беле

Я не люблю латыни.
Должны вы выслушать, чем вызван мой приход.

Де Плек

Зачем? Я не дитя. И вы не Дон-Кихот.
Служите дьяволу, любому шарлатану,
Хоть Мольтке самому, — я слушать вас не стану.

Не потому, что я директор банка... Нет,
Но если б это был мой частный кабинет,
Я б не дал вам ступить и шагу от порога
И вышвырнул бы вас. Такой я недотрога.
Вам мало этого? Прибавлю: вы подлец,
Изменник нации. Довольно наконец?
Хотите драться? Что ж! Назначьте час и место.
Теперь ступайте вон. Я не боюсь ареста.

Беле

Прошу вас помолчать и сбавить тон и спесь.
Прошу не забывать, что вы на службе здесь,
Что вы обязаны принять меня.

Де Плек

Обязан?

Беле

И что истерика хоть и большой соблазн,
Но слабый аргумент.

Де Плек

Брокар, Ляваш, Крюшон!..

Сбегаются чиновники.

На помощь! Я убит, раздавлен, сокрушен.
Вот этот бородач, апостол этот жалкий,
Прикрикнул на меня и дважды стукнул палкой.

Чиновники
(*почти хором*)

Маркиз! Прискорбный факт! Увы. Увы. Увы.

Беле

Эй, вы! Потише там! Не забывайтесь, вы!
Я требую к себе вниманья. Никому не
Удастся рот зажать Парижу и Коммуне.
Мне не о чем просить. Я не проситель. Вот,
Еще раз, мой мандат. Здесь ни один отвод
Не в силах снять меня. Довольно тратить время.
Вам все доказано — внизу,— как в теореме.
Там ждет меня мой взвод. Извольте мне открыть
Муниципальный счет Парижа.

Крюшон

Вот так прыть!

Беле

Да. Повторяю вновь. Счет города Парижа.

Де Плек

Вы пьяны?

Беле

Вы дурак.

Крюшон

Давайте все же ближе
Держаться существа. Вы нам страшней чумы.
Принципиально вам не доверяем мы.
Заранее на все вам возразить готовы.
Нам не существенно, откуда вы и кто вы.
Но если этот спор дойдет до кулаков,
Мы сбросим сюртуки — и в бой. Итог таков:
Не запугаете. Террор не длится вечно.
Вы преждевременно и несколько беспечно
Наивно несколько надеялись на банк.
Вложили вы сюда когда-нибудь хоть франк,—
Вы лично или те, кто вас почтил избраньем?

Беле

Прощайте! Через час мы в этот зал нагрянем
С формальным обыском, с оружьем.

Де Плек

Жадно ждем.

Ляваш

Ах, гражданин Беле, теперь я убежден,
Что хоть и седы вы, но юноша-романтик.
Угрозой обыска голов нам не туманьте!
И мы не девочки. Нас не свела с ума
Вся артиллерия Монмартрского холма.
Нагряньте, ройте все. Удел лояльных граждан
Не вмешиваться в бой, молчать и мира жаждать.
Нам дорог наш и ваш Национальный банк
И наш и ваш покой. Зачем идти ва-банк?

Беле

Вы кончили?

Ляваш

Вполне.

Беле

У входа я оставил
Своих товарищей..

Де Плек

Вы, как апостол Павел,
Свой сторожите рай?

Беле

Я сторожу ваш ад.

Де Плек

О да — стеной штыков и цепью баррикад!

Беле

Я должен их ввести.

Брокар

Повременим, быть может?
Вооруженный строй напрасно нас встревожит,
И разбегутся все. Я первый наотрез
От службы откажусь. Наш общий интерес
Диктует все-таки уступчивость и даже
Миролюбивый тон. Друг, бойтесь саботажа!

Беле

Я начал дружески.

Брокар

А мы кончаем. Вот
Что предлагаю я. Послать обратно взвод.
А вам усесться здесь, чтоб досконально, зорко,
Без прений, без вражды, хоть за моей конторкой
У этого окна, наш метод изучать
И, что вам следует, частями получать.
Не осаждайте нас, как вражескую крепость,
Ужели не смешно? Ужели не нелепость?..

Крюшон

Брокар божественно логичен. Я бы мог
Прибавить: наш бюджет так сильно занемог,
Что в кассах банковских — увы! — сплошные бреши.

Брокар

Заметьте, наконец: план столько же безгрешен,
Сколь смел и мужествен,— взять на себя всю честь,
Весь риск, все тягости, забиться тут, засесть,
Уйти в конторский труд от роли популярной,
От сферы боевой и, так сказать,— полярной
По отношенью к вам. Для вас, для старика,
Решимость в мудрости.

Беле

Вот вам моя рука!

Брокар

Ступайте же к своим и возвращайтесь быстро.
Мы ждем вас, как Христа, как своего министра,
Как власть в безвластии. Скорей. Скорей. Скорей.

Беле выходит.

Де Плек

Крюшон и вы, Ляваш, постойте у дверей.
А я немедленно составлю донесенье
В Версаль.

(*Брокару.*)

Вы гений наш! Вам орден за спасенье.

Брокар

Сочтемся!

Де Плек

Но скорей. Сейчас болван придет.

Брокар

Где будет он сидеть?

Де Плек

Скорей. Версаль не ждет.

Ляваш

Там денег требуют.

Де Плек

Послать им всю наличность.
А дальше — хоть потоп. Лишь бы не эта личность,
Не этот бородач хозяйничал у нас.
Послать им все, что есть. Все вытрясти из касс —
Бумаги, ценности в валюте и в каратах,
Все наше золото. Но я о демократах
Был мненья худшего: хотя и дикобраз,
Но тихий старичок, без якобинских фраз.
(*Подходит к окну.*)
А вот их армия! Вот голытьба, с которой
Велят считаться нам. Но скоро, очень скоро
Мы с ними справимся... Ага! Уже внизу
Стучат прикладами. Уф, отвели грозу!

Входит Беле.

Брокар

Ну-с, как дела, мой друг?

Беле

Немедленно приступим
К ревизии всех книг!

Брокар

Мы вашу дружбу купим
И рвеньем дьявольским, и хваткой деловой.
Немедленно уйдем в работу с головой.
Как новая метла сметает паутину
И пыль между шкафов, так мы сметем рутину,
В чьих задыхаемся тенетах искони.
Послушайте, Ляваш, где книги?

Ляваш

Ни-ни-ни.
Пробило пять часов,— я опоздал к обеду.

Брокар

Крюшон, а вы куда?

Крюшон

Как вам известно, еду
По поручению маркиза. Вот приказ.

Брокар
(*останавливает одного из чиновников*)

Голубчик, где ключи и где реестры касс?

Чиновник

Я, сударь, не курьер и не консьерж тем боле.

Беле

Все улетучились. Вот фортель Рокамболя.
Ни кассы, ни людей, ни книг, ни денег нет.
А этот деловой, но въедливый брюнет —
Кого дурачит он?
(*Брокару.*)
Ну что же ваше рвенье?

Брокар

Неподходящее мы выбрали мгновенье.
Придется отложить до завтрашнего дня
Ревизию всех книг.

Беле

Но это западня!
Меня вы провели!

Брокар

Я — вас? Ты слышишь, боже?
Я, распинавшийся, я, лезший вон из кожи,
Я, все распутавший, вдруг виноват во всем!

Беле

Да, но погибло все!

Брокар

Отлично все спасем.
Я повторяю вновь: не торопясь, без шума,
Без лишних выпадов, — глядь, небольшая сумма
Перепадет у нас и для текущих нужд
Французской нации. Я доблести не чужд.
Мой прадед монтаньяр, член секции, мужчина
Весьма воинственный, не выслуживший чина

В анналах родины... Никто не назовет
Брокаров славными... Но дух его живет
И в теле правнука, хоть он чиновник мелкий.
Я предлагаю вам не погнушаться сделкой.
Итак,— чтоб досказать все до конца,— внимай
Мне, старина Беле! Еще баланс на май
У нас не разнесен по книгам. Это значит,
Что есть солидный куш вне кассы. Он не начат.
Он вне отчетности и, стало быть,— ничей.
Есть у тебя башка? Довольно двух ночей,
Чтоб деньги вынести, и — поминай как звали!
Подальше от стрельбы, очередей, развалин —
В Монако, в Бельгию...

Беле

Так. А еще куда?
Куда еще, урод? В какие города?
Какими планами еще блеснешь, изменник?
Каких еще ничьих дашь заграбастать денег?
Ты прикусил язык. Дар речи потерял.
Какая мразь, какой трухлявый матерьял
Пошел на выделку твоей породы страшной?
И кто ты — завтрашний, сегодняшний, вчерашний
Наш враг и спутник наш? Ответь мне, кто ты, в чем
Твоя заманчивость? Вот ты разоблачен,
Но снова улизнешь, избегнешь всякой кары —
Ты, господин Брокар,— вы, господа Брокары.
Расстреливать тебя, заложником держать,
Выпытывать ключи секретных шифров? Сжать
Кольцом почтительно негласного надзора?
Кого? Тебя? Шута, пародию, фразера,
Столь невесомого, что только дунь — и нет!..
Ручался за тебя весь этот кабинет,
Всех кресел кожаных скрипучее величье,
Вся ваша вежливость... И вдруг такое птичье,
Нечеловечески безмозглое дрянцо.
Есть имя у тебя, есть платье, есть лицо
С прилизанным вихром, с мешками под глазами,
С морщинками на лбу... Ты поражен? Ты замер?
На улицах стрельба. А впереди ни зги.
Ты ищешь выхода? Но выход есть. Беги!
Ступай раззванивай версальцам, что в Париже
Мильоны блузников безграмотны и рыжи,

Что в сердце Тюильри свирепствует чума,
Что завтра подожгут их банки и дома.
Лги, как захочется. Доделывай, что начал.
Беги, ничтожество!

Брокар делает неуверенное движение к выходу.

Но торопись! Иначе...

Брокар скрывается. Беле закрывает лицо руками.

ВАНДОМСКАЯ КОЛОННА

Ты рухнешь со всех пьедесталов, казенная бронза!
Орел-гренадер, ты зароешься клювом в помет!
Мы выкинем, смоем, сорвем ее рано иль поздно —
Трехцветную тряпку тупиц.
И ребенок поймет,

Что этой поваленной куклой кончается эра.
История наземь швыряет захлопнутый том,
Здесь тот Бонапарт-кондотьер превращается в Тьера.
А Тьер — в мародера и в худшую сволочь потом.

Но эти обломки металла вот в этих минутах
Окажутся семенем будущего мятежа.
И сколько бы спин ни осталось на свете согнутых,
Они выпрямляются, слушая нас и дрожа.

Они выпрямляются, может быть, не понимая,
Что, бронзу ломая, мы пушки для них сохраним.
Что здесь, на развалинах славы, двадцатого мая
Мы двинулись. И через вас обращаемся к ним.

Мы первые в мире. За нами, за нами, за нами,
По нашим расстрелянным, брошенным в черные рвы
Горячим телам, пронесете вы рваное знамя.
О, кто бы вы ни были, нас не забудете вы!

Но мы обращаемся к тем, кто когда-нибудь завтра
У самого края земли, в государстве любом
Увидит сверженье колонны на сцене театра
И эту вот пыль, что подымется дымным столбом.

И всю эту круглую площадь, когда она, дрогнув,
Распорется неумолкающим гулом, когда
Замрут и враскачку пойдут пощаженные стогна...
Мы к вам обращаемся, будущие города!

Товарищи, слушайте! Так начинается штурм,
Потом вихревая воронка, циклон, кутерьма.
Стреляйте по идолам. Бейте по карикатурам
Из плоти, из гипса, из мрамора и из дерьма.

Стреляйте, товарищи, по несгораемым кассам,
По бабьим реликвиям, по богадельням легенд,
По стреляной дичи, по всем ресторанным бекасам,—
Да, жирная дичь — это тот же версальский агент.

Он переодет. Он не узнан и не заподозрен,
Он прячется в грязных борделях, в отхожих местах.
Ищите по запаху,— только ударит вам в поздри.
Ищите по слуху,— пока он у всех на устах.

Обшарьте перины, набитые сплетней, как пухом,
Комоды, распертые трусостью, словно тряпьем,
Закрытые окна, где скучно и дохнущим мухам,
Где снится старухам, что завтра мы их перебьем.

На помощь! На помощь! На помощь! Еще есть
надежда.
Она подымается из напряженных тишин.
Она отражается в лицах. Врезается между
Лафетов, и клочьев афиш, и костров, и фашин...

ГОВОРИТ ГОСПОДИН ТЬЕР

Версаль Тьер и секретарь. Вдали канонада.

Секретарь

Но что это за грохот?

Тьер

Пустяки.
Такие звуки нас не потрясали
Еще в Париже, так зачем в Версале

Смущаться тем, что выстрелы близки?
Мы не мишень, — и слава богу, сударь.
Итак, я продолжаю.
(Берет в руку фарфоровую фигурку.)
Это вещь.
Вещь хрупкая. Вещь нежная.

Секретарь

Отсюда
Звук канонад особенно зловещ.

Тьер

Вещь-уникум. Мечта коллекционеров.
Поверьте мне, в фарфоре я знаток.

Секретарь

Как это близко!

Тьер

Полечите нервы.
Как томно согнут этот локоток!
Как нежно грудь за вырезом корсажа
Круглится, вылепленная легко!
Фигурка стоит ста страниц Лесажа.
А может быть, и всей Манон Леско.
Полет воображенья, ясность мысли
И тысячу других достоинств мне
Дает фарфор. Но почему вы скисли?
Вы, кажется, мечтаете?

Секретарь

Я не...

Тьер

Не слушали?

Секретарь

Весь ваш и весь вниманье.

Тьер

Да, жизнь, конечно, менее ясна,
Чем кажется на сцене иль в романе.
Но в дни, когда во Франции весна

И зелень по трельяжам заоконным
Так оттеняет неба глубину —
Провозгласить анархию законом,
Провозгласить гражданскую войну,
Пойти наперекор правам исконным
Всей нации... Извольте, я взгляну
На ситуацию с их точки зренья,
Которой сволочь эта ждет от нас.
Бой начался. Две силы на арене.
Две Франции. Два мира. Класс на класс.

Очень сильный удар. Звенят стекла.

Дружочек мой! Терпенье и смиренье!
Страдают уши — отдых есть для глаз.
(Подводит собеседника к окну.)
Вот этот бук, — здесь отдыхал Людовик.
Вон ту аллею воспевал Парни.
Версаль запущен. Но в его тени
Мне прошлое поет, журчит, злословит.
А там фонтан, чей легендарный ток
Исполнен томной неги, как наяда, —
Услада слуха, упоенье взгляда.
Поверьте мне — в фонтанах я знаток.
Да, да. Чудак, поэзии не чуждый,
Весь — вкус и мера, как латинский ум...
Заметьте кстати: из казенных сумм
Не брал я су на собственные нужды.
Прошу проверить. В книгах есть итог.
Пусть знают все. Пусть ведает потомство.
На честно нажитом я строю дом свой.
Поверьте мне — в балансах я знаток.
(Разворачивает парижские газеты.)
Идеология весьма простая —
Библейская, с поправкой на Фурье.
И вот унылых эмигрантов стая
Уныло ковыряется в старье —
В гиперболах Конвента, в «Пер Дюшене»,
В том, что с повестки дедами снято.
Так между мной и ими соглашенье?
Мир между мной и ими? Ни за что!
Нет, ни за что! Ха! Я отсюда вижу
Всех, кто сидит в Отель-де-Виль,
насквозь, —

Господ, угодных городу Парижу.
Господ, чье дело с треском сорвалось,
Господ Пиа, Мильера, Делеклюза,
Что ни фигура — сумрачный авгур,
Жрец блузников. И мне искать союза
С какой-нибудь из вот таких фигур?
Какая мелюзга! Они не стоят
И нонпарелью набранных имен.
Расхлебывайте пойло их густое,
Собачью радость, пакостный бульон!
Фу! Это рвотное мы принимаем,
Читая бредни злобных их газет...
И все же, сударь, май остался маем.
И Тьер есть Тьер, а не какой-то дзет.
Могу рыдать над книгой, над фарфором,
Вздохнуть над водевильным тру-ля-ля.
Мой май остался маем. И земля —
Рай, а не ад и не солдатский форум.
(Опять обращает внимание на газету.)
«Коварный Тьер... Кривляка Футрике...
Версальский карлик... Вежливая жаба...
Диктатор деревенщины...» Как слабо!
А я, признаться, их держу в руке.
Да, да! Не удивляйтесь. Агентура
Моя доносит все про каждый час.
Я не казак, не Тамерлан, не турок, —
Имею выдержку: не горячась,
Раз пять примерив и один отрезав —
Хап-хап! — и проглотить любой Париж.
Они пьяны. Я абсолютно трезв.
Они продешевят, а мне барыш.
Они ярятся, в крайности ударясь.
А у меня бьет зорю барабан.
Они — ребята. Я — хоть и не старец,
Но опытен. Я стреляный кабан.
Вино откупорено и начато.
Поднявший меч тем самым обречен.
Работа не для лайковых перчаток,
И жалость здесь, конечно, ни при чем.
Пусть господин Гюго злей Ювенала,
Слезлив, как сыр, и падок до клоак.
Потомство никогда не обвиняло
Тех, у кого есть сметка и кулак.

Потомство? Черта с два! Не будет завтра.
Есть только мы... Но в пафосе моем,
Чем дальше мне подсказывает автор
Тем больше обнажается прием.
С таким, как канонада, аргументом
Доказывать вам ни к чему, кто прав.
Стрельба по лбам, по глиняным, по медным,
Звучит сильней всех Деклараций Прав.
Зане свинцовый идол государства
Есть истина, как бог и дважды два.
На форт Исси направил я удар свой.
Еще минута, пять минут, едва
Пробьет двенадцать...

Часы бьют двенадцать.

Надо дать сквозные
Депеши в Вену, Петербург и Рим.
Парижский бунт подавлен. Остальные
Детали пушками договорим.
Вы слышите? Смолкает канонада.
Форт пал. Конец. Кипит людской поток.
Версальцы бьют бегущих. Так и надо.
Поверьте — в этих штуках я знаток!

РАССТРЕЛ

Степа, увитая плющом. Женщина. Навстречу ей отряд версальцев.

Офицер

Стой, сволочь! Ага, очевидно — добыча.
Куда вам спешить, дорогая моя?
Должны вы уважить галантный обычай,
Галантную просьбу такого, как я,
Галантного и молодого сапера.
Тем более что начинается ночь.
Тем более что в эту смутную пору
Один только я и могу вам помочь.
Итак, вы спешили. Куда и откуда?

Куда и откуда? Вот первый вопрос.
Прошу отвечать без запинки, паскуда!
И незамедлительно.

Женщина порывается бежать. Ее хватают.

Что, сорвалось?
Так. Этого я ожидал. Очарован,
Но — ах! — ожиданьем измучен вконец.
Прошу отвечать, ибо после второго
Вопроса последует просто свинец.

Женщина

По букве закона военного времени
Должны вы меня расстрелять как шпионку,
По букве закона военного времени
Вы каждому пулю пошлете вдогонку.
По букве закона военного времени
Не ждать снисхожденья от вас и ребенку.

Офицер

Но вы-то, гражданка, совсем не подросток,
Совсем не похожи на деточку.

Женщина

Да!
Я женщина. Я парижанка. Я просто
Мишень, чтоб расстрелянной быть без суда.
И я сознаюсь, что была коммунаркой,
Что муж мой замучен версальцами, что
Мы празднично жили и кончили жарко,
Что здесь и не жду я другого подарка,
Как смерть. Остальное свинцом залито.
Сказала я все, что могла и хотела.
И то, что сказала, бросаю в упор...

Офицер

Постойте! Какое нам, собственно, дело
До вашего чувства? С каких это пор
У швеек и шлюх, у кухарок и прачек
Такие претензии? В чем ваша роль?
Не в том ли, не в том ли, что каждая прячет
Под грязным подолом горючий петроль?

Без пышных тирад, без разлития желчи,
Без криков, без жалости к тощим одрам...
Конечно, мы вас расстреляем. Но молча.
К стене! И, пожалуйста, без мелодрам.

ИЗ ПИСЬМА

...Все кончено.
Улицы мчатся, как шквал.
И стрельба
Сметает людей с баррикад, тротуаров и лестниц.
Быть может, какое-то дуло помедлит у лба.
Откуда-то выхватит ветер негромкую песню...

Затерянный в том же Латинском квартале, где ты
Росла и училась...
Но как это выразить? Слушай!
Оглохший от гула, задохшийся от хрипоты,
Я знаю одно: умереть. По возможности глуше.

О, слушай еще!
Я вылечивал их. Я хотел
Оспаривать, вырвать добычу из мерзлого морга.
А время швыряло мне груды неубранных тел,
Свой шлак, отработанный в первом порыве
восторга,
Куски недолюбленных жизней, обугленных глав,
Зачеркнутых черновиков, искалеченных формул...
И все это рушится, рушится наземь стремглав —
В антонов огонь, в ампутацию без хлороформа,
В хрипящую, полную бреда палату.

Ну что ж!
Я помню тебя до последнего часа. Ты скоро
Приедешь в Лозанну, газеты и письма прочтешь,
Заплачешь.

А голос мой, вырванный ветром из хора,
Он неотличим от обставшей тебя тишины.
Тем лучше. Так будет гораздо надежней и ближе.
Прощай, моя молодость! Все-таки мы лишены

Условленной и окончательной встречи в Париже.

Вот месяц, как я не ложился в кровать и не спал.
Пойми. Я не жалуюсь. Это в природе бессмертья.
А там — ни границ, ни ночных пересадок, ни шпал,
Ни горя, которое не уместилось в конверте...

Прощай! О, конечно, навек.
                                        Нам отрезаны все
Возможности двинуться.

                                В полдень застрелен Домбровский.
Пожар в Тюильри. Где-то там за Антеннским шоссе
Светает. Осталось одно...

ФРАНСУА ВИЙОН

Драматическая поэма

Памяти Евгения Багратионовича Вахтангова

Часть первая

ПОДРОСТОК

Пришел сочельник снеговой.
Как я сказал, повсюду тьма.
За вьюгой слышишь волчий вой.
Всех гонит лютая зима
Зажечь огонь, уйти в дома.

Фр. Вийон

Картина первая

Париж. Улица. Зима. Поздний вечер. Вийон и Корбо — школяры Сорбонны.

Вийон

Брр...

Корбо

Что с тобой?

Вийон

Собачья стужа!
Скакать приходится. К тому же
Вся в дырах куртка. Плащ сырой.

Корбо

Хоть наготу, школяр, прикрой, —
Да не введешь в соблазн опасный

Старух, взирающих напрасно
На голый срам. В плаще моем
Перезимуем мы вдвоем.
Брр...

Вийон

Что с тобой?

Корбо

Собачья вьюга!
Так не согреем мы друг друга.
Попляшем, постучим костьми,
Как два скелета, черт возьми!

Вийон

Брр...

Корбо

Что с тобой?

Вийон

Собачий ветер!
Кто это — ты иль я ответил?
Иль ржавый желоб завизжал
Иль кот по крыше пробежал?
Оле-оля! Ответь, прохожий!
Коли и ты, на нас похожий,
Забыл о звоне медных су
Иль должен с шапкой на весу
Вымаливать любой объедок,
Чтоб кончить петлей напоследок,
Коли ты бродишь, аки волк,
И лишь клыков голодных щелк
В честь сына и отца и духа
До нашего домчится слуха
Сквозь ночь, туман, и снег, и град, —
Откликнись, — ибо ты нам брат,
И с нашей шатией убогой
Найдешь поддержку, ради бога.

Оба

(поют)

Голод — не тетка,
Голод — не шутка,

Вот как
Жутко
Воет живот!
Стужа — не бабка.
Штопать не станет,
Шапку
Стянет,
Плащ разорвет.
Здравствует ноне
Пузо монашье,
Но не
Наше,
Черт побери!
Где ж эти земли,
Где нас повесят
В семь ли,
В десять
Иль до зари?

Из-за угла на перекрестке вырастает длинная, узкоплечая фигура монаха **Мажордена**.

Мажорден

Поете, сволочи? Смотрите,
Кабы не влипнуть в пасть геенны,
Где задохнетесь и сгорите
Мгновенно.
Аз предрекаю вам кончину
Весьма мучительную, ибо
Вы совратить меня, мужчину,
Могли бы.
Но к черту оные фигуры
Дидактики и красноречья:
Я вышел ныне, балагуры,
Навстречу
Всем беззакониям вселенной,
Подобный рыцарю Ахиллу,
Хотя и лысый как колено
И хилый.
Но что крепиться, коли гложет
Мне внутренности злая похоть.

Увы, ни ахать не поможет,
Ни охать.

Вийон

Монах! Клянусь тебе Сорбонной,
И бабушкой моей согбенной,
И дедушкиной бородой,
Что ты с оравой молодой
Обрящешь все, чем ныне беден,
И между прочим — нежных дев,
Проспишь три тысячи обеден,
От наслажденья обалдев.

Корбо

Идем же с нами вплоть до ада,
Коли сужден такой конец.
Любому страстотерпцу надо
Хоть раз в неделю снять венец
И в мире забубенных пьяниц
Отведать сладких вин и блюд,
Не презирая гик и танец,
Хотя от оных и блюют.

Мажорден

Ну что за юноши! Близка мне
Витиеватость их словес!

Вийон

Монах! Потрогай эти камни,
Сдвинь, ощути изрядный вес
Материи первоначальной!
Нет, ты не сдвинешь ни черта,
Признаемся, — сколь ни печально, —
Нам дверь блаженства заперта.
В харчевнях кормят тех, кто платит.
А девки любят тех, кто сыт.
Нам этой мелочи не хватит.

Мажорден

Что нечестивец голосит!
Не для того ли предлагаю
Я вам содружество свое,
Что у меня мошна тугая!

Оставим к дьяволу нытье,
Поставим крест на разговорах.
Где тут шинок повеселей?

Корбо

Я перечислю целый ворох
Названий: «Кружка королей»,
«Дом госпожи Марго», «Берлога
Трех попрошаек»...

Мажорден

Ого-го!
Покуда хватит. Для пролога
Я выбираю дом Марго.
Ведите старца и не трусьте!
Плачу за крабов, за рагу,
За днища бочек и за устья
Рек, что я вылакать могу.
Плачу за будущие драки,
За всех, кто сядет у стола,
Кто ляжет под столом во мраке,
Сожженный жаждою дотла.
Плачу за треск углей в жаровне,
За жар отзывчивых сердец.
Плачу за все. Мы с вами ровни.
Я не дурак и не гордец.

Все трое скрываются. Ветер заливается еще пуще. Темнота.

Картина вторая

Харчевня. Дымно и очень людно. В очаге горят круглые сосновые дрова. За столом Вийон, Мажорден, Корбо, еще Школяры. Толстая Марго принимает заказ. Поодаль от них рыцарь де Пуль и его нежная обходительная спутница Инеса Леруа.

Марго

Кто платит?

Вийон

Ты важный вопрос задаешь.
Вот он, председатель обжор и пропоиц,

Косматый, как пакля, небритый, как еж,
Уже под столом распускающий пояс,—
Он платит.

Марго

Все деньги на бочку вперед!

Корбо

Вот стерва! Чудовище!

Мажорден

Не возражаю!

Вийон

Монах! Она немилосердно дерет.
Строптивая женщина! Ты не чужая
В содружестве нашем.

Корбо

Сужден нам возврат
На лоно твое, всеблагая гусыня!

Марго

Всегда непонятно они говорят —
Не то по-халдейски, не то по-латыни!

Вийон

Кругла ты, как солнце!

Корбо

Добра и щедра!

Вийон

Мудра, как Сорбонна!

Корбо

Обильна, как вымя!

Вийон

Приятна одним колыханьем бедра!

Корбо

Одними ужимками, столь огневыми!

Мажорден

А я заплачу тебе!

Вийон

Если он врет,
Его запечешь ты как окорок!

Марго

Мало!

Корбо

Зажаришь на вертеле!

Марго

Деньги вперед!

Вийон

Ни нежность, ни вежливость не обломала
Тебя, беспощадный и грубый палач!
(Бьет ее.)
Так вот же, так вот же тебе — чистоганом
Вперед получай, если хочешь, хоть плачь!
А мы пробуравим свинцовым стаканом —
Эй, скареда, слышишь? — большую дыру
В любом из твоих непочатых бочонков.
Тащи нам паштет на гусином жиру,
Яичницу с сыром, телячью печенку,
Мальвазии пинту...

Мажорден

Две пинты бордо.

Вийон

Угрей и миног малосольных!

Корбо

И хлеба
Поджарь нам до хруста, но только не до
Обугленных корок!

Мажорден

Скорей, ради бога!

Марго удаляется исполнять заказ.

Все, что бродило в сырых погребах,
Все, что топталось в давильнях осенних,
Сладостно млеющее на губах,
Тварям земным вручено во спасенье,—
Благословенно да будет оно,
Легкое и молодое вино!

Горбун

Зачем же ты врешь, преподобный козел?
Кислятина эта не сок винограда,
А первопричина бесчисленных зол,
Гнездящихся в сердце великого града,
Где всякая сволочь и всякая голь
Кичится пред знатью отребьями.

Вийон

Что за
Невенчанный иерусалимский король?
О чем ты скорбишь?

Горбун

Не мешай мне, заноза!

Марго возвращается с дымящимся блюдом, вином и кружками.

Мажорден

Очей моих блеск и услада!
Любезная дама — увы! —
В избытках господнего сада
Махровая розочка вы!

Марго

Я вижу, вы мастер по части
Учтивой любовной игры.
Но нам помешают, к несчастью,
Во всем драчуны-школяры,

Мажордеп

Пускай наблюдают, потея,
Восторг набухающих чувств!
Прости меня, прелюбодея,
Что смело я разоблачусь
И, паки и паки рыгая
И кружку за кружкой глуша,
Без сил я, моя дорогая,—
Исусе, как ты хороша!
И все качается тихо,
Двоится, троится в глазах.
Не бойся, позволь мне, пусти хоть,
Тебя умоляю в слезах.

Марго уводит Мажордена.

Инеса

Зачем привели меня в эту дыру,
Любезный мессир?

Де Пуль

Подождите немножко!

Инеса

Мне скучно, мессир. Я от скуки умру.
Мне хочется к тетеньке.

Де Пуль

Милая крошка!

Вийон

Не нравится вам наш вертеп, госпожа?

Де Пуль

Потише, любезнейший!

Вийон

Вам что за дело?

Де Пуль

Оставь мою даму!

Корбо

Дойдет до ножа!

Вийон

Что, собственно, так горячо вас задело?
Кто хочет — гуляет. Кто хочет — сидит
И милую даму целует взасос.
Но если ты, рыцарь, за слово сердит,—
Прошу извинить меня!

Де Пуль

Молокосос!

Вийон

За что ты меня столь надменно хулишь?
Да, верно, я в детстве сосал молоко,
Как всякий воспитанный мамой малыш,
Но в этом любому сознаться легко.

Де Пуль

Школяр! Берегись! От моих кулаков,
Бывало, рога расшибали быки
И кони шарахались. Вот я каков!
Мне жалко твоей сумасбродной башки,
Смотри не шали! Не трепли языком, —
Очутишься разом и хром и горбат.

Вийон

Голубчик! И я с похвальбою знаком,
Но это занятье для малых ребят.
Я милую даму поздравить хочу,
Что столь остроумен ее кавалер.

Де Пуль

Я жду, чтобы ты замолчал.

Вийон

Замолчу,—
Ты старше, и ты мне покажешь пример!
Советую даму свою пожалеть.

Де Пуль

Школяр, замолчи!

Вийон

Не умею молчать!

Де Пуль

Эй, где там хозяйка? Подайте мне плеть

Вийон

Подайте мне перья, чернила, печать!
Ай-ай, как мне страшно! Ай-ай, я убит!
Увы! Завещанье составить пора!
Я плачу от сих нестерпимых обид.
Товарищи! Хочет он сечь школяра!
Итак, подымайтесь, мессир! И пускай
Рассудит нас честная драка! Прошу!

Голоса

Долой! Разнимай! Окружай! Не пускай!

Де Пуль

Дурак! Я дворянскую шпагу ношу.
И не подобает, чтоб всякая дрянь
Со мною мешала бы грязную кровь.

Вийон

О господи боже мой! Молнией грянь!
Попал он решительно в глаз, а не в бровь!
Действительно, каюсь, я рвань-голытьба,
Не рыцарь, не папа,— мадонна, прости!
Кабацкая вывеска вместо герба
Висит на моем худородном пути.
Но как бы я ни был безроден и сир,
Я вам предложил благородный исход,—
А вы уклоняетесь, храбрый мессир.
Мне это прискорбно!

Де Пуль

Ты все-таки скот!

Вийон

Скоты бессловесны. Твой бранный словарь
Перещеголять я — увы! — не берусь.
Расчет мой — на драку.

Де Пуль

Прочь, подлая тварь,
Бесштанный задира!

Вийон

Выходит, ты трус?

Де Пуль подымается, обнажив шпагу. Свистки, крики, улюлюканье.

Голоса

Школяр наступает! — И тот не сдает!

Де Пуль

Смотри! Не болтаться тебе в школярах.
Твой час уже пробил.

Вийон

И твой настает!
Военные действия начаты. Трах!

Над головой де Пуля пролетает тарелка и со звоном ударяется в стену. Инеса бежит к выходу. Ее хватают несколько дюжих и цепких рук.

Горбун

Красавица, будем знакомы!

Вийон

Назад!
Не сметь ее трогать!

Горбун

А ты кто такой?

Инеса

На помощь!

Вийон

На выручку!

Появляется полураздетый Мажордом.

Мажорден

Знатно тузят!
Кто пал? Я любому спою упокой,
Деритесь, орлы корпораций и школ!
Лупите друг друга и будьте здоровы!
Я вывернуть ваши карманы сошел,
Как древле архангел под трубные ревы.

Общая драка принимает угрожающие размеры. Кто кого и кто с кем — неизвестно. Раздается женский вопль: «Стража у дверей». Кто-то разбивает единственный фонарь. В темноте распахивается наружная дверь, обдав помещение морозным паром. У порога ночной дозор и Прево.

Прево

Что за притча! Не видать ни зги!
Кто здесь безобразничает? Света!

Вийон

Удирай, Корбо!

Корбо

И ты беги
Через кухню.

Прево

(натыкается на распростертое тело)

Что такое это?
Неприятный случай. Хлещет кровь.
Эге-ге! Весьма тяжелый случай.

Инеса

Бедненький мессир! Моя любовь!
Как вам больно!

Де Пуль

Мне как будто лучше.
Где он, этот пакостный школяр?

Горбун

Он удрал. Позвольте, ваша милость!
В драке он вещицу потерял:
Пуст мешок, но метка сохранилась.

Прево

Драгоценность к делу приобщим.
Ты мне можешь рассказать толково,
Нет ли тут зачинщика и чьим
Было делом оскорбить такого
Дворянина?

Горбун

Вам угодно знать?..

Прево

Да. Короче.

Горбун

Этот злой волчонок,
Что в харчевнях задирает знать,
Кажется, из школяров ученых.

Прево

Не размазывай. Как звать его?

Горбун

Имени не знаю.

Прево

Взять под стражу!

Горбун

Смилуйтесь! При чем же я, прево?

Прево

(сует к носу горбуна мешок Вийона)

Вот улика! Посидишь за кражу.
Сам ведь показал. Позвать сюда
Всех гостей и разбудить девчонок!
Где школяр, чье прозвище Волчонок?
Ну-с, приступим! Ты хозяйка?

Марго

Да

Прево

Сука! Мессалина! Дщерь Содома!
Знаешь, что грозит тебе?

Марго

Увы!

Прево

Как причастна к случаю худому?

Марго

Школяры, свирепые, как львы,
Разорили множество харчевен.
Жрут и пьют, не платят ни гроша,
Аспиды!

Прево

Сама ты хороша!

Марго

Наш удел поистине плачевен.

Прево

Хочешь откупиться от тюрьмы?

Марго

Сколько стоит?

Прево

Правосудью надо,
Чтоб убытку не терпели мы,—
Завтра утром два бочонка на дом.

Марго

Постараюсь нацедить.

Мажорден незаметно крадется к выходу.

Прево

Монах!
Улизнуть не пробуй. Что затрясся?

Мажорден

Друг прево! Я аки ангел наг.

Потерял в сей суматохе рясу.
Видит небо, я не подлый вор.
Но испуган и дошел до ража.
Крайность подошла. Хочу на двор.
Ибо пил, как губка.

Прево
(бешено)
Взять под стражу!

Картина третья

Келья каноника Гийома Вийона. Франсуа занимается под руководством дяди.

Гийом. Item, продолжим. Число сорок содержит в себе четырежды десять. По числу четыре протекают времена дня и времена года. Далее в десятке можно распознать творца и его творение. Разложи десятку на семь и три. Чуешь? Чего мы знаем семь?

Вийон. Семь дней творенья.

Гийом. Творец же троичен, как учит наша святая церковь. Стало быть, десятка есть творец и творение. Повторенная четырежды, она составляет сорок. Стало быть, число сорок указует нам на протекание сущего в сих временных сроках. И, стало быть, господь наш, постившийся сорок дней и сорок ночей, пригласил и нас в этой временной жизни к воздержанию и целомудрию.

Вийон. С выводом можно спорить.

Гийом. Молчать!

Вийон. Да как же так, дядя Гийом? Господь, отпостившись, сколько ему полагалось, вознаградил свое естество, закурил и выпил чем господь послал...

Гийом. Как ты сказал? Господь послал? Кому же это он послал? Выходит, самому себе послал? Понял теперь, что, переча старшим, не доберешься до истины.

Вийон. Истина, как учит Аристотель, познается в спорах.

Гийом. Кто спорит-то? Спорят доблестные мужи, опоясанные мечом верховной дисциплины, сиречь диалектики, а не такие сопляки, как ты. Да и опым прослав-

ленным мужам право на сомнение далось не легко. Писание говорит, что, когда Спаситель наш ходил в школу и, споткнувшись на первой же букве алеф, тщился объяснить ее смысл, учитель высек нашего Спасителя за сию преждевременную потугу. Так вот, не сомневайся, не застревай на погрешностях доказательства, не выказывай себя, храбрец, не суй носа куда ни попало! Посмирнее, Франсуа, полегче! Что это за шрам на лбу?

Вийон. Пустяки. Царапина. Бритвой порезался.

Гийом. Чую ложь! Искромсан ты в драке, подлый школяр! Ножом тебя резнули по морде. Так ли? Отвечай.

Вийон. Клянусь вам именем матери!

Гийом. Не любишь ты матери, почтенной старушки. Моей старости не чтишь. Будущность губишь.

Вийон. Разве я один драчун? Все драчуны. Другие школяры откалывают еще и похуже. Будьте спокойны, дядя Гийом, не сладок мне запретный плод, не любы их похождения. Плевал я на кабацкую славу, на красавиц, на легкую жизнь негодяя. Иным я в жизни озабочен, иное снится мне по ночам, иная сила влечет меня,— может, на гибель, не знаю, — влечет так, что спирает дыхание и сохнет гортань.

Гийом. А ну поведай, какая сила?

Вийон. Постричься хочу. Устал ходить в миру. Смердит мне из всех углов и подворотен Парижа.

Гийом. Вот куда загнул! Удивил. Растрогал, но и удивил. Полагаю, что с таким решением торопиться некуда. Дай я крепко обниму тебя.

Вийон. Стало быть, сейчас еще нельзя и мечтать о благодати? О, как это горько! К тому же дикая бедность удручает мне сердце. И свечи не могу поставить перед статуей богоматери.

Гийом. Вот тебе пол-экю.

Вийон. Что? Золото? Не могу глядеть на него. Режет мне очи адский блеск. Но скреплюсь, зажмурюсь и возьму.

Гийом. Привыкай, голубчик! Вот тебе еще экю. Отдай матери, обрадуй бедную женщину.

Вийон. Разве что для матери! Как мне благодарить вас, добрый дяденька?

Гийом. Затверди пятьдесят стихов Горация. Завтра спрошу. У Сен-Жака звонят. Прощай до полдня! *(Уходит.)*

Оставшись один, Вийон пробует деньги зубами, щелкает языком и прячет их в пояс. Внезапно окно кельи распахивается В окне растрепанная голова Корбо.

Вийон

Корбо! Каким попутным ветром?
Где пропадал ты с ночи той?

Корбо

Ты незнаком еще с Бисетром.
Рискуешь завтра же...

Вийон

Постой!
Как бы каноник не услышал!
Он только что из кельи вышел.
Покашливает у дверей.

Корбо

Скорей! Скорей! Скорей! Скорей!

Вийон

Что ты плетешь?

Корбо

Горбун в темнице
В когтях у палача протух
И выдал нас. Прево томится
Желаньем, лишь споет петух,
Арестовать нас по доносу.

Вийон

За что?

Корбо

За буйство. Видно, суд
С властями городскими снесся.
Нас и святые не спасут.

Вийон

Ни за какие блага мира
Просить не стану ничего.

Корбо

По настоянию мессира
Де Пуля чертов кум прево
Уже приказ, наверно, пишет.
Нас ночью схватят. И никто
Нам не поможет, не услышит.
Все будет крепко заперто.

Вийон

Горбун назвал нас? Это верно?

Корбо

Как бог свят!

Вийон

А узнал ты где?

Корбо

От одного писца.

Вийон

Вот скверно!

Корбо

Весьма погано.

Вийон

Быть беде!

Корбо

Из-за дурацкой пьяной драки,
Могущей быть в любую ночь,
Вдруг сгинуть ни за что во мраке
Или бежать отсюда прочь!

Вийон

Бежать!

Корбо

Откуда? Из Парижа,
Где мы не мерзли без гроша?
Где каждый камешек нам ближе,
Чем мать, и нужен, как душа?

Ступай к канонику, несчастный!
Целуй его подол, скажи,
Что к случаю мы непричастны,
Что нас запутали во лжи!
Ведь ты родной ему племянник,—
Пусть вступится за нас добряк.

Вийон

Меня дорога к черту манит.
За городской чертой овраг
Дымится свежестью весенней.
Там свищет ветер для меня.
В Париже нету мне спасенья.
В любой харчевне западня.
Довольно. Баста! Пусть их ловят.
За что? Не все ли мне равно?
Пусть обвиняют, пусть злословят.
Я раводушен, как бревно.
Запишут в протокол заочно,
Осудят и приговорят,
Приметы перечислят точно:
Рост, нос, два уха — все подряд.
И пусть! Плевать мне на скрипенье
Их перьев и на их мозги.
На рты их, мямлящие в пене,
На шлепающие шаги!
Я вырву ногу из капкана,
Хоть бы до кости разодрав,
Плесну им в морду из стакана
Глоток несчастных школьных прав,—
Прощайте!

Корбо

Расстаемся, значит?

Вийон

Да!

Корбо

И на дружбе нашей крест?

Вийон

Кем разговор о страхах начат?
Кто первый каркал про арест?

Корбо

Есть выход более толковый.

Вийон

Просить? Раскаяться в тюрьме?
Сыграть ягненочка такого,
Который повторяет «ме»,
Сбив самого Патлена с толку?
Дурацкий фарс! Какая смесь
Унынья и почтенья к волку!
Овечья смелость! Сучья спесь?

Корбо

Итак, ты порываешь с нашим
Содружеством, мессир Вийон?
Со школьническим и монашьим
Обетом? Или басня он?
И ты решился на разлуку
С ученьем — лучшим из даров?

Вийон

Да! Я решился. Дай мне руку.

Корбо
(очень угрюмо)

Что ж! Это можно. Будь здоров!

Картина четвертая

Убогая комната матери Вийона. Поздний вечер. Вийон входит, озирается. Никого нет. Замечает под скамьей рыжего кота. Гладит его. Входит мать с вязанкой хвороста.

Вийон

Здравствуй, мать! Не узнаешь ты, что ли?
Я твой сын. Воробышек родной.

Мать

Сын был глаже.

Вийон

Плохо кормят в школе,
Пичкают грамматикой одной.

Мать

Отощал ты, словно привиденье.
Под глазами синяки с пятак.

Вийон

Одолжи мне, мать, немного денег.
Видит бог, я обносился так,
Что смеются честные девицы.
На заду огромная дыра.
Видит бог, решил я удавиться.

Мать

Видит бог, все отдала вчера
За мешок муки и ломтик сала.
Я гола, как обгорелый пень.
Я сама всю зиму шиш сосала,—
День и ночь, и снова ночь и день.
У кого коза иль поросенок,
У кого игла иль молоток,
У кого в бочонках, припасенных
К рождеству, горячего глоток.
У меня одной, вдовы безногой,
Рыжий кот, да стоит он немного,
Взрослый сын, да беден он, как я.

Вийон

Врешь ты некрасиво, мать моя!
Я ведь знаю: у тебя в постели,
Кроме блох, есть ливров сотни три.
Мне о том сороки насвистели.

Мать

Расшвыряй солому, посмотри!
Что найдешь — твое, не пожалею.
Хочешь стол и скамьи разломать?
Сядь убогой нищенке на шею,
Грабь тряпье старухи!

Вийон

Ладно, мать!
Можешь спать спокойно и не плакать,
Скарба в доме не разворошу.
На дворе сегодня снег и слякоть.
Об одном тебя я попрошу:
Дай мне шарф и шапку из овечьей
Шерсти, что остались от отца.
Богу за тебя поставлю свечи.

Мать

Родила я сына-стервеца!
Вымогает, не дождется срока.
Лягу в землю, сыщешь все, что есть.

Вийон

Слушай, мать, я ухожу далеко.

Мать

Убирайся с богом!

Вийон

Дай поесть!

Мать молча и злобно ставит на стол кружку сидра, подает лепешку и наполовину обглоданную баранью кость.

Как собаке, мне бросаешь кости?
Или ласки я не заслужил?
Или часто прихожу к вам в гости?

Мать

Тянет, тянет из последних жил,
Кровь сосет, а все, проклятый, жаден,
Все не так, все ищет попрекнуть...
У, бродяга! Для таких вот гадин
Нету сладкого, не обессудь!

Вийон

Где сестрица Трюд?

Мать

На огороде
У каноника.

Вийон

Здорова?

Мать

Нет.
Оба вы, отцовское отродье,
Кашляете с самых малых лет.
Плачет дура, тает, словно свечка,
Проболела осень, рождество;
Робкая, не вымолвит словечка, —
Да ведь мне не слаще оттого!
Мне-то, старой, без опоры в доме
До могилы, значит, спину гнуть?

Вийон

Слушай, мать. Вздремну я на соломе.
Разбуди пораньше. Надо в путь.

Мать

Значит, верно — ты уходишь?

Вийон

Верно.

Мать

А куда — не скажешь?

Вийон

Не скажу.

Мать

Говорят, что есть одна таверна.
Там школяр обидел госпожу
Леруа. И будто даме этой
Стало дурно. А ее жених
На мальчишку жаловался где-то.

Вийон

Ничего я не слыхал про них.

Мать

А еще рассказывают, в Туре
Ведьму рыжую опять сожгли.
А в Амьене черт набедокурил:

Поднял дом на локоть от земли.
Ох-хо-хо! Спаси нас бог, — в Париже
Летом будет, говорят, чума.

Вийон

Я слыхал об этой ведьме рыжей,
Что сводила дураков с ума.
Хороша была чертовка, видно,
Стала пеплом.

Мать

Стало быть, не зря!

Вийон

Мне на тех, кто знал ее, завидно.

Мать

Спи спокойно. Через час заря.

Оба спят. Входит Трюд, бледная двенадцатилетняя девочка. Вийон внезапно просыпается.

Вийон

Кто здесь? Почему в глазах троится?
Я не виноват. Под пыткой врут.

Трюд

Это я. Не бойся.

Вийон

Ты, сестрица?
Здравствуй, маленькая. Здравствуй, Трюд.
Говорила мать, что ты болела.

Трюд

Да болела.

Вийон

Что молчишь всегда?
Трюд, сознайся, — это мать велела
Клянчить в церкви милостыню?

Трюд

Да.

В и й о н

Много подают?

Т р ю д

Я не считаю.

В и й о н

До пяти считать умеешь?

Т р ю д

Нет.

В и й о н

Надо научиться.

Т р ю д

Пресвятая
Дева не велит считать монет.

В и й о н

Ты ей молишься?

Т р ю д

Я не умею.

В и й о н

Сколько лет тебе?

Т р ю д

Не говори,
Не мешай! Ты стал похож на змея.
Змей мне часто снится до зари.
У него есть женщина другая.
Та меня задушит. А! Постой!
Вот она! Вот светится, моргая,
Глаз под головешкой золотой.
Обожгу я ноженьку босую,
Растопчу ее глазок опять.

Мать

(просыпается)

Я тебя ремнем исполосую!
Дрянь, чертовка, не даешь мне спать!
Злые дети — наказанье божье.
Ох-хо-хо! Грехи мои прости!

Трюд

(очень тихо)

Ведьма смотрит. Ведьма строит рожи.

Вийон внезапно вскакивает и бросается к выходу. Трюд бежит за ним.

Франсуа! Не уходи!

Вийон

Пусти!
Мне пора. Не смей кричать, звереныш!
Мне не жалко вас. Пусти меня.
Больше ты ничем меня не тронешь.
До свиданья. Вы мне не родня.

Картина пятая

Конец той же ночи. Еле-еле светает. Вийон бежит по улице. Останавливается около дома с наглухо закрытыми ставнями.

Вийон

Ты здесь живешь, Инеса Леруа.
Ты крепко спишь, любовница чужая.
Ты крепко двери на ночь заперла
От злых людей. А утром, освежая
Лицо и руки в ледяной воде,
Припомнишь все, чего мы не сказали
Тогда друг другу. Никогда, нигде
Не повторится этот миг. Он залит
Чернилами и воском. Искажен

Дознаньем. Пересудами оболган.
Мне надо потерять пятнадцать жен,
Чтобы найти тебя. Как это долго!
Но посмотри! Я тоже чист и смел.
Я тоже был в ту ночь с тобою рядом,
Дрожал от горя, путался, краснел...
Так почему же семь ночей подряд он
К тебе крадется, ночью упоен,
И в час, когда смежаешь ты ресницы,
Он, а не я, — он, а не я, Вийон,
Тебе, моя возлюбленная, снится!
О, как я глупо вел себя! К чему
Лез в драку и прикидывался храбрым?
Смотрели на меня, как на чуму.
И вот оплеван и едва не забран
Сержантами, не осужден едва
Самим прево, истерзан и всклокочен,
Как гарпия, — шепчу тебе слова,
Тогда уместные, сейчас — не очень.
Нет! Этого не может быть. Прости!
Я через год вернусь к тебе. Запомни!
Зажми щепотку памяти в горсти.
Все остальное на земле легко мне:
Красть, убивать, под пыткою хрипеть,
Спать под землей и почернеть, как ворон.
Но я вернусь! Что мне прикажешь спеть?
Как встретишься с нарядным дерзким вором?
Не узнаешь? От страха замерла?
Всмотрись в меня! Я был голодным, грязным,
Злым школяром, Инеса Леруа!
Не бойся! Полюбуемся, подразним —
И до свиданья! Можешь крепко спать.
Ты больше не нужна мне, недотрога.
Жизнь никогда не возвратится вспять.
Прощай! Так начинается дорога.

Вийон бежит дальше и выбирается наконец из путаниц кривых улочек и переулков. Перед ним пустыри, замерзшие огороды. Ветер треплет рукава П у г а л а.

Эй, пугало, чудак безногий!
Мне шляпой машешь ты один.
А между тем знавал я многих
Друзей, доживших до седин

И разжиревших на покое.
Конечно, спят они теперь,
Они не знают, что такое —
Бежать, быть загнанным, как зверь,
Грызть корку, умываться снегом,
Бояться потерять ночлег
И дорожить любым ночлегом.

Пугало

Но ты, приятель, человек!
Мне хуже, мне гораздо хуже.

Вийон

Эге! Откуда эта речь?

Пугало

Я должен здесь в любую стужу
Гнилые овощи стеречь.
Давно расклеван и потоптан
Весь монастырский огород.
Давно сюда валили оптом
Все, чего город не дожрет...

Вийон

Послушай! Это непорядок.
Зачем шагаешь ты за мной?

Пугало

Меня от вони мерзлых грядок
Тошнило столько раз зимой.
Я до костей продрог. Я болен.
А ты, бродяга, рвешься в путь.
И только вышки колоколен
Тебе кивают: «Не забудь!»
Ты сорок лье отмеришь за день.
Ты плюнуть в сотню луж волен.
Волен напиться, если жаден.
И, наконец, ты мэтр Вийон!
Иначе говоря, столетья
Тебя бессмертным нарекут.

Вийон

Наоборот! Готов истлеть я,
Как рваный нищенский лоскут.
Ты врешь бессмысленно и нагло,
Без толку, тыква, брешешь мне!

Пугало

Постой! Ведь это с глазу на глаз
И, очень может быть, во сне!

Вийон

Уж если это надо, чтобы
Ты собеседником мне был, —
Знай! Я не спятил от учебы
И логики не позабыл.
И если пьян, то не настолько,
Чтоб стоя бредить, как балда!

Пугало

Сопротивляешься ты стойко
Итак, я бесполезен?

Вийон

Да.

Пугало

Эх ты! Я вывернул бы пьесу
В невероятностях чудес.
Я бы привел твою Инесу
И вас перевенчал бы здесь.
Ведь автор для того и поднял
Условный трюк из преисподней,
Чтобы тебе, школяр, помочь
Перемахнуть сквозь эту ночь,
Сквозь этот мрак средневековый,
Сквозь множество иных времен.
Послушай! Ты школяр толковый,
Начитан в классике, умен.
Вот потому и предлагаю
Не отворачиваться я.
Смотри! Вот книга дорогая.
В ней юность и любовь твоя.

Я очень пригожусь поэту.
Но чур — не хныкать и не ныть!

Вийон

Дай почитать мне книгу эту.

Пугало

Ее ты должен сочинить!
Прощай, красавец мой! Ты будешь
За городом часам к восьми.
Боюсь, что голову простудишь, —
Хоть шляпу у меня возьми!

Вийон берет у Пугала шляпу и бежит дальше. Пугало скрипит и качается под ветром.

Часть вторая

ЯРМАРКА

> Вийон, видя, что все сбылось, как он предугадывал, говорит: «Здорово сыграете, господа дьяволы, здорово сыграете, ручаюсь вам».
>
> *Фр. Рабле*

Картина первая

Через пять лет. На базарной площади в Блуа. Раннее весеннее утро. Плотники сооружают помост для мистерии. Мэтр Франсуа Вийон руководит работами. На нем бархатный подрясник. Волосы тщательно убраны медным обручем. В руках свиток Рядом с ним Художник. Несколько в стороне толпятся любопытствующие горожане.

Вийон

Прошу для пасти адовой еще
Не пожалеть кистей и красной краски,—
Чтоб жгло, чтоб било в ноздри горячо,
Чтоб женщины завыли!

Художник

Это маски
Для шествия, достопочтенный мэтр!
Весьма занятное приспособленье,—
Изволь примерить.

Вийон

Ты на шутки щедр.

Художник

В таких делах нельзя водиться с ленью.
Служа приказам преподобных ряс,
Я забавлял всегда простонародье,

Чем только мог. Вот и на этот раз
Хочу блеснуть наперекор природе
Кривляньями разнообразных рож.
Пускай хохочут наши горожане.

Вийон

Обидно только, что заплатят грош!
Я тщательно обдумал содержанье
Мистерии. Ввел несколько фигур
И аллегорий, неизвестных раньше.
Есть у меня Иуда-балагур,
Есть и Фортуна, ростом великанша.
Есть герцог Ирод, чей дворец-бордель
Заставит многих покраснеть, пожалуй.

Художник

Добиться бы еще хоть двух недель,
Чтоб подготовить все, как надлежало.

Вийон

Любезный друг, отсрочек и не жди!
На этих досках в день святой Бригитты
Начнем играть. Не то на площади
Мы будем без иносказаний биты.
Эй, пошевеливайтесь там, друзья!

Плотник

Мессир, позвольте опорожнить кружку!

Вийон

До полдня, милые, никак нельзя,
А там гуляйте, чествуйте друг дружку.
Я угощаю всех. Садись и пей,
Пой, что захочется, целуй любую.
Эге, вниманье! Юноша, прибей
Гвоздями к скалам ленту голубую,—
И пусть она трепещет. Издали
Получится изрядно, вроде моря.
Постойте, сволочи! Зачем зажгли
Все плошки? Навоняли, как в Гоморре.

Входит Служка и манит знаками Вийона. Тот подходит к нему.

Что там еще?

Служка

Вас просят сей же час
Быть в ратуше. Там собрались нотабли.

Вийон

Пускай они сойдут, не горячась,
На площадь к нам. Не столь они ослабли,
Не столь стары, чтоб из-за них терять
Последние пред торжеством мгновенья!
Здесь у меня стоит рабочих рать.
Треск, суета. Мы подбавляем рвенья,
Подхлестываем, бранью разъярясь,
Друг друга. Но для случая такого
Мы не хотим лицом ударить в грязь.
Им это, мальчик, изложи толково.

Служка уходит. Вийон присоединяется к художнику. Оба взбираются на помост.

Плотник

Мне нравится, что мэтр Вийон свиреп
И никого из важных лиц не трусит.

Горожанин

Постой еще! Наш магистрат не слеп.
Гнилой орешек быстро он раскусит.
Сообразит, что дьявола на двор
Пустил к себе, да только будет поздно!

Плотник

Да кто же он такой?

Горожанин

Церковный вор!
И если он в Париже не опознан,
То попадется здесь, держу пари.

Плотник

Он смотрит в нашу сторону.

Другой горожанин

Он дьявол!
Он оборотень, что ни говори!
Когда-то он в Турецком море плавал,

Был обезглавлен, но господень враг,
Князь тьмы, пришил ему башку обратно.
Повешен был, но сорвался в овраг.
С тех пор он умирал неоднократно.
Ты присмотрись к нему, взгляни в глаза
Или, когда задумается,— сбоку!

Вийон с Художником появляются на помосте.

Вийон

А знаете, мессир, идет гроза.
Наш праздник, видно, неугоден богу.
Эй, плотники, портные, маляры!
Как жизнь? Как подвигается работа?
Иль пересохло в горле от жары?
Иль достучались до седьмого пота?
Кончай, кончай! Пора! Трубит рожок.
Эй, мастера, скликайте подмастерий!

Входит Служка. Следом за ним толстый Нотабль. Горожане почтительно приветствуют вновь прибывшего.

Служка

Мэтр Франсуа!

Вийон

Что там еще, дружок?

Нотабль
(выступает вперед)

Ввиду того, что нам сюжет мистерий
Изложен путано; ввиду того,
Что ваша дерзость неугодна граду,
А господу немило торжество,
Где богохульник ждет себе награды,—
Постановляет ныне магистрат
С епископскою курией вкупе —
Дать вам расчет, в покрытье ваших трат.
А снаряженье и машины купит
Мэтр Эстурвиль, суконщик. То есть я.
Итак, мессир, сценарий мне вручите,
Секретов лицедейства не тая.

Вийон

Мэтр Эстурвиль, я обращусь к защите
Самой принцессы. Тут прямой грабеж.
Я сочинял, острил, придумал трюки.
Тут каждый гвоздь, что к месту ни прибьешь,
Что ни возьмешь, мои припомнит руки.
Я должен кончить дело!

Эстурвиль

Почему ж
Не в силах целого исправить некто,
Благочестивый и ученый муж,
Известнейший теолог, наш проректор,
Отец Корбо?

Вийон

Как вы сказали? Кто?

Эстурвиль

Мэтр Боэмунд Корбо.

Вийон

Он был мне другом.
Конечно, это время залито
Водой забвенья. И с ученым кругом
Давным-давно я связи растерял.
И должен сдаться. Я его не трону
Насмешками. Но что за матерьял
Пошел на выделку такой вороны?
Школяр Корбо! Бездельник и шпана!
Тот мальчуган!

Эстурвиль

Нельзя ли осторожней!

Вийон

Так, стало быть, вся сцена отдана
Ему, чтоб оскопил, и опорожнил,
И выпарил ее до пресноты?
Да, с этой мыслью сжиться нелегко мне!

Эстурвиль

Тсс, он идет.

Проходит Корбо, тощий, чопорный, скучный.

Вийон

Мы были с ним на «ты».
Привет, Корбо!

Корбо

Кто вы? Я вас не помню.

Вийон

Я Франсуа Вийоп.

Корбо

А, очень рад!..

Вийон

Как вы живете?

Корбо

Так себе. Не очень.
Вы, я узнал, отчасти мой собрат —
Поэт?..

Вийон

Я этим мало озабочен,
Пишу для развлеченья.

Корбо

Так, так, так...
Ну, я спешу. Простите!

Вийон

Будьте здравы!
А помните: собачий ветер, брр...

Корбо

Чудак!
Недалеко ушли от школяра вы.

Корбо медленно удаляется. Вийон долго смотрит ему вслед, и затем гулко ударяет кулаком по помосту.

Эстурвиль

Ударим по рукам?

Вийон

В известный час
Я приведу сюда веселых малых.
Мы вам споем, уменьем не кичась,
Такие песни, чтобы понимал их
Любой ребенок. В ханжестве своем
Отец Корбо ведь не такая цаца,
Чтоб нам утихнуть! Мы еще сорвем
Мистерию!

Эстурвиль

Вам это не удастся.

Вийон

Попробуем!

Эстурвиль

И это ни к чему.
Оставим словопренья! Я не жажду
Упечь вас в монастырскую тюрьму,
Но вы — зараза для моих сограждан.
Мне все известно. Даже день и час
Допроса трех повешенных в Руане.
Вы, ничему в Сорбонне не учась,
Себя причислили к подлейшей рвани,
К той рвани, что, помимо грабежей,
Слегка замешана в делишках мокрых...
Но я не продолжаю. Вам уже
Должно быть ясно, что один мой окрик —
И вы погибли. Я даю вам срок.
До ночи будьте у заставы. К черту!
И — чтобы тихо! Это вам же впрок.
Ни звука — никому!

Вийон

Молчу. Как мертвый.

Картина вторая

Ратуша в Блуа. Эстурвиль и другие Нотабли. Среди румяных горожан выделяется черная фигура Корбо.

Эстурвиль

Все валится из рук. Где ангелы, где черти?
Где мироносицы и где танцоры смерти?
Где связки факелов, грома небесных труб,
Престол всевышнего? Я бледен, аки труп.
Зашился, как болван.

Корбо

Я паки повторяю,
Что главный аргумент быть должен в пользу рая,
Что суть мистерии не в ярости острот.
Не в сквернословье, но совсем наоборот!

Эстурвиль

Конечно, это так, но банда разбежалась,
Никто не слушает. Все гибнет. Что за жалость,
Что мэтру Франсуа не доверяет клир!
Нам не пристало быть настройщиками лир.

Корбо

И тем не менее я повторяю вам паки,
Что одной сволочной и пакостной собаке
Определен удел: гнить в петле — и конец!

Входит Служка.

Служка

Отцы нотабли, из Бургундии гонец.

Голоса

— Спаси, Пречистая, помилуй нас, Исусе!
Принцесса едет к нам. — Вот это в нашем вкусе!
— Я предпочту принять двенадцать дюжин шлюх,
Чем эту деточку. — А есть недобрый слух,
Что это нам грозит опасностью. — Э, бросьте!
Особы знатные — всегда благие гости.
— Ой, ратуша падет, не снесть ей головы!
— Бьюсь об заклад, пустяк! — Мэтр Эстурвиль, а вы
Чем нас утешите?

Эстурвиль

Что ж! Нечего лукавить!
Не худо бы навек нас от нее избавить.
Мы, честные купцы, живем, баклуш не бьем
И тщимся не забыть о празднике своем.
Что ж, если госпожа бургундка к нам приедет,
Особой дружбою пускай она не бредит.
Но мы ручаемся принять ее как дочь.
Впустите же гонца.

Входит Гонец.

Гонец

Эй, вы! Сегодня в ночь —
Вы понимаете? — чтоб было по статуту
И сено лошадям, и сто костров раздуто,
И спущен главный мост, и хоры певчих пусть
«Et tibi gloria!..» поют нам наизусть.
Пусть жители не спят, толпятся на балконах, —
Но боже их избавь от действий незаконных!
Вы понимаете? Прочли вы между строк,
Что следует за сим? И, несмотря на срок,
Вы сделаете все, что в силе человечьей?

Эстурвиль

(*почти плача*)

Мы вам предъявим счет за траты, за увечья,
За сено, за костры, за наши погреба,
Расхищенные вдрызг, за хоры певчих...

Гонец

Ба!
Мы платим золотом, одолженным у вас же,
И этим платежом, конечно, вас уважим.

Голоса

Уж больно вы хитры!
— А ну как скажем: нет!
Ни сена лошадям, ни герцогам монет?
— А ну как выкинем над ратушею знамя
Гильдейских наших прав?
Кто будет драться с нами?

Гонец

Нельзя ли не орать? Я вам не кум, не сват,
Не родич, не сосед. И, как господь наш свят,
Ручаюсь, что моей тут и на грош нет воли.
Я передал приказ. Прощайте.

(Уходит.)

Эстурвиль

Оттого ли,
Что злобен сей наглец иль бестолковы мы, —
Но чую воинство необоримой тьмы,
Обставшей праздник наш.

Корбо

О дева всеблагая!
Вербуйте воинство, негодных отвергая,
В сонм исполнителей, от господа Христа
До мелких дьяволят.

Эстурвиль

Задача не проста!
Уже я отмечал: боятся все, как петли,
На сцене выступать.

Корбо

Средь молодежи нет ли
Таких охотников?

Эстурвиль

Нам молодежь чужда.

Корбо

В обедню с паперти объявлена ль нужда?

Эстурвиль

И возглашал и звал в обедню и в вечерню.
Внимали сумрачно. Нет отклика у черни.
Меж тем уже двойной отяготил нас долг.
В подобных торжествах бургундцы знают толк.

Корбо

Что делать?

Эстурвиль

Ведаю. Но вам открыться трушу.

Корбо

Ого! Я слушаю!

Эстурвиль

Закладываю душу,
На карту ставлю дом, торговлю и ребят,
Да стану я прыщав, заика и горбат —
Искусством дьявольским мы с вами не владеем.
И следует послать за тем шальным злодеем,
За вором Франсуа. Он нужен здесь, как хлеб.

Корбо

Сей выпад столько же греховен, сколь нелеп.
Вор Франсуа удрал, ищите ветра в поле!

Эстурвиль

Вы полагаете?

Корбо

Уверен в том. Тем боле,
Что намекнули вы ему на Монфокон.
Веревка устрашит, где не возьмет закон.
Итак, не станем ждать от дьявола подмоги.
Я сяду править текст. Погрешности суть многи.
Метафора груба. Размер не нежит слух.
Тут рифма вялая. Там непристойность шлюх.
Громоздко, путано. Но что всего ужасней —
В писанье вкраплены безграмотные басни.
Хоть замысел весьма возвышен и широк,
Но винным запахом разит от этих строк.
Вы слушали его и слишком присмотрелись,
Вот и запутались в сию мирскую прелесть!

Эстурвиль

Пожалуй, это так, но все же...

Корбо

Мне пора!
Коли посеял зло, то не пожнешь добра;
Где ведьма ворожит, там ошибется зоркий;

Кто молится, тот благ, — такие поговорки
Текст представления пристойно оживят, —
И да поможет бог! Приступим. Свят-свят-свят!

Чинит перо и садится за работу. Эстурвиль пребывает в глубокой задумчивости.

Эстурвиль

Где ты скитаешься, несчастный и великий?
Не пойман ли в ночи? Кем и с какой уликой?
О, если, несмотря на тысячу засад,
Ты улизнешь и к нам воротишься назад
И постучишься в дверь мою хоть ненароком —
Добро пожаловать! Я научен уроком.
Скорей! Монахи спят. Весь город нынче твой,
За безопасность же ручаюсь головой.

Картина третья

Ярмарка в разгаре. Лавка ювелира и менялы Жака Шермолю. Хозяин, со сморщенным лицом скопца, за прилавком. Перед ним Эстурвиль и две горожанки.

Шермолю

А вот занятный поясок
Весьма затейливой чеканки.
Резвятся нимфы и вакханки
У речки, в зелени осок.
Вот бусы в венецейском духе.
Вот зеркало для всех ланит.
Оно волшебно сохранит
Румянец на лице старухи.
Вот перстень в розочках резных
Оправой служит хризопразу.
Вот четки, что украсят рясу.

Эстурвиль

Мессир, я не нуждаюсь в них.
Приблизьте ухо осторожно.
Не покупатель я у вас,
Но лишь проситель.

Шермолю

В добрый час!
Готов служить вам, чем возможно.

Горожанка

Ах, Шермолю, ваш изумруд
Ласкает глаз, но слишком дорог.
К тому же суд соседок зорок!

Шермолю

Они от зависти умрут!
Но милой даме нет отказа.
Я два экю вам уступлю.

Горожанка

Как вы жестоки, Шермолю!

Шермолю

А вот два дымчатых топаза!

Вторая горожанка

Ах, я как раз такой ищу!

Первая

Он мне предложен!

Вторая

Не пущу!

Шермолю

Вот ярмарочная проказа!
Все спорят с пеною у рта!
Дерутся из-за дряни каждой
И снова одержимы жаждой.
А нам смешна сия тщета.
Мы, старики, на ладан дышим.
Снедает нас беззубый смех
При виде сумасшествий всех.

Эстурвиль

Итак, мой друг, возможно тише!
Не для того, чтобы в грехе
Вас уличить. Не это важно!
Я вам задам вопрос отважный
И крайне щекотливый.

Ш е р м о л ю

Хе!
Я трепещу и предвкушаю
И, предвкушая, трепещу.

Э с т у р в и л ь

Забота у меня большая:
Я вора некого ищу.

Ш е р м о л ю

Но я-то здесь при чем?

Э с т у р в и л ь

Заметьте!
Отнюдь не уличаю вас.
Вы скупщик ценностей. И эти
Вещицы — пиршество для глаз.
Но если ювелир с достатком
И если вещь недорога —
Бывает, что о деле гадком
Ему и невдомек...

Ш е р м о л ю

Ага!

Э с т у р в и л ь

Мой розыск не грозит вам иском.
И в кляузах я не мастак.
Я вас прошу с поклоном низким
Найти мне человека.

Ш е р м о л ю

Так!

Э с т у р в и л ь

Я имени его не знаю.
И вам его не надо знать.

Ш е р м о л ю

Мессир, взгляните! Цепь сквозная,
Как нынче носят клир и знать.
Кадильницы, распятья, четки,
Ковчежцы, раки, сундучки...
Эй, не торгуйтесь же, красотки!

Эй, раскошельтесь, старички!
Кому играть в бирюльки любо,
Кто знает толк в сортах камней,
Кого не взять подделкой грубой —
Ко мне! Ко мне! Ко мне! Ко мне!

Эстурвиль

Мессир, от вас я не отстану.

Шермолю

Приметы — быстро!

Эстурвиль

Смугл и тощ,
Силен в латыни, строен станом...

Шермолю

Ко мне, красотки, ибо дождь
Накрапывает и палатку
Придется на вечер свернуть!

Эстурвиль

Сметлив и пишет вирши гладко.

Тут Шермолю внезапно меняется в лице, оскалив острые и гнилые зубы.

Шермолю

Обворовал он вас?

Эстурвиль

Отнюдь!

Шермолю

Соседей ваших?

Эстурвиль

Полагаю —
Он чист как агнец между них.

Шермолю

Спаси нас, дева всеблагая!
Чем же не праведный жених?
Но вы его назвали вором —
Есть доказательства сего?

Эстурвиль

Так он ославлен приговором,
Что подписали два прево,
Семь настоятелей из дальних
Епархий и один судья.
Замешан он в делах печальных,
Но, право, не забочусь я,
Чтоб кем-то пойман был несчастный!
Я вас не выдам никому.

Шермолю

Мессир, вы к ратуше причастны?

Эстурвиль

Так что ж? Простите, не пойму.

Шермолю

А кто вас знает, что вам нужно?
Зачем вам нюхать здесь и там?
Живете с церковью вы дружно,
А тянетесь к дурным местам.
Мир изо всякой дряни соткан!
Всех слушай, ну а сам молчок!
Эй, не торгуйся же, красотка!
Эй, раскошелься, старичок!
Кому играть в бирюльки любо,
Кто знает толк в игре камней!
(Пропадает в толпе.)

Эстурвиль

Я, видно, одурачен грубо!

Голос Шермолю

Ко мне! Ко мне! Ко мне! Ко мне!

Эстурвиль бросается на этот призыв. Но ему загораживает дорогу Продавец реликвий.

Продавец реликвий

Вот тернии того венца,
Что надевал Спаситель!..
На вас, почтенный, нет лица,
Из фляжечки вкусите.

Эстурвиль

Где он? Где злобный Шермолю?
Где сей полночный филин?
Ах, укажите мне, молю!

Продавец реликвий

Я вас понять бессилен.

Эстурвиль отстраняет его и бежит дальше.

Эстурвиль

Ну как же, ну где же найти мне Вийона?
Иль принял меня этот шут за шпиона?
Проклятая давка! А рвани-то, рвани!

Шарлатан

Мессир, предлагаю свое дарованье,
Чтоб черная магия вас просветила!
Мне служат металлы, мне внемлют
светила.
Я вижу грядущее как на ладони.

Эстурвиль

Скажите, в каком непотребном притоне
Сейчас обретается тот неизвестный,
Кого я задумал?

Шарлатан

Вопрос интересный!
О лев Трисмегиста! О знак Пентаграммы!
О пламя Гекаты! Ступайте же прямо,
Шагайте, бегите, летите! Чрез месяц
Он встретится вам, коль его не повесят.

Эстурвиль бьет шарлатана. Тот кричит. Их с трудом разнимают. Эстурвиль садится на землю, широко расставив ноги, и тяжело дышит. Около него хлопочет Горожанин.

Горожанин

Ужели помутился ум
В таком дородном теле?

Эстурвиль

Повсюду адский треск и шум!
Добраться б до постели!

Горожанин

Вот вам совет лечебный мой:
Натрите салом спину,
Когда воротитесь домой,
И все виденья сгинут.

В это время в другой части ярмарки встречаются Шермолю и горбоносый малый с серьгой в ухе — Колен.

Колен

Вийон сюда приедет к ночи.

Шермолю

Сгинь, сатана! Здесь бродят псы.
Почуют, разорвут нас в клочья.

Колен

До дела считаны часы.
Ты будешь в боковом приделе,
Чтоб уберечь нас от засад.

Шермолю

А горожане поредели —
Их были сотни час назад.
Все бредят о бургундской гостье.

Колен

Плевал я на гостей чужих!
Желаю на любом погосте
Им так же дрыхнуть, как я жив!
Все из одной породы сучьей,
Всё их богатство — прах и тлен!
Имей в виду на всякий случай:
Я для Вийона не Колен,
А немец с примесью венгерца.
О нашем прошлом — ни гугу!
Чтоб у него не билось сердце,
Я буду вежлив, сколь могу.

Шермолю

Вийона ищут.

Колен

Знаем штучки!
Ты с нами смоешься, старик!

Мимо них проходит Эстурвиль с другим Горожанином.

Шермолю

Боюсь дождя из этой тучки.

Колен

Прикажешь сделать чик-чирик?

Картина четвертая

Внутренность церкви за алтарем. Сквозь цветное окно играет лунный луч. Вийон и Колен.

Вийон

Посвети мне сверху! Заступ!
Пошевеливайся, гад!

Колен

Zwanzig Hundert Teufel!

Вийон

Баста!
Завтра станешь ты богат.
Навались!

Колен

Jawohl!

Вийон

Сдвигаю!
(Отставляет плиту каменного пола и прыгает вниз, в подполье. Через несколько секунд выбрасывает вверх мешок с золотом.)

Колен

Gott im Himmel!

Вийон

Слышишь звон?
О мадонна всеблагая!
Взглянешь — и дыханье вон!
Нидерландские флорины,
Московитские рубли!
Золотом набей перины,
Спи, как папа, ай-люли!

Колен

Zwanzig Tausend Teufel!

Вийон

Кости!
Клетка плоти без души!
(Вылезает вверх, таща за руку скелет в черной сутане.)
Эй, безносая! Ты в гости
К нам до срока не спеши!
Мы еще с тобой станцуем
В зной, в грозу, и в снег, и в дождь!
Кавалер, как дама, тощ,
Целоваться не к лицу им.
Но она его берет
Крепко за руку и тянет.
Этот час для всех настанет,
Всех настигнет в свой черед!

Колен

Nicht so schrecklich dummer Kerl!
Bist du fertig? Komm mit mir!

Вийон

Видишь, немец, жемчуг, перлы,
Груды золота, весь мир!
Вот, на счастье и на горе,
Мир без ада впереди,
Без латинских аллегорий...

Колен

Aber schneller!

Вийон

Погоди!
Не монашески овечий,
Голый, страстный и простой, —
Вот он, мир мой человечий!

Колен

Schneller, Junge!

Вийон

О, постой!
Это стоит даже танца
На потеху дураков!

Колен

Aber willst du jetzt die ganze
Welt aufwecken, Eselkopf?
Willst du, Narr, in Hölle gehen?
Pest! Wir sind verloren schon!

Из темноты выступает Шермолю.

Шермолю

Кто здесь так самонадеян
Или разума лишен?
Кто, свершая в церкви кражу,
Прокопался до зари?

Вийон

Ты зачем оставил стражу?

Шермолю

Где же мой процент?

Вийон

(швыряет ему горсть монет)
Бери!

Шермолю

Обижаешь?

Вийон

Обижаю.

Шермолю

А за что?

Вийон

За то, что ты —
Тварь, навеки мне чужая,
Чьи проклятые черты
Я видал на каждом рынке,
Там, где преет барахло,
Там, где время по старинке
Нас на дружбу обрекло!

Картина пятая

За кулисами разыгрываемой на площади мистерии. Звон колоколов, певчие, неопределенный гул толпы. За столом, заваленным всякой снедью, вроде ливерной колбасы, омаров и прочего, подкрепляются трое: Бог-отец, Ева и Змей. Вбегает Эстурвиль.

Эстурвиль

Расселись, бездельники, так вас и так!
Устроили в небе вонючий кабак!

Бог-отец

Пожалуйста, не разоряйтесь, мессир!
Допью, что мне хочется, скушаю сыр.
Потом — лам-ца-дрица и лам-ца-ца-ца! —
Изрядно сыграю вам бога-отца!

Змей

Старик, дурачина! Ты мог бы греметь
В божественной роли, как трубная медь!

Бог-отец

И я загремлю еще!

Змей

Ты-то? Ого!
Ты, может быть, вспомнишь харчевню Марго.
До ветру пойдешь, потеряешь штаны,
Но ты не партнер для меня, сатаны!

Бог-отец

А хочешь по морде?

Змей

Попробуй посмей!

Ева

Зачем вы Всевышнего дразните, Змей?
Он добрый наш папочка!

Змей

Он-то? Ха-ха!

Бог-отец

Пожалуйста, Ева, уйди от греха!
Барбосы грызутся — не суйся щенок!

Эстурвиль

Мистерию вы превратили в шинок!
Вы все опоганили!

Бог-отец

К черту, ханжа!
В руках своих небо и землю держа,
Хлебнув этой мощи, я полон тоски,
Что от балагана сего ни доски,
Ни пакли, ни плошки вонючей, ни свеч
Нельзя для грядущих времен уберечь.
Да что толковать о других временах!
Но кто бы ты ни был — мирянин, монах,
Схоласт, ковыряющий важно в носу,—
Я все твои пакости смирно снесу.
Ну, твари, на сцену! Опять двадцать пять,—
Ваш мир сволочной создавать, и на пядь
Не сдвинув конструкций, — который уж год!
Сплошная халтура! Сплошной анекдот!

Трое исполнителей выходят на сцену. Доносится чтение виршей нараспев. Гул толпы понемногу стихает.

Эстурвиль

Ну, слава богу, начинаем! Ух!
Упарился, как ломовая кляча.
Едва держусь, едва дышу, распух.
А в животе от сдавленного плача
Так вот и жжет и ходит ходуном.
В кишках ли дело, вообще тоска ли?
О господи, молю я об одном,—
Дай мне терпенья!

Не замеченный им, сзади появляется Вийон.

Вийон

Вы меня искали?
Готов служить вам, чем возможно.

Эстурвиль
(подымает руки, как бы защищая голову)

Нет!
Все обошлось довольно гладко. Завтра
Вам будет выдан, ибо вы наш автор,
Мешок весьма увесистых монет.

Вийон

Сейчас. Немедленно! Не то я свистну
У вас играет часть моих людей.
Им ваше представленье ненавистно.
На свист они откликнутся.

Эстурвиль

Злодей!
Как это подло!

Вийон

Что такое «подло»?
Кто вырвал дело у меня из рук?
Кто начал первый? Кто пример мне подал?

Эстурвиль

Припомните! Я поступил как друг.
Я тоже мог бы свистнуть. И дороже
Вам обошлась бы наша встреча. Но
Я вас не выдал!..

Вийон

Да. Почти похоже
На правду. Но увы! Затемнено
Фигурой умолчанья. Объясните:
Кем и когда написанный донос,
Каких капканов порванные нити
Почуял ваш достопочтенный нос?
Без хныканья, без лишних отговорок!
Мне нужен только перечень клевет.
Что вам известно обо мне? Здесь дорог
Возможно более прямой ответ.

Эстурвиль

Вы молодец с большой дороги!

Вийон

Каюсь.

Эстурвиль

Вы богохульник!

Вийон

Горе мне! Увы!

Эстурвиль

Вы вор! Церковный вор!

Вийон

Не отрекаюсь.

Эстурвиль

Мессир, вы просто висельник!

Вийон

А вы,
Мэтр Эстурвиль?

Эстурвиль

Я вас не понимаю!

Вийон

Я доказать немедленно берусь,
Будь даже вся толпа глухонемая,
Что вы торгаш, и лжец, и вор, и трус!

Эй вы, нотабль, столп и душа общины,
Избранник гильдии, глава семьи!
Мы все-таки не шлюхи, а мужчины.
Мы сводим счеты старые свои.

Эстурвиль

Прошу уволить!

Вийон

Будьте добры слушать!
Достойны будьте собственных седин.
Что стоило вам договор нарушить
Со мной? О, вы здесь были не один!
За вами встал весь магистрат, все судьи,
Все алтари, всех пастырей орда,
Враждующая с нашей грешной сутью
И шлющая чуму на города.
Все встали скопом, вышли всей оравой,
Все завопили: «Караул! Он вор!»
И лишь одно мне подарили право —
Бежать! Так был разорван договор.

Эстурвиль

А разговор наш кончен!

Вийон

Нет, не кончен!

Эстурвиль

Начнем сначала, черт возьми!

Вийон

Так вот,
Мэтр Эстурвиль, известно вашим гончим,
Кто на подмостках уши граждан рвет?
Кто населил вам небо, ад и землю?
Кто сделал бога, ангелов, Христа?
Я, Франсуа Вийон!

Эстурвиль

С унынием внемлю,
Что мне глаголют грешные уста!

Вийон

Не унывайте! Все идет, как надо.
Звонят в колокола. Господь и черт
Оспаривают друг у друга стадо
Овечьих лиц и человечьих морд.
Я не подкапываюсь под святыни.
Не стану жечь стрельчатые леса.
Я сам учился по складам латыни.
И, может быть, я рано родился.
Но за непотревоженный порядок
Идущих там мистериальных сцен,
За овощи сил благолепных грядок
Вы мне должны,— не знаю ваших цен,
Скажу на глаз...

Эстурвиль

Ах, вот оно в чем штука!
За прозвище лжеца и торгаша,
За сей приход без спроса и без стука,
За наглость я не должен ни гроша.
Ступайте вон!

Вийон

Обдумали вы это?

Эстурвиль

Вполне обдумал. Кончим болтовню.

Вийон

Вы гоните несчастного поэта?

Эстурвиль

Я вижу хорошо, кого гоню!

Вийон

Что там идет?

Эстурвиль

Изгнание из рая.

Вийон

Куда ни повернись — сплошной разгон!
(Пытается выйти на сцену.)

Эстурвиль

(хватает его за рукав)

Я не пущу вас. Паки повторяю:
Прочь, негодяй! Ступайте к черту! Вон!

Вийон

Заплатите?

Эстурвиль

Не заплачу.

Вийон

Не двинусь.

Эстурвиль

Ах, спрячьте нож! Вы в бешенстве слепом!
Где ваша совесть?

Вийон

Где твоя невинность,
Младая шлюха!

Эстурвиль

Караул! На пом...

Вийон сует ему кляп в рот и связывает руки. Но тут сцена выворачивается наизнанку, и вот мы видим происходящее на подмостках.

Ева

Тебя, боже, хвалим!
Тебя, Змей, хулим!
Ты зело нахален,
Бабий подхалим!

Бог-отец

Ева, Ева, Ева,
Как вкусила ты
Плод незрелый с древа?

З м е й

Уползу в кусты.

Б о г - о т е ц

Нашим величавым
Гневом не давясь,
Речем сгоряча вам:
Рай наш не для вас.
Сень древес целебных,
Щебет райских птах
Не для непотребных.

З м е й

Веселюсь в кустах!

Е в а

Руки простираю!
Слезны токи лью!
Кланяюся раю!
Ах, почто терплю!

Б о г - о т е ц

В яблоке изверясь,
Будешь руки грызть!
Проклинай же ересь!

З м е й

Не моя корысть!

Когда Бог-отец спускается с подмостков, навстречу В и й о н.

В и й о н

Мажорден! Слушай. По сигналу,
Что я дам,— врассыпную все —
И в толпу! Сколько тут согнало
Богачей в боевой красе!
Лишь найдешь в давке толстосума,
Рви кошель — рви, не проворонь!
Коли свист не покроет шума,
В тот же миг запалю огонь.

Картина шестая

Представление мистерии продолжается. Бог-отец в силе и славе восседает на престоле, и вокруг него ангелы. Ад уже населен множеством грешников, которых черти коптят на вертелах и шевелят вилами. На земле — башни Иерусалима. Толстые горожане в наряднейших платьях, в меховых кафтанах, расшитых золотом, лупят кого-то по шее и зычно орут, но ни единого слова не слышно из-за гула толпы. В толпе шныряют торговцы, нищие, проповедники. Уже смеркается. Пыльно, дымно. Это последние часы выдыхающегося праздника. На переднем плане — ложа, отведенная для высоких особ. Метр Боэмунд Корбо ублажает принцессу Бургундскую. Принцесса, старая дева с перекошенным восковым лицом, пьет оршад.

Корбо

Весь этот бренный блеск в мягчайших переливах,
Все наше золото в чеканках прихотливых,
Всех литургий подъем, всех ладанов роса,
Всех певчих дишканты, что рвутся в небеса,
Всех ангельских фигур приятное паренье,
Все, что свершается пред вами на арене,
Не стоит розовой улыбки ваших уст,
Звезда Бургундии! Наш праздник был бы пуст
Без вашей милости. Внемлите благосклонно
Дождям благих словес, плодотворящим лоно
Торжественной толпы. Нас тьмы не сокрушат!
Да возликует бог в сердцах!

Принцесса

Где же оршад?

Около принцессы суетятся клирики и дамы. В ее кубок льют прохладительное, ее лик овевают опахалами. В дальнейшем действие переносится в толпу. Внимание зрителя сразу оказывается разбросанным по множеству направлений. Все реплики толпы идут на фоне очень далекой, но постепенно приближающейся мелодии. Наконец она превратится в трепетанье сотен струн, и тогда о ее дальнейшем развитии будет сказано особо.

Кавалер

Любимая, ради венца
Той муки, что принял Спаситель,
Отведав сего леденца,
Орешком его закусите,
Отпейте из кружки глоток,
И душенька, полноте злиться!

Проповедник

Я исходил трикраты весь Восток,
Зрел идолов накрашенные лица,
Зрел гарпий, и грифонов, и химер,
Людей, как псы, в шерсти и лопоухих.
Мои стигматы — святости пример.
Мрут во плоти, дабы воскреснуть в духе.
Знай, мытарь! Знай, мирянин! День суда
Не за горами, ибо срок недальний...

Дама

Так, значит, ровно в полночь? Да?
Вот вам ключи от спальни.

Любовник

Но горничная сторожит
В светелке вас соседней.
А ваш супруг, хотя и жид,
Вояка не последний.

Дама

Я горничную отошлю
К снохе, коль вам угодно,
А муж уехал с Шермолю.
Я жду вас. Я свободна.
Но если он придет, в сундук
Полезете — и крышка!

Монах

Отчего-то пояс туг,
Отчего-то жжет отрыжка.
Что я скушал? Трех цыплят.
Что я выпил? Треть бочонка.
Что меня сразило? Взгляд.
Кто меня лечил? Девчонка.
Отчего же смутно все
И слегка дрожат колени?

Игрок

Вертись, не зная лени,
Фортуны колесо.
Эй, попытайте участь,

Читайте между строк,
Не труся и не мучась,
Что повелит вам рок.
Подбрасываю кости,
Выигрывает чет!

Схоласт

Дьявол суемудрия столь злостен,
Что неправый силлогизм влечет
Цепь неправых умозаключений.
Гладки взятки с гибнущей души.
Ждет ее во все века мученье.
Посему не рвись и не спеши!
Знай: на свете измышлений грязных
Quantum satis — сиречь, сколько съешь!

Продавец игрушек

Раскошелимся на праздник!
Мама, деточку утешь!
Барабаны, бубны, дудки,
Эфиопские слоны,
Поросята, черти, утки,
И жонглеры-плясуны,
Пересмешники-пищалки,
Погремушки с бубенцом...

Проповедник

Отворотись от непотребной свалки!
Зажми ноздрю и с благостным лицом
Минуешь вонь грибов, капусты, лука, —
Вонь, от которой на сердце свербит...

Вспыльчивый

А это вам, мессир, наука!
Не стерпит дворянин обид!
Раз! Можете поднять перчатку!
Два! Шляпу подлую долой!
Три!..

Другой вспыльчивый

Призываю вас к порядку!
Взбешен я глупою хулой!
Ничтожество!

Первый вспыльчивый

Как вы сказали?

Другой вспыльчивый

Что вы не рыцарь, а дерьмо!

Первый вспыльчивый

Здесь камень будет кровью залит.
Пусть на щеке горит клеймо!
И коль пощечины вам мало,
Могу пощекотать клинком!

Дерутся. Вокруг, в столбе пыли, кольцо зевак.

Нищий

Мне пытка суставы сломала!
Я с петлею близко знаком!
Я тоже главою не скорбен
И в юности был хоть куда,
И вот в три погибели сгорблен,
Прошли огневые года.
Подайте же мне, ради бога!
Мессиры, подайте мне су!

Нищенка

Подайте хромой и убогой!

Бесноватый

Я головою трясу
Денно и нощно три года!

Струнное трепетанье переходит в нестройный, сначала жалостный, потом угрожающий хор нищих, которые с наступлением вечера выползают из всех частей ярмарочных строений.

Нищие

Еще непогода
Гуляет в лесу!
Людская невзгода
Пугает красу.
Железные когти
Скребутся по платью.
По грязи, по дегтю
Не любо гулять ей.

В ложе принцессы смятение. Ее дамы визжат, и многие падают в обморок.

Еще мы воспрянем —
Лишь дайте нам срок —
По дальним, по ранним
Распутьям дорог,
По пням и корягам,
Нагорьям и логам,
Змеиным оврагам,
Кабаньим берлогам.

Корбо несколько раз безуспешно машет платком, пытаясь прекратить представление. Многие из чертей присоединяются к нищим.

Никто нас не ищет!
Мы сами найдем, —
Лишь ветер засвищет,
Мешаясь с дождем!
По стокам подземным,
По ржавчине тусклой
Проложено всем нам
Могучее русло.
И струйки без счета
Сочащихся вод
Когда-нибудь кто-то
Рекой назовет.
Возникнем из тины,
Ворвемся, как воры,
Смывая плотины,
Срывая затворы,
Сметая запруды
И смехом давясь!
...Где свалены груды
В подвалах у вас?!

Резкий свист. Вийон подымается на подмостки, вырывает у одного из чертей зажженный факел и швыряет его в толпу. Бог — Мажорден, сняв бороду и венец, лезет в давку.

Часть третья

КАПКАН

Нас дождями вымыла гроза,
Солнце высушило для красы,
Выклевали вороны глаза,
Выдрали нам брови и усы.
Фр. Вийон

Картина первая

Голое поле. Дождь. Вийон и Мажорден бегут. Вийон простоволос, согбен, страшен. Мажорден оброс рыжей бородой.

Вийон

Скорей! У них собачий нюх
И сотня рук и глаз.
Скорей! На запад и на юг
Отрезан путь для нас.
Всю Францию, весь мир пройди,
Во все глаза гляди —
Одна погоня позади
Да гибель впереди.

Бегут дальше. Перед ними ствол дерева, расщепленного грозой. В сучьях раскачивается тело повешенного.

Вот он, судьбою данный знак,
Угроза иль урок,
Что будешь так же тощ и наг
И вздернут вверх, дай срок!
Как обратиться? Ваша честь!
Мессир! Мертвец! Дерьмо!
(Словечко и похуже есть,
Тут просится само.)
Эй ты, обглоданный стручок
Вороньей требухи!
Кто стер загар с колючих щек,

Кто счел твои грехи?
Кто, прыгнув на плечи к тебе,
Труп раскачал и слез,
Чтобы окрестной голытьбе
Был страшен этот лес?
Короче — эй, снимай башмак,
Швыряй ко мне в мешок,
И завари червям форшмак
Из собственных кишок.
Прощай! Недолго встречи ждать.
Шли письма нам в Париж.
Узнаешь рая благодать,
Коль в пекле не сгоришь.

При слове «Париж» тело срывается с петли и, брякнув костьми, падает наземь, лицом вверх и раскинув руки. На груди у него дощечка с именем. Вийон наклоняется, читает и отшатывается.

Стой, Мажорден! Не шевелись!
Читай: и я и он,
Мы, несмотря на разность лиц,
Мы, черт возьми, Вийон.
Ошибка? Нет! Все ясно. Я
Здесь назван на доске.
О мать, старушечка моя!
Мне тошно. Я в тоске.
Итак, они нашли меня,
Примет не разобрав,
Напрасно по свету гоня
Сто сыщицких орав.
И, взвыв от радости и с ног
Сбив малого сего,
Чтоб он очухаться не смог,
Задали торжество.
Итак, дыши, гуляй, меняй
Любые имена!
На свете больше нет меня.
Есть мена! Вот она?
(Подкидывает носком башмака
дощечку с именем повешенного.)
И впредь ни сыска, ни облав.
И, к черту всех послав,
Оставлю Францию в ослах!
Господь, к нам буди благ!

Двойник! Ты пахнешь хуже всех
Ям выгребных земли.
Тебе оскалил зубы смех,
Тебя не погребли...
Вийон, школяр, бродяга, вор,
Веселый человек!
Так мы кончаем разговор,
Прощаемся навек!
Спи, мой дружок! Года бегут.
Нам нет пути назад.
Здесь из пеньки свивают жгут.
Там — логово засад.
А там — река. А там — Париж.
А там — гнездо святош.
Куда ни кинешься, сгоришь.
Везде одно и то ж.
Всю Францию, весь мир пройди,
Во все глаза гляди —
Одна погоня позади
Да гибель впереди.
На свете много разных чувств.
Их сила мне чужда.
И я с тобою распрощусь,
Как мне велит нужда, —
Без оправданий, без нытья,
Без всякой доброты.
Спи крепко, молодость моя!
Я все сказал. А ты?
(Наклоняется над мертвым.)

Картина вторая

Сводчатое подземелье. Чадят факелы. Писцы скрипят перьями. Где-то звонит жидкий колокол. Мэтр Боэмунд Корбо допрашивает связанного полуголого человека, в котором очень трудно узнать Вийона.

Корбо

Что ты дрожишь, бедняк?

Вийон

В тюрьме свежо.
Со стен течет, и лестницы сырые.

Корбо

Как твое имя?

Вийон

Филибер Пюжо.

Корбо

Лжешь!

Вийон

Присягаю именем Марии.

Корбо

Откуда ты?

Вийон

Из Мена, монсеньор.

Корбо

Бродяга?

Вийон

Нет. Я торговал резными
Фигурками святых.

Корбо

С каких же пор
Переменил ты ремесло и имя?

Вийон

Не понимаю.

Корбо

Среди прочих всех
Бездомных ты сугубо неприятен.
В твоем кривлянье чую адский смех
Отчаянья и пламя язв и пятен
На дьявольском челе. Ты болен?

Вийон

Да.

Корбо

Что за болезнь тебя снедает?

Вийон

Голод.

Корбо

Знавал ли ты Колена?

Вийон

Никогда.

Корбо

А Шермолю?

Вийон молчит.

Прошел ты, видно, школу
Хорошую. Остережемся впредь
Упоминать их. Насладимся ложью.
Развязывай язык во славу божью,
Дабы беседу нашу разогреть.

Вийон

Но в чем я обвинен? За что я забран?

Корбо

Ты с пунктами дознания знаком.
Ты эфиопскую абракадабру
Нам лепетал безумным языком.
Шла за тобою черная собака.
Ты в пальцах мял сухой травы пучок.
И некто позади тебя заквакал,
Застрекотал, заблеял. Бледность щек
И огнь очей изобличают гнусный
Твой замысел. Улики нам ясны,
Тем более, что ты и лжец искусный,
Как подобает слугам сатаны.

Вийон

Пытайте. Я неправедно оболган.

Корбо

Эй, берегись! Дверь крепко заперта.
Мы почитаем безусловным долгом
Клещами вырвать правду изо рта.

Вийон

Я, монсеньер, не девочка.

Корбо

Не спорю
И уважаю старость и нужду,
Не прибегаю к крайнему подспорью,
Не тороплюсь и время перержду.

Вийон

Что вам угодно знать?

Корбо

Припомни дело!
Ты, Шермолю, Колен в лихую ночь
Втроем сошлись у некого придела,
Чтоб золото из церкви уволочь.

Вийон

Я не был там.

Корбо

Не слишком ли поспешен
Ответ! Подумай! Незачем болтать.
В той давней краже был еще замешан
Не ты, другой. Но он давно повешен —
Сей нераскаянный злодей и тать.

Вийон

Но я-то здесь при чем? Их было трое.

Корбо

А ты считал их?

Вийон

Так сказали вы.

Корбо

Не утверждаю, лишь догадку строю,
Удобную для *третьей* головы.
Но слушай дальше. Цепь улик сквозная
По следу вышеназванных имен
Вела к тому, что в деле обвинен
Не ты, а некий Франсуа Вийон.
Сей вор повешен.

Вийон

Я его не знаю.

Корбо хлопает в ладоши. Вводят Колена. Он еле стоит на ногах. Правый глаз выколот.

Корбо

Ну, Филибер Пюжо, ответь ему.
Молчишь? Ты и его признать не хочешь?

Вийон

Вийон повешен.

Корбо

Что ты там бормочешь?

Вийон

Прошу вас отослать меня в тюрьму.

Корбо

В тюрьму? Тебя? Нет, мой красавец, поздно.
Сначала ты раскаешься во всем
И будешь уличен во лжи, опознан
И на веревке к небу вознесен.

Вийон
(на коленях)

Имейте жалость к ссадинам и струпьям,
Покрывшим плоть мою. Я изнемог.
Три месяца, как я не сплю.

Корбо

Приступим!
Писцы, чините перья. С нами бог!

Колен
(тихо Вийону)

Всех Шермолю засыпал. Зубы крепче
Сжимай и ни гугу. Эс вирд бо-бо.

Вийон

Сжать крепче зубы? Верно.

Корбо

Что ты шепчешь?

Вийон

Что ты меня не узнаешь, Корбо!..
(Подымается с колен.)
Кто я? Спроси у подорожной пыли,
У семисот семидести семи
Харчевен, что прибежищем мне были.
У всей шпаны, моей большой семьи.
У виселицы, там, на голом поле,
Где хлещет дождь. У серых облаков.
У памяти твоей. Мы вместе в школе
С тобой учились. Вот кто я таков.

Корбо встает, вглядывается в говорящего. Вийон запевает хрипло и дико.

Голод — не тетка.
Голод — не шутка.
Вот как
Жутко
Воет живот.
Стужа — не бабка,
Штопать не станет.
Шапку
Стянет.
Плащ разорвет.
Здравствует ноне
Пузо монашье,
Но не
Наше...

Писцы

(вскакивают)

Он сумасшедший!

Вийон

Очините перья,
Пишите: завещание. В своем
Уме и твердой памяти теперь я.
Зовут меня...

Корбо

Оставьте нас вдвоем.

Все уходят.

Вийон

Ну, что же ты смотришь так пристально?
Вспомни
Меня, монсеньер! Вспомни зимнюю ночь,
Сорбонну и двух школяров!

Корбо

Не легко мне.

Вийон

Приходится, видно, и в этом помочь.
И я помогу тебе. Только вчера —
Старик, вспоминаешь? — мы дрогли и мерли,
Нужда клокотала в ребяческом горле.
И были на многое мы мастера.
А лавочник скуп. А привратник неласков.
А пес больше нас на цепи одинок.
А помнишь? Зубами полночи проляскав,
Бывало, стучим в милосердный шинок.
И тут началась, и пошла, и помчала
Ужасно веселая жизнь...

Корбо

Кой о чем
Нам следует уговориться сначала.
Твоими речами я не увлечен.
Зачем они тут? Ни к чему совершенно!

Вийон

Постой, монсеньер! Прогадаешь, гляди!
И я ведь уже не школяр оглашенный.
И много и много всего позади.
Но только одним я богаче сегодня.
И только одним поделюсь я с тобой.
Со всею природой, со всей преисподней,
Со всею, какая живет, голытьбой!
Какая там малость еще дорога нам?
Каким там добром дорожить на земле?
Пока не скрутили нам глотки арканом,
Пока уголек еще тлеет в золе,
Пока нам не выклюет очи ворона,
Не вытравит зной бровей и бород, —
Эй, слушай! Не песня — так я тебя трону.
И старый озноб до костей проберет.
И будешь ты мне благодарен навеки
За то, что зудит эта стужа в костях.
И память проснется в тебе. В человеке.
В бездушном. А все остальное — пустяк.

Корбо

Уйди! Я клялся всемогущему богу,
В ладонях бессмертную душу неся,
Остаться бездушным.

Вийон

Черно и убого
Твоя благодать рассыпается вся.

Корбо

Уйди! Я не знаю сих двойственных истин.
Я честный монах. Я сухой человек.
Я сделал свой выбор. Ты мне ненавистен.
Ты мне безразличен. Простимся навек.
Не ведаю, кто ты. Забыл твое имя.
Но кто бы ты ни был — мертвец иль Вийон, —
Молчаньем своим и очами моими
Ты снова опознан и вновь обвинен.
Молчи на дознаниях. Любому из судей
Доверю сию невеликую честь.
И если другой доберется до сути,

Тебе приговор он сумеет прочесть.
Мы — стража у врат, перед коими молча
Склоняетесь ниц или гибнете вы.
Мы — пастыри душ и водители полчищ,
Так что́ нам до горя одной головы!
Я взвесил на чистых весах твою участь
И несколько взятых из церкви монет.
Они тяжелей. Не хитря и не мучась,
На все твои просьбы ответствую: нет.
Но прежде чем сгинуть, ты всмотришься зорче
И глубже в отверстую бездну времен,
Шарахнешься с воплем и скрючишься в корче, —
Ты мертвый, ты вор, ты мой сверстник Вийон.
И в смертном поту ты припомнишь и стужу,
И друга, и мать, и парижскую ночь.
И дикую песню затянешь все ту же.
Но петля все туже. И нечем помочь.
Ты рухнешь тогда на колени, взывая:
«Где юность? Откликнись, живая душа...»
Душа ни одна не услышит живая.
И влезешь ты в петлю, уже не дыша.

Картина третья

Тюрьма. Вийон, Шермолю, Колен. Все трое закованы. Вийон на полу, животом вниз, усердно пишет. Шермолю ходит из угла в угол, волоча цепь и бормоча. Колен за ним наблюдает.

Шермолю

Мессир Готье мне должен двадцать девять.
Блез Пишегрю — двенадцать. Рабюто
Из Валь де Гра, благодаренье деве,
Мне должен больше года ровно сто.
Кабатчица в Блуа, кривая шлюха,
Брала без счета, но по мелочам.
Ее племянник обо мне пронюхал
И подбирался, черт, к моим ключам.
Я натравил на негодяя даму.

Чем кончилась их драка, знает черт.
Но надо начинать опять с Адама,
Иначе счет не точен и не тверд.
Итак, еще раз: Пишегрю двенадцать,
Сто Рабюто. Кабатчица в Блуа...
(Задумывается, продолжает счет по пальцам.)

Колен

Передо мной ты будешь извиняться,
Будь ты хоть сам Людовик Валуа.
А сколько мне ты задолжал, забыто?

Шермолю

Тебе? Ни су. Все, что вдвоем добыто,
Подсчитано. Дележ был на двоих.

Колен

Нехорошо обсчитывать своих!

Шермолю

В своих расчетах я ужасно точен.
В пути платил я за тебя?

Колен

Не очень.

Шермолю

Брось, милый мой! Ты съел благую треть.

Колен

А вычеты?

Шермолю

Собака, вор, ублюдок!
Сколь жарко в пекле будешь ты гореть!

Колен

А ты хоть и посредственное блюдо,
Пойдешь туда же — в погреба, в засол,
Хоть и протухнешь быстро.

Шермолю

Как ты зол!
Лжец, сквернословец, вымогатель, гнида,
Поганый сток для спуска нечистот!
Тебя повесят завтра утром. И да
Чертополохом прах твой зарастет!
А я покаюсь, как бы ни был грешен.
О да! Я грешен, но я замолю
Перед Пречистой...

Колен

Будешь ты повешен!

Шермолю

Кто? Я? Хо-хо!

Колен

Ты, скупщик Шермолю!

Шермолю

Покоен будь, несчастный человечек!
Я жертвовал всем пастырям Христа
И буду жертвовать. И сотню свечек
Поставлю вновь. Душа моя чиста.
И что омыто в золотой купели —
Бог примет в милосердии своем!
Что ж вы притихли? Раньше песни пели,
Острили благодушно...

Колен

Мы споем!
Еще услышишь, сам же нам подтянешь,
Еще придется голосить тебе,
Еще вопить о милости устанешь
И вымокнешь с бессмысленной божбе.
Эй, брат Вийон! Нам предстоит работа —
Содрать с него недоданную дань.
Клянусь, что выжму до седьмого пота
Сию глухую гарпию!

Вийон

Отстань!

Колен

Эй, брат Вийон! Однако ты спокоен.
Ты, верно, позабыл, что впереди
Нам развлеченье предстоит, о коем
Гласит свирепый приговор.

Вийон

Уйди!

Колен

Эй, брат Вийон! Ты здорово невежлив!
Я рассказать тебе хотел бы жизнь.
Последний час — уж это не рубеж ли
Для искренности нашей?

Вийон

Отвяжись!

Колен

Такая гордость очень худо пахнет!
Клянусь я братством четырех стихий,
Что мой кулак по темени шарахнет
Дурного друга!

Вийон
(вскакивает, бешено)

Я пишу стихи.

Картина четвертая

Там же. Колен и Шермолю спят. Вийон, писавший всю ночь, приподымается.

Вийон

Спят завтрашние смертники,
Открыв сухие рты,
Твои друзья и сверстники.
А ты, Вийон, а ты —
Строчишь ли, умирая,

Письмо веселым женщинам,
С тобою, бедный фраер,
Не спавшим и не венчанным?..
Строчишь ли, бос и наг,
Бродягам завещанье?
Брось! Вытащит монах,
Как обещал, клещами
Всю правду дорогую
Из воющего рта.
И чем я тут торгую?
В карманах ни черта!
Брось, Франсуа, в уме ли —
Балладу всех баллад
Зароешь в подземелье,
Как трехсотлетний клад?
А вы, менялы, скупщики,
Гиены барахолок!
Коснитесь носа, губ, щеки —
На ощупь страшен холод?
Потух в глазах огонь,
Не счесть на кости трещин.
Но свист ночных погонь
Моим стихам завещан.
Вы заперли здесь наглухо
В засаде этой волчьей
Меня, седого, наглого,
Чтоб подыхал я молча?
Храпите же усердно,
Желудками урча,
Когда из тьмы посмертной
Задам я стрекача!

Входит тюремщик.

Тюремщик

Эй, потеснитесь, шкуры!
Прибавилось к вам общество.
Лихие балагуры
Ждут не дождутся, топчутся
У вашего порога.
Тут вся мирская рвань.
У всех одна дорога.

Вийон

Не смей в такую рань
Над нами каркать, ворон!
Не смей будить товарищей!
Хоть и шельмован вором,
Но я живая тварь еще.

Тюремщик

А ты скули пожалобней!
Тюрьма стоит три века,
Но смерть не задержала в ней
Без нужды человека.
Пенька ли не намылена,
Перо ли не скрипит,
Сова ли куму-филину
На свалке не вопит?
Так потеснись же, узники,
Чтоб в мордах разобраться!
Раз на тропе вы узенькой,
То между вами братство!

Вваливается пестрая компания нищих, калек, беспо*ватых*. С некоторыми из них мы встречались в разных частях поэмы: в харчевне, на ярмарке, во время представления мистерии. Есть и ряженые — в дьявольских харях, с рогами. Это сборище вопит, приплясывает, ползает, теснится. Тюрьма несколько накренилась набок. Окно под напором десятка рук покосилось. Решетка сорвана. За окном ветер.

Нищий

Откликайся, кто поближе,
Кто тут жив и умер кто,
Кто из Гавра, из Парижа,
Орлеана иль Бордо?
Пересохшими устами
Присподеве голося,
На мостах и под мостами
Дрогла шайка наша вся.
Здесь, по крайности, обсохнуть
И очухаться дадут.

Вийон

Предстоит тебе издохнуть,
Дорогой товарищ, тут.

Завтра ты взлетишь на воздух,
Дрыгнешь пятками, хоть плачь!
Нас господь на то и создал,
Чтобы ел и пил палач.

Нищий

Вижу, ты остряк не хитрый,
Свой же и могильщик сам.
Руку дай и слюни вытри —
И без жалоб небесам!
Скольких тут беда согнала!
Что ни харя, то артист!
Ждут лишь первого сигнала.
Только свистни, и на свист
Наша рать учетверится,
Разобьет затвор тюрьмы.
И пречистую царицу
Низведем на землю мы.

Вийон

Знатно сказано, иуда!
Но бессмыслен разговор.
Как ты вырвешься отсюда?
У замков тугой затвор.
Камень крепок, рвы глубоки,
И гниет во рвах вода.
Мы бессильны и убоги.

Нищий

Значит, все пропало?

Вийон

Да.

Нищий

Может быть, столетья на три
Я сейчас гляжу вперед.
И речей моих в театре
Зритель и не разберет.
Как и прочие несчастья,
Мне и это нипочем.
(Обнимает Вийона за плечи и шепчет ему на ухо.)
Вспоминаешь в первой части

Встречу с неким трепачом —
В пустырях, на огороде?
То была лихая ночь!
Наша встреча в том же роде:
Мы пришли тебе помочь.

(С неожиданной ловкостью подымается к окну, таща за собой Вийона.)

Вот он, мир ночной, всегдашний,
Ночь. Туман. Внизу река.
Амбразуры. Шпили. Башни.
Словом, средние века.
Где-то малый огонечек
Заморгал, опять потух.
Где-то в самом сердце ночи
Закричал со сна петух.
Через час и утро вспыхнет.
Но разбудит ли святош?
Стража спит?

Вийон

Как будто дрыхнет.

Нищий

Сколько их?

Вийон

И не сочтешь.

Нищий

Так за мной,— гуськом и молча,
Не дыша и рты зажав.
Крепко спит засада волчья.
Наш замок разбит и ржав.
Видишь? Выветренный камень
Превращается в труху.
Только тронь его руками —
И пойдет кропить вверху.
И пойдет ломать стропила,
Сыпать известью с бойниц.

Тюрьма кренится, оседает и раскалывается пополам.

Смерть! Ты нищих торопила?
Преклонись пред нами ниц!

Картина пятая

Городской вал. Рвы. Нищие бредут, спотыкаясь.

Нищий

В ночь такую твари чахлой
Носа высунуть нельзя.
Но уже весной запахло.
Мокрый снег летит в глаза.
Дай мне руку! Мимо башен,
Тюрем, рынков и церквей.
Этот мрак для нас не страшен.
Стой. Здесь рытвина. Левей!
Спуск. Потеря равновесья.

Вийон

Колокольный слышишь звон?

Нищий

То владыки мракобесья
Нас клянут и гонят вон.

Вийон

Видишь? Сколько красных глаз там,—
Нечисть, что ли, поползла?

Нищий

То мерещится схоластам
Кухня ведьмы, вонь козла.

Вийон

Топоры стучат по срубам.
Меж бойниц растут леса.
Отвечают зычным трубам
Буйных сборищ голоса.
Мореходами отыскан
Рай невиданных земель.
Винным пурпуром обрызган
Мира юношеский хмель.
На таимое доселе

Глаз художника остер.
И кипит, кипит веселье.
И широк земной простор.
Ткут, гранят, куют, чеканят.

Нищий

Это мчится новый век.
Но и он, как прошлый, канет.
Дальше, дальше, человек!
Время льется неизбывней.
Спуск опасный перейден.

Вийон

Слышишь гул железных бивней,
Пенье ткацких веретен?
Видишь пятна желтых зарев,
Непонятных ламп шары?
Что за город, разбазарив
Столько яркой мишуры,
Рвется вверх в огне и дыме,
От кровавых ссадин рыж?

Нищий

Там мы были молодыми.
Этот город — твой Париж.

Вийон

О, скорей из этой ночи!
Где же утро, наконец?

Нищий

Нет путей к нему короче.
Ты же сам его гонец.

Вийон

Где мы? В будущем? В бывалом?
Или время в нас уже
Перед собственным обвалом,
На последнем рубеже...
Только вьюга рвет отребья,
Только свист облав в ушах.

Мчатся кочки, рвы, деревья,
Истлевая, что ни шаг.
Плача, мстя, трясясь, ощерясь,
Через время, через жизнь
Неоконченную, через
Будущее...

Картина шестая

Добротная кожаная мебель конца XIX века. Сутулые старики в сюртуках заседают. Сверкание расчесанных седин и розовых лысин.

Первый старик. Кончая свой этюд о жизни Вийона, я еще раз констатирую, что нам о его жизни ничего не известно. Существовал ли он, как его звали, был ли он повешен? Все эти вопросы все еще стоят перед нами! *(Садится. Сморкается.)*

Аплодисменты.

Второй старик. Смею утверждать три несомненные истины. Вийон родился в тысяча четыреста тридцать первом году. Истинное его прозвище не то Корбейль, не то Корбье, не то Корбо. Он был повешен после длительного заключения в Руанской тюрьме. Это явствует из многажды цитированных баллад, равно как из более поздних документаций. Но мы на этом не остановимся. Мы должны соединить в себе терпение ученых и чутье сыщиков. По следам облав и доносов той эпохи мы вычертим весь грязный путь нашего подсудимого, то бишь — нашего гениального поэта.

Третий старик. Пустая трата времени. Ибо Вийон вообще никогда не существовал. Это имя есть собирательный псевдоним, мистификаторский трюк. Так забавлялась некая утонченная компания при куртуазном дворе Шарля Орлеанского. Клеман Маро, по приказу Франциска Первого, опубликовал пародии своих предшественников, приписав их некоему Вийону. Публикация продолжает шутку — вот и все.

Четвертый старик. Ваша рискованная концепция не столь нова, как кажется. В шестидесятых годах прошлого века в Бельгии появилась анонимная брошюра, где весьма красноречиво проводится та же мысль, а между тем...

Третий старик. А между тем я ее не читал.

Четвертый старик. Тем более странное совпадение. Если бы не ваша уважаемая реплика, я бы обвинил вас в плагиате.

Первый старик. Не будем останавливаться на этом, коллеги. Мы уклонились от предмета.

Вийон (*выступает вперед*). Я вас верну к исходной точке.

Старики кряхтят, силясь оценить появление чужеродного тела в их среде. Это тем более трудно, что Вийон запылен, оборван и дрожит всем телом.

Первый старик. Откуда вы?

Вийон. Из Сорбонны. Мне легко вернуть вас к исходной точке, ибо эта точка — я.

Все старики. Вы? Кто вы?

Вийон. Я — Франсуа Вийон. Я родился в тысяча четыреста тридцать первом году. Я автор моих баллад.

Первый старик. Вы наглый мистификатор или жалкий психопат. Коль скоро личность Вийона не установлена, какое право имеете вы на то, чтобы быть им?

Второй старик. Я должен уточнить коллегу. Именно, поскольку личность Вийона установлена, ваша претензия смехотворна и уголовно наказуема. На языке нашего кодекса она именуется шантажом.

Нищий. Я должен вмешаться!

Второй старик. Что это за пугало?

Нищий. Вы угадали. Я Пугало. Но не больше, чем вы. Вам предлагаются на выбор два варианта. Первый: Вийон снится или, так сказать, мечтается вам. Второй: все вы скопом снитесь, или, так сказать, мечтаетесь ему. В обоих случаях факт встречи между вами может быть использован в интересах науки.

Второй старик. Предвкушаю богатейший материал. Скажите, любезнейший, были вы молодцом с большой дороги?

Вийон. Не отрекаюсь.

Второй старик. И к тому же богохульником?

Вийон. Горе мне, увы!

Второй старик. А как насчет ограбления церквей?

Вийон. Каюсь.

Второй старик. И, наконец, щекотливый вопрос: были вы повешены, кем, когда, за что?

Вийон. Постойте! (*Трет лоб.*) А вы?

Второй старик. Что вы хотите сказать?

Вийон. Это допрос? Облава, от которой я бежал сломя голову в течение последних лет жизни, продолжается и тут? И эта книжка в желтой обложке оказалась самой грозной уликой против меня? Да я ее и не писал никогда, если на то пошло!

Третий старик. Вот видите! Я говорил!

Вийон. Вы пороли чушь! Не ради вас я отрекся от своей души.

Четвертый старик. Этот мертвец безнадежно путает наши карты.

Вийон. Еще не известно, кто из нас мертвец! Так вот оно, твое хваленое бессмертие, Пугало? Вот чем хотел ты удивить меня в ту ночь, когда подарил мне шляпу?

Ты, раздаватель рваных шляп
Под проливным дождем!
Я чувствовал, что ты пошляк.
Я в этом убежден!
В ту ночь, могуществом кичась,
Ты на моем пути
Был перепутьем. А сейчас
Мне некуда идти.
А ты восторженно, как встарь,
Не чуешь — это смерть!
Но я измученная тварь,
А ты сухая жердь.
Скорей назад, в мой черный мрак,
В пятнадцатый мой век,
Где после стольких дружб и драк
Истлеет человек.
Назад — или, верней, вперед,
Чтоб дописать хоть стих,
Которого не разберет
Никто из чучел сих,

Чтоб досмеяться, доболеть,
Дослушать, доглядеть!

И уже в полной темноте — последний вопль.

А песня вновь свистит, как плеть.
Куда мне песню деть?

Картина седьмая

Тюрьма. Три спящие фигуры. Входит Тюремщик. Все трое вскакивают.

Тюремщик

Ты, Пьер Колен, по прозвищу Козел,
Ты, Шермолю, меняла, скупщик, вор,
Ты, Филибер, иль как там звать тебя,—
По совокупности вреда и зол,
Что нанесли вы людям, приговор
И прочее гласит вам. «Истребя
Имущество, водить в базарный день
По городу, чтоб устрашить воров
Руанских, и повешенью предать».
Вставай, ребята, рвань свою раздень,
Молись, кто верит! Трупы кинем в ров,—
И да почиет с вами благодать.

НЕТЕРПЕНЬЕ

НЕТЕРПЕНЬЕ

Склад сырых неструганых досок.
Вороха не припасенных в зимах,
Необдуманных, неотразимых
Слов, чей смысл неясен и высок.

В пригородах окрик петушиный.
Час прибытья дальних поездов.
Мир, спросонок слышимый, как вздох.
Но уже светло. Стучат машины.

Облако, висящее вверху,
Может стать подобьем всех животных.
Дети просыпаются. Живет в них
Страсть — разделать эту чепуху

Под орех и в красках раздраконить, —
Чтоб стояли тучи, камни, сны,
Улицы, товарищи, слоны,
Бабушки, деревья, книги, кони...

Чтобы стоили они затрат,
Пущенных на детство мирозданьем,
Чтобы жизнь выплачивала дань им,
Увеличенную во сто крат.

Нетерпенье! Это на задворках
Мира, где царил туберкулез,
Где трясло дома от женских слез, —
Доблесть молодых и дальнозорких.

Нетерпенье! Это в жилах руд
Чернота земной коры крутая.
Вся земля от Андов до Алтая,
Где владыкой мира станет труд.

Лагерь пионеров. Трудный выдох
Глотки, митингующей навзрыд.
Край, который начерно разрыт.
Сон стеблей, покуда еле видных.

Звон впервые тронутой струны.
Где-то на дощатой сцене в клубе.
Нетерпенье — это честолюбье
Окруженной войнами страны.

В ТОТ ГОД

В тот год, когда вселенную вселили
Насильно в тесноту жилых квартир,
Как жил ты? Сохранил ли память или
Ее в тепло печурки превратил?

Ты помнишь? Нечего жалеть и нежить.
Жги! Есть один лишь выход — дымоход.
Зола и дым — твоя смешная нежить.
Твоя смешная немочь, Дон-Кихот.

Век начался. Он голодал Поволжьем.
Тифозный жар был как с других планет.
«Кто был ничем, тот станет...» Но ты должен
Поверить, ибо большей правды нет.

Она придет, как женщина и голод.
Все, чем ты жил, нещадно истребя.
Она возьмет одной рукою голой,
Одною жаждой жить возьмет тебя.

И ты ответишь ей ночами схимы,
Бессонницей над бурей цифр и схем.
Клянясь губами жаркими, сухими
Не изменять ей. Никогда. Ни с кем.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВЕКА

На улицах рос человеческий шквал.
Рекламы учились у лир.
Гравер чертовщину дождем штриховал.
Чеканил звезду ювелир.

И вырос над веком бессонный завод,
Весь в звоне стальных веретен,
Весь в клубах своих дымогарных зевот...
Но черный рубеж перейден, —

И каркает в небе орава ворон
Над охрою царских казарм.
Прожектором весь материк озарен,
Утоптанный гладкий плацдарм.

Исполнилось веку четырнадцать лет!
И в дымке июльской жары
Из синего сумрака вышел скелет.
И вылезли из кожуры

В лиловых подтеках, в пробоинах ран
Сердца и мозги. Но опять
На каждом проспекте горит ресторан,
С девчонкою можно поспать.

И вырос оболтус, бесплотный, как тень,
Безвкусный, как устрица, сноб.
Он с отрочества сочинял дребедень
И чувствовал смертный озноб,

Когда замечал силуэты машин,
Изящных и тусклых стрекоз.
Что стригли туман и летели с вершин,
Шли штопором вниз под откос

Машины, машины! Машины! И вслед
Рекорд за рекордом!! А там
За гибелью гибель!! Теряется след, —
Но гибель спешит по следам!

И выросло много экранов, а там
Мильоны фигур и колес
За кем-то гнались по горячим следам,
И мы хохотали до слез.

Но выросло Время над веком, — летя
Куда-то, где ждали друзья!
В могучие игры играло Дитя,
Ручонкою няньке грозя.

Могучие игры! Что слышалось там?
Стрельба с баррикад городских?
Рыдание скрипок? Дикарский тамтам?
Иль памятный пушкинский стих?

Поэты, актеры, студенты, открыв
Ненастные окна в туман,
Мы знали и труд, и бесцельный порыв.
Мы до петухов не ложились вторых,
Глотая века по томам.

Нам снился с мотыгою каменный век
И средневековье в тугом
Усилье взглянуть из-под пасмурных век.
Нам собственный наш незаконченный век
Казался заклятым врагом.

Так вырос над веком Живой Человек.
Но это рассказ о Другом.

БОГ

Для этих бог — бездарный архитектор,
Не видящий на чертежах изъяна.
Для тех — никак не воплотимый некто.
Для третьих — бешеная обезьяна.

Когда-то слыл благим и всемогущим,
Когда-то слал отступникам на гибель
Град покрупнее и туман погуще.
Но он не существует, кем бы ни был!

Все кончилось, подмокло, поредело.
И гром не тот, и вечность меньше весит.
И он живет инкогнито, без дела.
И хоть кого такая скука взбесит!

По антикварным лавкам набирая
Весь реквизит из фильма «Нетерпимость»,
Где перышко, где кактусы для рая,
Где сковородку адскую, где примус —

Он пробавляется, как мелкий демон,
Урвет от биржи, от семейной склоки,
Напутает на следствии судебном,
Вспорхнет во вновь открытом стрептококке...

Но не сдается! Он, знаток рекламы
И дошлый выученик иезуитов,
Приосенил стоцветными крылами
Деянья всех мерзавцев знаменитых.

Они — ничто в сравненье с тем сюрпризом,
Что про запас он сохраняет тайно.
Еще придется клобукам и ризам
Оспаривать вселенную Эйнштейна.

В дыму спиритов и в хлыстовском вое
Внезапно из-под восковой личины,
Моргая, рыло выглянет живое
Какого-нибудь дюжего мужчины.

НЕТ! МАЛО ЕЩЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Нет! Мало еще доказательств. До дна
Ты разоблачиться, природа, должна!
Довольно мошенничать, козыри пряча,
В соитиях корчась, в смертях раскорячась!

Нет! Мало пилотов на бой и на слет,
Гремящих речей и щемящих кислот,
И формул, и ветра, и выдумки мало,
Чтоб ты наконец свою клетку сломала!

А ты заливаешь нам уши враньем,
И каркают монастыри вороньем.
И бродит легенда, чертовка босая,
На отыгрыш кости раскопок бросая.

И бухают колокола литургий,
И в бреднях какой-нибудь лысой карги
Мерещится людям судьба. И об этом
По-прежнему лестно трепаться поэтам.

Пора! Сквозь ненастье — просвет бирюзы.
Там, в звездных туманностях, в блеске грозы
Для обсерваторий расчищено небо!
И кажется — бог никогда там и не был.

Там круговорот центробежных погонь,
Безбожная вьюга, безбожный огонь,
Неистовый темп, ледяная гангрена,
Рожденье всего, что бессмертно и бренно.

Туда, в серебро межпланетного льда!
Сквозь вьюгу, сквозь время, сквозь гибель —
туда
Мы двинулись! Лучшего жребия нет нам,
Чем стать человечеством междупланетным!

ОДА

Стреляя, целуя, калеча,
Ко всем обращаясь на «ты»,
Ты стужей сводила все плечи
И голодом все животы.

Над каждым созданием смелым,
Над каждым людским ремеслом
Писала крошащимся мелом:
— Прощайся! И это — на слом.

И люди узнали, что срама
Не имут лохмотья. И мгла
Печатью ножового шрама
На бледные лица легла.

И гибель, как общее место,
Как звон риторических фраз,
Как общая мать и невеста,
Меж них проходила не раз.

Владея подобием быта,
Как тонущий утлой доской,
Я знал: ненадолго добытый
Не праведен шаткий покой.

Я знал, что взрослей и моложе
Тебя, моя сверстница, нет,
Что срок никакой не положен
Для мчания солнц и планет,

Что ты их сшибаешь и плавишь
Без всяких небесных подмог,
Как музыка громами клавиш,
Сердца нам сжимаешь в комок.

Твой голос вторгается к людям,
Он в дальные дали зовет,
Сметая объедки на блюде
В блудилище рвот и зевот.

И роет воздушные ямы,
Утроив дыханье мое,
Касаясь вселенной краями,
Он строит людское жилье,
И кроет Европу боями.

И снова в глаза наши бьет
Прожектор и рубит снопами
Куски непогоды. И память
Глядит не назад, а вперед.

Там визг добела раскаленных
Породу буравящих сверл.
Там сжатое в сто атмосфер
Бездонное небо в баллонах.

Там ветер! Там пуск наугад
Разведок во вражеский лагерь.
Леса новостроек. И флаги.
И смена ударных бригад.

Там в камерах внутриатомных
Энергия новых миров.
Там библиотек многотомных
Широко распахнутый кров
Для всех молодых и бездомных.

Там лег на барханы песка
Пунктир оросительной сети.
Там, еле светясь на рассвете,
Еще не размечен пока

Флажками на карте вселенной
Последний решительный бой!
Там — за обладанье тобой,
О, будь хоть спартанской Еленой
Иль девушкой нашей любой, —

Индусы, арабы, монголы,
Мильонные полчища мча,
Прочтут огневые глаголы,
Твой лозунг, твой ясный и голый,
На знамени из кумача!

БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ

Я ВИДЕЛ ВСЮ СТРАНУ

Я видел всю страну — Баку, Ростов, моря,
Нефть, трактора, туман и соль полей озимых.
Век надо мной вставал, веселостью даря
И тысячью очей своих неотразимых.

Стояло в памяти: морозных зорь хрусталь
Над пиршеством лепных фронтонов Ленинграда.
Стояло в памяти: вся мыслимая даль,
Париж, Арбат, мой стол и — поздняя отрада

Всех, кто воротится, пространствовав, домой, —
Дым грибоедовский, жилья дымок овечий,
Лицо моей жены. И все, что там зимой
Случится мелкое. Все просто человечье.

Я благодарен дням, обугленным дотла,
Погубленным во мне, как жизнь им подсказала,
И жизни прожитой за грязь ее стола,
За ресторанный чад, за черноту вокзала.

За все! За грубый дар внезапных этих строк,
Внезапной юности. Но время знаменито
Необратимостью. Но мир еще широк.
Но я разорван от надира до зенита,

И вырван из своей безмозглой скорлупы,
И, как сырой птенец, вытягиваю шею
Туда, где мечутся прожекторов снопы,
Где вся страна лежит, от дыма хорошея.

ПРИЕЗД БРИГАДЫ

И вот мы вышли ночью из вагона.
Встал паровоз как вкопанный с разгона
С багровой бляхой на груди. Наш путь
Лежал в просветах сосенок и кочек,
По доскам, там, где чавкая, клокочет
К зиме разболтанная как-нибудь
Строительная грязь.

Один товарищ
Воскликнул: «Здравствуй, сонный городок!
Ты через час проснешься, чай заваришь,
Услышишь длинный заводской гудок.
Дощатый мир! Ты заново обструган.
Ты пахнешь глиной и паленой хвоей.
Дай руку и веди меня, как друга!»

Нас было четверо. Другие двое
Над болтуном посмеивались так:
«Ты, может быть, оркестра ждешь, простак?
Официально чувствуя, ты прав.
Не зная броду, ты суешься в... оду.
И, запах дегтя еле разобрав,
Предчувствуешь большую бочку меду».

Так вяло мы беседовали. Вдруг
Из черноты редевшей ночи встал —
Оправленный в стекло, огонь, металл —
Кусок завода, будущий наш друг.

О, ничего особенного! Сила
В контрасте между ним и чахлым краем.
Земля сапог еще не износила,
В которых шла, лопатой ковыряя
Суглинок этой пустоши. Еще
Глушит ее некошеный лопух.

Еще плетень уперся ей в плечо.
Еще у каждой лужи глаз распух
От потасовок.
                    Но грядущий век
Здесь начерно построен, как барак.
Он не смыкает воспаленных век.
Его гудок вопит в дожди, во мрак,
За Ладогу.
                Но стойте! Может статься,
Я начал не с того конца и зря?
Завод стоит не для манифестаций
Пред путешественником смысла века.
И век не только рифма к человеку.

А между тем нас встретила заря.

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

Вот тут они прошли, лоснясь в багровом
Огне, и гулко шлепнулись в песок.
Широкий пляж, как сплав сырых досок,
Разбуженный их первозданным ревом,
Качался вместе с ними. День потух.
Ночь истекала мленьем вплоть до самых
Далеких звезд. Глаза брюхатых самок
Мутнели от предчувствия потуг.

За три мильона лет до нашей эры
Здесь было море. Солнца красный диск
Двоился и корежился от брызг
Соленой влаги. Из любой пещеры
Шел запах их помета, как от щей,
Прокисших в кухне времени.

О время!
Ты сторожишь, как пленницу в гареме,
Вселенную. Ты бодрствуешь, Кощей,
Над желтой костью, связкой ожерелья,
Кремневой пикой,черепком горшка.

Даешь понять, — и дальше ни вершка, —
Что здесь опорожнялись и жирели
Чудовища...
Из-под опухших век
Закат глядит каким-то красным чертом.
Над великаньим следом полустертым
Теряется в догадках человек.

КАМНИ

Не высох, не выветрен камень еще,
Которому сноса и возраста нет.
И зной золотит виноград горячо.
И ржавые профили римских монет
Тускнеют за толстым музейным стеклом.

И персы в тиарах на оперной сцене
Врываются в крепость, берут напролом
Красавицу...

И снегом на ребрах горы пресловутой
Потоп серебрится в осенних лучах.
И черное в рубище время как будто
Осла погоняет и ладит очаг
В развалинах...

Харчевня на дворике старой мечети,
Где синих мозаик облуплен узор,
Где влага сочится в бассейне скупая,
Где синь Арарата, едва проступая
В прозрачности синих воздушных озер,
У зоны своей пограничной в почете.

Как тихо!
Как скудно сочится вода!
Как время шумит в человечьих ушах!
Как шаг еле слышен оттуда, куда
Уходит любой поспешающий шаг...

И где только, где только ты не гостишь —
Ты, кротость кочевий и пастбищ овечьих,
Ты, песни людской домотканая тишь,
Ты, Библия в пятнах вина и увечьях!

СТРОИТЕЛИ

Но встают племена твоих рослых сынов,
Твоих смуглых сынов, твоих первенцев, джан!
С легкой ношей, с бессонным лицом горожан.
Что ни встреча — ты та же, любимая, вновь!
Электрический свет рассекает толпу.
Покоряется ночь световому снопу.
Вырастают стропила средь каменных рубищ,
Это ты, киликиянка, строишь и трубишь!

Лиловеет строительный туф. И под взрывы
Разработок в нагорных крутых областях
Выпрямляешь ты свой праарийский костяк,
Молодеешь всей статью своей черногривой,
Всею кровью ашугов за тысячу лет.
И тогда отвечает на наши вопросы
Остроглазый, небритый и жестковолосый,
Тоже тысячелетний строитель-атлет.

Это не опечатка. Мы это видали!
В этом слава и соль наших мчащихся лет,
Что на каждом участке строительном — след
Той же дикой твоей исторической дали,
Что на каждом куске этой ржавой земли
Тот же знак издали и привет издали —
Отпечаток нетленно бегущих сандалий.

ДРЕВНИЙ ГОРОД

Да, да! Во всем огромном мире
Я только и прошел одну —
В свирепой каменной порфире
Сухую горную страну, —

Где в вулканических породах,
Страстное лоно заголя,
Ликует, как при первых родах,
Желто-багровая земля, —

Где Дария и Митридата
Вчера как дым прошла орда,
Где самая глухая дата
Сегодня столь же молода, —

Где в суматохе муравьиной
Глаза детей желто горят,
Где продается в лавке винной
Навынос снежный Арарат, —

Где в переулке, за глухими
Лохмотьями чужих лачуг,
В ночном кафе усталый химик
Рассказывает про каучук, —

Где ползает на желтом брюхе
Змея, таинственная тварь,
Где гонят мальчиков старухи
Читать таинственный букварь, —

Где всей палитрою Сарьяна,
Под солнцем изжелта-синя,
Большая, плещущая рьяно
Жратных базаров толкотня, —

Где от ужимок оборванца
И мертвых смехом прорвало б,
Где кривоногий Санчо Панса
Осла целует в кроткий лоб, —

Где в полночь в зале ресторанной,
Весь в дымке европейских чар,
Глядится вкрадчиво и странно
Женоподобный янычар.

Вот он к портье подходит вяло,
Нацеливается в друзья,
От слуха к слуху, как бывало,
С нездешней грацией скользя.

И где-нибудь в ночном вагоне,
Секретный разбирая шифр,
Внезапно, как бы от погони,
Теряется... И вдруг решив,

Что гибнет, рвет все донесенья...
И пляшет тень в его окне
Вдоль насыпи... В ночи осенней.
Там. За Араксом. В той стране.

ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА

Мы войдем сегодня в щель Дарьяла.
Мы поймем по дыму в пропастях,
Из каких свирепых матерьялов
Был сколочен для нее костяк:
Там, где люди скученные жили,
Гнезда по расселинам лепя, —
Вот он, в сцепке рваных сухожилий,
Птичьих перьев, глины и тряпья,
Нищеты пастушеской и зноя, —
Вот он выгнулся, костяк страны,
Над зеленой яркой крутизною,
Над хрустальным током быстрины.

Вот он за альпийской зоной тянет
В синий дым, в заоблачные льды,
Рухнет вниз и снова целым встанет,
Словно сам Арсен из Марабды.
И овчарки умные не брешут,
Не качнется ястреб в синеве.
Только зори красным гребнем чешут
Серебро на старой голове.

Но постой! Помедли в Гудауре,
Всею грудью замысел вдохни.
Здесь толпятся горы, балагуря,
Вспоминая молодые дни.
Погляди на горы в Гудауре!
Вот, заправив чоху за кушак,
Та, седая, выгнулась в лекури —
И пошла, и только свист в ушах...
Только свист едва рожденной бури,
Только еле глянувшая жизнь.

Погляди на горы в Гудауре!
Здесь потоки рушатся с крутизн.

НОЧЬ В СЕЛЕНИИ КАЗБЕК

Неподалеку от селения Казбек обнаружен разбившийся почтовый самолет.

Из газет

Мы мчались в ту ночь по Военно-Грузинской дороге.
Шарахались дикие кошки и рыси от фар.
Шарахались горы, как сказочные недотроги,
И рушились.
Где-то гремел перекат их фанфар.
Но петли подъемов на шины намотаны крепко.
Исчадия тартара сброшены в тартарары.
И Жора-шофер нахлобучил веселую кепку
И остановился на станции против горы,
Воспетой поэтами.
Вид ее так же неистов,
Как в пушкинском веке. Гостиница так же бедна.

Тут мы очутились меж летчиков и альпинистов,
В печальной компании, пившей давно и до дна.
Свирепая водка дымилась в глазах и в стаканах.
Остыл тамада. Не блистал красноречием стол.
И мы разглядели тогда в облаках златотканых,
В зазубринах дикой расселины, в дыме густом
Такую картину:
крылом перебитым повиснув,
Влепился в скалу и истерт в порошок самолет.
Он только что найден. Ущелье в своих ненавистных
Объятьях баюкает кости погибших и ливнями льет.
Шли тучи. Звезд не было. Ночь растянулась.
Но в сфере
Огня керосиновых ламп продолжалась еще
Трагедия.
И, как защитник на смятом бруствере,
Встал кто-то из летчиков, заговорил горячо.

О чем? О стране, где решаются судьбы столетья.
О бьющей насквозь и навылет ночной быстрине.
О смерти, которая хлещет старинною плетью
По стольким отважным. И снова о нашей стране.
О трассе, проложенной в тучах над острою кручей,
О почте, которую не довезли. О гостях,
Которые завтра пройдут по дороге горючей,
Подняв над героями райисполкомовский стяг.

Товарищи летчики чокались с нами сурово.
И доктор, нехитрый и плотный, как все доктора,
Царивший над пиршеством до половины второго,
Давно уже знал, что давно расходиться пора.
Он встал.

Но, неслышно шагая по смертным увечьям,
Сходились вершины Кавказа на тайный совет.
Ревниво прислушалась пропасть к речам человечьим.
Ее в эту ночь раздражал керосиновый свет.
И скалы, приникшие скулами к стеклам террасы,
Молчали (как это известно по многим стихам).
Молчали, и слушали, и отвергали прикрасы
Любых красноречий.
А пир между тем не стихал.

Но рано иль поздно все кончилось. Кажется, рано:
Почти на рассвете. Дремоты никто не избег.
Тогда проступил огневой транспарант по экрану,
Заглавье идущей зари, недоспавший Казбек.

Мы спали вповалку. А утром, подняв ледорубы
И взявши рюкзаки, товарищи наши ушли
К разбитой машине.
Трагедия грянула в трубы
Финала.
И горы склонились до самой земли
Серебряными головами. Любая несла бы
За гробом тиару свою в миллиардах карат.
Любая громовая грудь подхватила бы слабый
Раскат похоронного марша в стократный раскат.

И шли бы за гробом и всею оравой лиловой
Орали бы горы: «Вы жертвою пали в борьбе...»
И шли бы, как братья, и неповторимое слово
Сказали о славе, о летчиках и о себе.

НОСЯЩИЙ ТИГРОВУЮ ШКУРУ

Виктору Гольцеву

Пламенное, пурпурное небо.
Резкий ветер в путанице скал.
Мчится всадник. Был он или не был?
Чей шелом на круче просверкал?

Вихрем тонконогий конь пронесся,
Вихрем ринулся в тартарары...
И опять, не ведая износа,
Лоснится шагрень земной коры.

То не ребра гор залиловели,
Не породы каменный костяк...
Прочитай реченья Руставели,
Побывай у вечности в гостях!

Это кровь играет в побратимах,
В мощной сцепке мускулов и жил,
Это из времен необратимых
Говорит природы старожил.

Это верность дружескому слову.
Это прочно кованная честь.
Так склонись над книгой, чтобы снова
Древнее преданье перечесть.

Ты услышишь здесь рычанье твари,
Гибкой и глазастой по ночам,
Ты увидишь синий лед Мкинвари,
Рек струенье по его плечам.

Ты увидишь, как из всех расселин
Лезет вверх, цепляется, спешит,
Ищет солнца жилистая зелень,
Остролист, орешник и самшит.

Ты увидишь на отвесной круче
Низкорослых каджей ратный стан.
Там в печали мается горючей
Прелесть мира, девушка Нестан.

Что ж посланья узница не пишет?
Разве вихрь листа не донесет?
И она не дышит, ждет и слышит, —
Кто-то дверь темничную трясет.

Вся природа в пламенном томленье,
Ждет заветной встречи, замерла.
Встали, вкопаны в скалу, олени.
Не качнется в тучах тень орла.

Руки голубые простирая,
Ледники сползаются тесней.
И звучит от края и до края:
«Мы — любовь. Мы торжествуем с ней».

Всех светил круженье огневое,
Всех желаний дрожь — она одна.
И когда встречаются те двое,
Чаша мира до краев полна.

Так мечтатель в шапке островерхой,
Безыменный первенец времен,
Ныне встал перед большой проверкой,
Солнцем нашей правды озарен.

Где он жил? Где прах его летучий?
Что за ветер стер его следы?..
Пламенные, пурпурные тучи.
Крик орлов. Туман. Седые льды.

Русла рек. Задебренные спуски.
Ликованье путаных крутизн.
Кровь руды, запекшаяся в сгустки.
Ветер. Нескончаемая жизнь.

НИКО ПИРОСМАНИШВИЛИ

В духане, меж блюд и хохочущих морд,
На черной клеенке, на скатерти мокрой
Художник белилами, суриком, охрой
Наметил огромный, как жизнь, натюрморт.

Духанщик ему кахетинским платил
За яркую вывеску. Старое сердце
Стучало от счастья, когда для кутил
Писал он пожар помидоров и перца.

Верблюды и кони, медведи и львы
Смотрели в глаза ему дико и кротко.
Козел улыбался в седую бородку
И прыгал на коврик зеленой травы.

Цыплята, как пули нацелившись в мир,
Сияли прообразом райского детства.
От жизни художнику некуда деться!
Он прямо из рук эту прорву кормил.

В больших шароварах серьезный кинто,
Дитя в гофрированном платьице, девы
Лилейные и полногрудые! Где вы?
Кто дал вам бессмертие, выдумал кто?

Расселины, выставившись напоказ,
Сверкали бесстрашием рысей и кошек.
Как бешено залит луной, как роскошен,
Как жутко раскрашен старинный Кавказ!

И пенились винные роги. Вода
Плескалась в больших тонкогорлых кувшинах.
Рассвет наступил в голосах петушиных,
Во здравие утра сказал тамада.

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

Мы за стол садились неумело,
Дружеству застольному учась.
Мы не знали, время ли шумело,
Ночь прошла или короткий час, —
Только были мы белее мела.

Тут, конечно, в памяти провал...
Вот, охрипнув, только бы добиться
Слова у пирующих, вставал
Со стаканом Тициан Табидзе.

Кроток сердцем, выдумкой богат,
Как Крылов, дороден и спокоен,
Говор останавливал рукой он,
Начинал как будто наугад.

Шла раскачка речи полусонной.
Но смолкали разом остряки
От почти навзрыв произнесенной
Пушкинской таинственной строки.

И на холмах Грузии далече,
В дикой сцепке зелени и руд,
Где драгунской шашкой искалечен
Был когда-то человечий труд, —

Где вставал рассвет в бивачном дыме,
Очи воспаляя и слезя,
Где погибли очень молодыми
Пушкинские ссыльные друзья, —

Где прошли монголы, франки, греки,
Катапульты, кони и слоны,
Где со скал бросались наземь реки,
Озверев от розовой слюны,—

Там теперь под сонный звон чонгури,
В одеянье времени и льда,
Пьянствуя, волнуясь, балагуря,
Вспоминая прошлые года,
Кроток сердцем, полон важной дури,
Говорил поэт и тамада.

ТАМАРА АБАКЕЛИЯ

Я спросил у художницы милой,
У нарядной грузинки спросил:
Что взрастило тебя и вскормило,
Сколько рук у тебя, сколько сил?

Где, в каких драгоценных породах
Сожжена была охра зари,
Этот барсовый глаз, самородок,
Что как лампа горит изнутри?

Где добыла ты рыжую глину
Цвета времени, цвета морей?
Где добыла сухую сангину
Цвета спекшейся крови моей?

Как ты видишь природу, как пишешь?
Как стараешься лица прочесть?
Как ты стала художницей, — слышишь, —
Ты такая, какая ты есть?

И она мне, смеясь, показала
Сто картонов, исчерканных сплошь,
Привела в театральную залу,
Где мешаются правда и ложь.

Разослала помощников-каджей
В ледяные расселины скал,
Чтоб трудились и к вечеру каждый
Краску, нужную ей, разыскал.

И на память в минуту разлуки,
Оторвавшись от шумных гостей,
Протянула мне смуглые руки
В рыжей глине до самых локтей.

ПОДПОЛЬЩИК

Лепились над Курой почти отвесно
Балконы, балки, бани, скарб, арбы.
Ремесленники на майдане честно
Лудили медь, дубили кожу, терли
Сухую москатель. Першило в горле
У города от жажды и божбы.

Шли ослики с тугими бурдюками.
Шипело сало на сковородах.
Опять лудили медь, тесали камень,
Дубили кожу. Шли десятилетья.
Кончался век. Нужда хлестала плетью.
Казался жизнью всякий кавардак.

Кончался век дубленый и луженый.
Кончалась бакалея, москатель
И прочее. Мужьям рожали жены.
И кое-как, и с мешкотностью прежней
Стелило время на ночь все небрежней
Чиновничью, помещичью постель.

Кончался век, прочитанный под партой.
И в дымных крыльях демона Кавказ
Империи казался битой картой,
И полицмейстеры, виляя взглядом,
Соседственно подремывали рядом
С Метехской башней, вбитой напоказ.

А там, — а там висело в спелых звездах
Такое небо синее. Такой
Свистел в ушах непокоренный воздух,
Так быстро, изгибая стан осиный,
Пронесся всадник мимо ночи синей
И сгинул где-то в давке городской...

«Здесь был Камо!» — из уст в уста и дальше —
С балконов, по духанам, на арбах...
И жмутся визитеры генеральши.
И мопсы под столом отважно лают.
И либералы за столом желают
Коснуться скользкой темы. Вдруг — бабах!

Бабах-бабах! Как жахнуло огулом,
Как сшибло с тротуаров, как гуртом
Пошло гонять любителей прогулок...
И вот на мостовой — шагов за триста
От взрыва — улетает в тучу пристав,
Распоротый, с набитым пылью ртом.

И околоточный, в посмертном трюке
Внезапно ставший грустным и худым,
И банковский кассир, чья тень и брюки
Бесплотные трусят на фаэтоне,
И лошади храпящие — все тонет
В невероятном. Все ползет, как дым.

Пошла писать губерния! Допросам,
Доносам и дознаньям нет конца.
Сыск сатанеет, въевшись купоросом
В мозги. Но карта агентуры бита!
Там где-то, в одиночке Моабита,
Не подымает человек лица.

Да, он хитрее психиатров! Стихший,
Ничком на койке. Бьет в окно луна.
Он вызубрил немецкое двустишье
И повторяет: «Morgen, nur nicht heute...»[1]
Скребется мышь. Вся камера какой-то
Ненасытимой выдержки полна.

Но входит герр профессор. Вкупе с оным
Герр полицай-директор. Три часа
Следят, чтобы на гипсовом и сонном
Лице мелькнуло хоть на миг иное,
Хоть боль прожгла бы маску паранойи,
Хоть некрасивый ужас прорвался.

---

[1] Завтра, только не сегодня... *(нем.)*

И снова тень подпольщика багрима
Пожаром, счастьем, встречною толпой.
Он где-то тут. Он, не меняя грима,
Ушел от всех филеров. Бриз весенний
Качает бригантину. Вот спасенье!
Еще в портах туман. Пой песню, пой!

А там, а там в горячих, спелых звездах
Такое небо синее, — гляди!
Такой в ушах непокоренный воздух.
А там, так близко, так привольно рея,
Взмахнула птица крыльями над реей
И сгинула. Что будет впереди?

А там, а там, в Баку, в Батуми, дружно,
Тревожно ждет грядущее само.
Что на земле темнее ночи южной,
Ее дороги влажной и безбрежной?
И человек отважный с силой прежней
Выходит в битву. Действует Камо.

СКАЗКА КАВКАЗА

Здесь в дробильнях, в бункерах,
В жерновах железных пугал
Превращаются во прах
Известь, марганец и уголь.
Здесь летят они в жерло
Жадной печи электродной,
Чтоб сжигало и жрало
Пламя их состав природный.

Люди, сгорбясь у печей,
Жидкий сплав шуруют молча.
Вот он, камень твой, Кощей, —
Цвета золота и желчи,
Застывает, отпылав
Нам в глаза и опалив их, —
Ферромарганцевый сплав
В синих нефтяных отливах.

Это, может быть, кусок
Той скалы, того Кавказа,
Где когда-то был высок
Ветер змееногих сказок,
Где клевал стервятник злой
Прометея-богоборца...
Но, как уголь под золой,
Тлеет память стихотворца.

...Мелкий дождик моросил.
Над заводом, желт и едок,
Дым валил, что было сил.
Но и дым, как давний предок,
Стлался облаком обвислым
И, осанку потеряв,
Был в другое время выслан
И лишен гражданских прав.

Если марганец спешит
Сталью стать высокосортной,
Если дерево самшит
Всей листвой шумит упорной,
И в траве свирепой, сорной
Слышен тихий вздох зверья, —
Это Мцыри к буре горной
Рвется из монастыря.

Это прямо из плавильни
Вынут Грузии кусок.
Это выжат из давильни,
Колобродит винный сок.
Сколько черных пьяных ягод
В упоенье молодом!
Старики в могилу лягут.
Дети выстроят свой дом.

Желтый глаз автомобиля
Жадно режет быстрину.
Легкий воздух изобилья
Наполняет всю страну.
И опять, опять чащоба,
Корни, кочки, камень злой.
Отроческая учеба,
Словно уголь под золой.

Щебень, шлак, свинцовый гравий,
Шрифт листовок боевых,
Ранний аспид биографий,
Забастовок ранний вихрь.
И опять — тропой овечьей
В толщу кварцевых пород.
Там седых столетий вече,
Несгибаемый народ!

Кручи горные нагие,
Блеск полуденных лучей,
Сказка о металлургии,
Ковка сказочных мечей.
Так останьтесь же мне школой,
Голоса ночных стихий, —
Тициана и Паоло
Вечно юные стихи!

БАКУ

Владимиру Луговскому

Здесь поклонники Агурамазды
Жгли огонь на выщербленном камне.
Здесь Тимур — хромец, на все гораздый,
Ордами стоял у Волчьих Врат.
Здесь, на древней отмели Хвалыни,
Черное сокровище хранится.
На солончаках, среди полыни,
Землю благодатную бурят.

Ввинчиваясь глубже еженощно,
Вышки на ходулях костыляют.
Крекинги, изогнутые мощно,
Набухают соком дорогим.
Слушал здесь, бывало, что ни день, я
Упоенный клекот барабана
И зурны шмелиное гуденье —
Пламенному мирозданью гимн.

Я видал, как состязались знатно
Дерзкие, веселые ашуги:
Щелкнет в горле старика занятно,
Топнет, гикнет, — яшасын, йолдаш!
Выгнется — и кругом, кругом, кругом
Режет сцену, бьет по гулкой деке
Пятерней — и вдруг ломает угол,
Кончил песню — все ему отдашь!

По ночам старинный мой товарищ
Говорил о женщине прелестной,
Выросшей средь памятных пожарищ
Здесь, в Баку. Послушный сын стихий,
Посылал он «молнии» любимой,
По ночам не спал, работал, спорил,

Полный бодрости неистребимой,
В радио гудел свои стихи.

Город по ночам лежал подковой,
Весь в огнях — зеленых, желтых, красных.
И всю ночь от зрелища такого
Оба мы не отрывали глаз.
Нам в лицо дышала нефть и горечь
Крупного весеннего прибоя.
Праздничное голошенье сборищ
Проходило токами сквозь нас.

Мне затем подарен этот город,
Чтобы я любил свою работу,
Чтобы шире распахнул свой ворот
И дышал до смерти горячо.
Писано в Баку, восьмого мая,
В час, когда в гостинице все тихо
И подкова города немая
Розовым подернута еще.

ГОРНЫЙ ДИПТИХ

1

Внезапно — на узком
Куске высоты,
Над яростным спуском
Очутишься ты.

Вокруг ликованье
Кавказских высот.
В своем караване
Их вечность несет,

Сдвигает и кружит
В беспечной гоньбе.
И все это служит
Примером тебе.

Ты полон их мощи
На щебне сухом
И горло полощешь
Старинным стихом,

Стоишь и горланишь
Тот эпос чужой
И недра таранишь...
И снова свежо —

В серебряной выси,
В задебренной мгле
Дыхание рыси,
Приникшей к земле.

И прядают лани
С отвесных крутизн,
И в дрожи желаний
Рождается жизнь.

И снова природа
Подарит тебе
Живой самородок
В арабской резьбе.

Люби половодье
Преданий чужих!
Их звон в переводе
Останется жив.

Ведь цокот и клекот
Гортанных корней
Пришли издалека,
Но служат верней.

Аукнешь — и разом
Откликнется жизнь.
Да здравствует разум!
Не бойся! Держись!

2

Опять услыхал ты
Про юность земли.
Здесь колхи и халды
Как волны текли.

Здесь пляска хозар,
Стрекоча как кузнечик,
Швыряла в базар
Миллионы уздечек.

И зурны огузов
Вопили во мглу.
Сквозь время, неузнан,
Летел Кёр-оглу.

Здесь было еще
То, чего не бывало:
У кручи плечо
Отнялось от обвала.

И, в зубьях расселин
Проход заградив,
В свирепом веселье
Оскалился див.

Светла крутизна
Этой каменоломни.
Ты знал ее, знал!
Постарайся, припомни!

И дружеским зовом
Откликнется тварь
Сквозь славянизованный
Тюркский букварь.

КОЩЕЙ

Поэма

> ...Кощей увидал, опять рассмеялся: «Эх, баба-дура! Волос длинен, да ум короток; моя смерть далеча; на море, на океане есть остров; на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце — моя смерть!»
>
> *А. Н. Афанасьев,*
> *«Народные русские сказки».*

> Там царь Кащей над златом чахнет.
>
> *А. С. Пушкин*

1

Чертог на замках и затворах.
Играет мошною Кощей.
Ласкает глаза ему ворох
Заморских веселых вещей:

Финифть, и фаянсы, и бронза,
И фряжское в чарах винцо.
Кощей озирается грозно,
Столетнее морщит лицо.

Несут ему ковш и зерцало,
Где скошенный лик отражен,
Где давеча дивно мерцала
И гасла краса его жен.

Он смотрит в зерцало и в стужу
За тусклой оконной слюдой,
Заутреню слышит все ту же
И козьей трясет бородой.

Посадские дети, в кружалах
Пропившие душу дотла,
Вся стая бывалых, езжалых,
Вся рвань у мирского стола, —

О, сирость Кощеева царства,
Зажатая в хилой горсти!
О господи боже, удар свой
От нашей главы отврати!

И чует он в адовых пеклах
Бряцанье канадал и цепей
И дым над становищем беглых
У края заволжских степей.

От кости, хрустящей на дыбе,
От лба, что железом клеймен,
Волнуются мертвые зыби
И катятся волны времен.

И чует почиющий в бозе
Раскат над своей головой,
Пергаментной ручкой елозя
По злату парчи гробовой.

2

В ту осень Бонапарт, Европой потрясая,
Вел на Москву полки двунадесять язык.
Обозы шли гуськом, проселками, спасая
Перины, барчуков, и девок, и борзых.

И вздорожал фураж. И между многих слухов,
Распространяемых неведомо отколь,
Был слух о вольности. И тешил Пьер Безухов
Медвежьим удальством всю городскую голь.

В ту осень восемьсот двенадцатого в сирых
Нетопленных сенях дрожал Кощей-мертвец.
Он знатно напоил французов-кирасиров.
Те дрыхли, кто на чем.

И, сдвинув поставец,
В шлафроке шелковом, в туфлях на босу ногу,
Кому-то там шепча: «Помилуй, помоги», —
Он вышел из дому. Светало понемногу.
Был виден двор и тын, но далее — ни зги.

Кощей прислушался. Кой-где собаки брешут.
Какой-то жидкий звон плывет издалека.
Темна Москва, глуха! Выдь на реку — зарежут.
Чтобы квартал спалить, довольно уголька.

Он, коренной москвич, как будто бы пронюхал
Решенье города. Но было невдомек,
Откуда по земле влачится тощим брюхом —
Из бани ли угар иль из корчмы дымок.

Он чуял: ни в огне, ни в океанских водах
Нет гибели ему. Запрятана «та вещь»
В узорной башенке в лазоревых разводах,
В ларце, на самом дне...

Но все же как зловещ
Был город в эту ночь! Кощей подкрался к тыну,
Взглянул — и обомлел, и не ослеп едва:
От свечки восковой, от медного алтына
Вся сразу вспыхнула Кощеева Москва.

Его Москва! Его бревенчатый, дощатый,
Жилой свирепый рай! Тот золотой ларец,
От коего он ждал на долгий век пощады, —
Все, все закуталось в разорванный багрец!

Шумел, гремел пожар московский. Так стихия
Народу русскому осмелилась помочь.
Так ветер да огонь, помощники лихие,
Не покладая рук работали в ту ночь.

Кто первый подпалил? Мастеровой ли тощий
Предстал отмстителем за весь московский люд,
Не пожалел церквей, где костенеют мощи,
Где богоматери о сыне слезы льют...

Дворовый ли помог из деревеньки дальной?
Молчит история, молчит, как ни ищи!
Одно лишь сказано в молитве синодальной
Да в присказке старух: «От восковой свещи».

Остоженка, Арбат, Волхонка, Божедомка
Текли, как рукава пылающей реки.
...Проснувшись между тем, зачертыхались громко
Французы пьяные, лихие остряки.

Кощей метнулся в дом и крикнул постояльцам,
Что, дескать, гибнет мир, allons enfants, пора,
И, тыча в грудь себе костлявым черным пальцем,
Просился к ним в обоз, в шуты иль в повара.

«Своих достаточно!» — прокаркали.
А ветер
Загоготал в трубе и ставень распахнул.
Он показал врагам Москву в багровом свете,
Предчувствием конца им сердце полоснул.

Мгновенно отрезвев и словно бы продрогнув,
Все сбились у окна, но отшатнулись прочь:
Они увидели Калужскую дорогу,
Тарутино, Можайск, снега, снега и ночь...

Снега, снега, — а там, в попонах,
в женских робах
И в ризах парчевых, чьи призраки бредут?
Заиндевев до глаз, качаются в сугробах,
И мост Березины — последний их редут...

Картавя о своем, столкнув с пути Кощея,
Вскочили на коней и канули во тьму.
А он, все гибельней, живучей и тощее,
Остался жить — и ждать... И повезло ему!

Он не был слишком смел. Сначала хитрый нищий
С котомкой обошел Москву вдоль-поперек,
Потом на Балчуге, на черном пепелище
Стручками торговал. Потом открыл ларек.

3

От Воробьевых гор до Земляного вала,
В оврагах и холмах, в дерюге и парче,
Росла огнем Москва, пожаром пировала,
И в каске солдафон торчал на каланче.

Но крепок был уклад Кощеева наследья:
Дерюга не рвалась, парча была красна.
Церковным золотом и самоварной медью
Горела, не сгорев, Кощеева казна.

Вели акцизный сбор казенные палаты.
Росли монастыри в дубравах. Винный дых
Шел из чиновных уст. Как древле, змий крылатый,
Сощурившись, глядел на грешников худых.

Шли годы. В слободах, в садах Замоскворечья
Тузы-аршинники, Кощеевы сыны,
Шибали в нос рублем и акающей речью,
Обжуливали мир за пол его цены.

Лес, кожа и пенька легли к ногам Кощея.
Китай-город шумел Кощеевой деньгой.
А он, все гибельней, живучей и тощее,
Рос и скрипел костьми, из дому — ни ногой.

Шли годы. Выбритый, почтенный, аккуратный,
Считал, копил, скрипел... И, все еще не дряхл,
Он слушал гул времен. И вихорь коловратный
Листочки обрывал в его календарях.

Темна Москва, глуха... И отдается гулко
Шаг за ночным окном. Звенят подвески люстр.
И рыхлый, как халва, в потемках переулка
Хрустит февральский снег. Все в мире —
тленный хруст.

Кощей один. Он жив. Он все еще не помер —
Мешок изглоданных костей.
Он жертвует на храм, — так объявляет номер
Сегодняшних «Ведомостей».

Он руку жмет царю, он выстроил чугунку.
Он к старости вошел в зенит.
Но время знает в нем чувствительную струнку.
И струнка изредка звенит.

А сказка? — Треньканье лакейских балалаек,
Баянов ярмарочных рев.

Кощей презрительно ту музыку облает
И усмехнется, жив-здоров.

Где сказка? Где ларец? Где та рука, в которой
Зажата гибель старика?
Еще она слаба, и вырастет не скоро
Мальчишеская та рука.

И, слушая цыган, он вдруг метнется яро,
На части ломкие разъят.
Но только зеркала в безумных залах «Яра»
Мгновенье это отразят.

4

Кончался прошлый век. В купеческих столовых
Сверкало, как огонь, из золоченых рам
Молчанье Врубеля, что на крылах лиловых,
Рыдая, пролетел по рухнувшим мирам.

А у иных купцов зияли стен провалы,
Зияли из картин абстракции вещей,
И в скрипках сломанных пел вихорь небывалый.
Так обрывал ходы в грядущее Кощей.

Тот купчик обожал рублевских богомазов
И бился о пол лбом, как младший Карамазов;
Тот с головой ушел на десять лет в пасьянс;
А этот собирал камеи иль фаянс,
Буддийских идолов, аквариумы рыбок,
Чей отсвет золотой на потолке был зыбок,

Книгохранилища премудрости и лжи
Не развлекали их... А где-то кутежи,
По грязи измотав цыганских троек сбрую,
Отцеубийствами кончались в ночь сырую.

И снова жил Кощей, не молод и не стар.
Апоплексический хватал его удар,
Перекосив лицо, сгибал в дугу Кощея.
А он, все гибельней, живучей и тощее,
То избран, глядь, в сенат, то переполз в синод —
Злокачественный мир в эпистолах клянет.

Он стал еще хитрей, многообразней в гримах.
Уже не человек, а всероссийский трест,
Он где-то на снегах, пожарами багримых,
Раскинул тени рук, как православный крест.

Столп древней истины, оплот престола верный,
Конца и гибели не чающий Кощей.
Он плыл как нетопырь над паствой суеверной —
Ученейший в Москве профессор кислых щей.

Меж тем его сыны, и свояки, и внуки —
До тридесятого колена вся родня —
Являли скорбный вид не шедшей впрок науки,
Съедали капитал, хирели день от дня.

И там, в особняках, среди заморской снеди,
Воняющих сыров и алкогольных скверн,
Шло часто с молотка Кощеево наследье,
Шла бронза и фарфор — весь рыночный модерн.

И редкие гудки из-за сырых окраин
Орали по утрам, что начинать пора им,
Скликали по утрам сто подмосковных сел.
И время гибло впрок, и время шло в засол.

И приводным ремням ночных ротационок
Давно уж не спалось.
И петухи спросонок,
Друг друга не узнав, кричали, как могли,
И мчались поезда со всех концов земли —
С полей Маньчжурии, из Польши,
с Закавказья...
И в вопле снежных вьюг, как в боевом приказе,
Звучало:
«Кончено. Прощай, Кощей! Пора».

5

Не веря в роковые сроки,
Тускнел московский зимний день.
Болтали по дворам сороки
Отчаянную дребедень.

Ребята баб лепили снежных.
И в бакалее газ зажгли.
И в дымах розовых и нежных
День отделился от земли.

Но по сугробам переулка,
Между прохожими виясь,
От центра до заставы гулкой
Уже установилась связь.

Уже за Кудриным как будто
Костры дымили. И кругом
Был потревожен первопуток
Фабричным крепким сапогом.

Уже на явках, по квартирам
Делили браунинги. А там,
Едва намечено пунктиром,
Восстанье мчалось по следам

За временем — честней и краше,
Чем яростный морской прилив,
Одних — на годы ошарашив,
Других — навеки окрылив!

6

В ту зиму две Москвы столкнулись
Впервые грудью в грудь,
Чтоб на снегу булыжных улиц
Сраженье развернуть.

В ту зиму, ризами сверкая,
Сжав в кулаке кастет,
Шла Маросейка, шла Тверская
На университет.

А там, на Моховой, крепчало,
Из тысяч уст неслось
Столетья нашего начало,
Соленое до слез.

Мы, дети малые, в ту зиму
Росли, оторопев,
Уча живой, неотразимый,
Торжественный припев.

Там, в переулках деревянных
И в проходных дворах,
Святые вихри «Варшавянок»
Взметали снежный прах.

И легкие дышали этим
Дыханием тугим,
Как будто знали, что столетьем
Уже подхвачен гимн.

Нет, нечего греха таить нам, —
Не знали ни черта.
И это в детстве нашем личном
Не личная черта.

О ранние воспоминанья,
Зачем явились вы?
Не я вас на работу нанял
Для молодой Москвы.

Иль встали вы, как на поверку,
Чтоб ход минувших дел
Был виден мне не только сверху,
А сам в меня глядел?

Что бы там ни было, шумите
Рыданьем непогод!
Итак, явились вы на митинг
В девятьсот пятый год!

7

Он вышел к Иверской, в Охотном,
Дабы даяньем доброхотным
Умилостивить страшный век.
Глаза из-под свинцовых век
Едва мерцали. Кротко сгорбясь,

Исполненный гражданской скорби,
Купил он свечку за гроши
И на помин своей души
(Кощеевой, старозаконной)
Поставил свечку пред иконой.

Трещал и таял желтый воск
Пред ликом, высмугленным в лоск,
Землисто-серым, тонкогубым,
Как все страшилища мощей.
И долго в рвении сугубом
Крестился перед ним Кощей.

Потом пошел бродить, и палкой
Стучал, и не почуял зла,
Когда пред ним культяпкой жалкой,
Продрогнув, нищенка трясла.

В Охотном молодцы точили
От крови ржавые ножи.
Окорока, дичина или
Балык — все явства так свежи,

Так жертвенно дымятся туши,
Так, серебриста и гладка,
Вращает щука глаз потухший
Из живорыбного садка, —

Что наш Кощей, слегка рыгая,
Дрожа, предчувствует обед.
А может, дрожь его другая —
Предчувствие иных побед.

Короче говоря, он чинно
Конторку ключиком отпер
И с дюжим благостным мужчиной
Закончил богословский спор.

И, приступая к новой теме,
Кощей значительно изрек:
— Река бурлит и точит брег.
Как быть с охальниками теми?

Что делать дальше? Укажи. —
Монах молчал, прищуря очи.
В кровавых фартуках до ночи
Точил Охотный ряд ножи.

8

Вышли из тихого дома
Где-то на Пятницкой. Ночь
Их торжеству молодому
Не захотела помочь:

Пользуясь каждою ямой,
Щупая каждую щель,
Пялил на шедших упрямо
Мутные бельма Кощей.

С папертей, с клиросов древних
Рыхло сползала в снега
И, как опара, взопрев в них,
Ухала Баба-Яга.

У Москворецкого моста
Сразу увидели все:
Башни могучего роста
Дремлют в бывалой красе.

Дальше пошли. И, как в раме,
Рдели зарей купола.
Под ноги шедшим коврами
Красная площадь легла.

О, как пленительно нежен
Перед зарей холодок!
О, как далек за Манежем
Ранний фабричный гудок!

И наросло понемногу,
Вылилось в звонкой ходьбе:
«Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе!»

9

Как их назвать? Нужны ли имена
Тем вестникам грядущего веселым?
Сегодня ими дышит вся страна.
Их имена по городам и селам,
В цехах и клубах, в книжках для детей
Давно уж стали достояньем песни.
Но как родиться ей, как сладить ей
С восторгом — во всю ширь безлюдной
Пресни,
С морозом, с грубым скарбом баррикад
И с воплем «пли!», висящим во вселенной?
Как влиться ей в ружейный перекат
И навсегда остаться там нетленной?

И вот они запели. В их глазах
Москва качалась и дымилось небо.
Еще о том друг другу не сказав,
Решили: сбудется любая небыль, —
На то и жизнь!

Потом был жаркий труд.
Потом в застенке, в полыханье бреда,
В жару они клялись, что не умрут.
И то была их первая победа.

10

Прижатый к низеньким воротам,
Кощей прищелкнул языком:
С таким внезапным оборотом
Событий не был он знаком.

Глаза сверкнули и потухли.
Двубортный старческий сюртук
На нем болтался, как на кукле,
И между ребер странный стук

Стихал и обрывался, чтобы
Ударить вдруг, как в бубен бьют...
Но у бессмертной сей особы
Еще не отнят был уют!

Еще не отнят! С видом глупым
Стыл на морозе особняк.
Стыл дворник под худым тулупом.
Был скучен хриплый лай дворняг.

Кощей вошел в квартиру тихо
И заперся на все болты,
И сердце умолял он: «Ты хоть
Не бейся! Не мальчишка ты!»

А дочь его, слегка картавя,
Шептала горничной впотьмах:
— К Рогожской, слышь, идут заставе...
Слышь, нету свеч в иных домах...

Уговори-ка папу, Даша,
Чтоб не трудил себя в ночи.
Ты, Даша, вся надежда наша!
Спрячь трехрублевку да молчи.

И Даша Милитрисой мудрой
Вошла в Кощеев кабинет...
Старик крестил ее под утро:
— Ан смерти-то и нет как нет!

И в кресло кожаное грузно,
Костьми столетними скрипя,
Уселся... Между тем, не узнан,
Миг расставанья торопя,

Все ближе и все полновесней
Хозяйничал в его дому
Тот голос, раньше бывший песней,
Грозящий гибелью ему.

11

Свои счета в столетьях подытожив
И за спиною чувствуя беду,
Кощей был стар, ужасен и ничтожен
В четырнадцатом памятном году.

Пол-Азии легло у ног Кощея.
Он в консульствах, посольствах, при дворах
Держал давно уж собственных ищеек,
Но — что ни день — рос стариковский страх.

Стальные сейфы заперты. Известны
Паденья курсов, конъюнктуры цен.
Пред ним, как некий слиток полновесный,
Сверкает мир. Он первозданно цел.

Мир, взвешенный на унции и драхмы,
Закуплен оптом, занесен в приход —
И замер... Строятся фигурки шахмат.
Готовится замысловатый ход.

Все замерло. По синей стали сабель
Последний зайчик солнца пробежал.
На океанском дне могучий кабель
В последнем содроганье задрожал.

И вот Кощей, как филин полунощный,
Нахохлился и выкатил глаза.
Он ждет, когда своей кувалдой мощной
Ударит в окна первая гроза.

Он ждет. Его партнеры ждут в Берлине,
В Париже, в Лондоне. Любой из них
Мог бы казаться краше и орлиней,
Хотя бы внешним видом соблазнив.

Они хранят свой допотопный метод
И свой баланс в мильоне мелочей.
Все — стервецы. Все — хилые, как этот.
Что ни властитель мира, то Кощей.

Неотвратимый рост металлургии
От глаз прожженных журналистов скрыв,
Кощей и К^{0} и торгаши другие
Налаживают европейский взрыв.

Так пререкаясь до конца июля,
Внезапно слышат: заработал тир.
Какой-то шут свинцовую пилюлю
В Сараеве нежданно проглотил.

Жара. Кощей московский — тот, который
Не старше тех и не бессмертней тех,
Спускает в мрачном кабинете шторы,
Но не для обывательских утех.

Он сделал ход.
Три с половиной года
Дрались фигуры на доске земли.
В их черепах гудела непогода,
И чокалися лбами короли.

Три с половиной года умный старец
Не спал, не мылся и не стриг ногтей.
Он ставил на кон все, что мог, ударясь
В последнюю из мыслимых страстей.

Три с половиной года продолжалась
Грызня гиен. Иные города
Забыли азбуку, тепло и жалость,
Забыли хлеб и воздух навсегда.

Война сочилась тонкой струйкой гноя
В дома, и в кровь, и в книги, и в умы.
А где-то человечество иное
Рождалось, непригодное для тьмы.

И вот, почти неощутим для зренья,
Рассвет, сырой, как небеленый холст,
Исполненный восторга и презренья,
По горным вышкам медленно пополз.

О, песня рек осенних! О, свинцовый,
Секущий окна, северный наш дождь!
О, первый флаг над городом пунцовый!
О, первых дней младенческая мощь!

О, выход из сырого лазарета
С одним мешком брезентовым! На все
Четыре стороны! О, чем согрета
Была природа в ледяной красе!

Октябрь! Октябрь! Еще себе не веря,
Не узнавая времени в глаза,

Мы открывали настежь наши двери,
Наитием голосовали «за».

В тот ранний час в Москве, в Замоскворечье,
Воспринимая вещи как во сне,
Напрасно ждал с приятелями встречи
Благообразный старичок в пенсне.

Лакей стоял навытяжку, зависим
От мановенья старца. Но, увы,
Не заменял он ни газет, ни писем,
Ни мелких денег, ни людской молвы,

Ни сахара, ни дров, ни белых булок,
Ни крепких стен, ни господа Христа.
Дом развалился. Рухнул переулок.
Была вокруг Кощея пустота.

12

В девятнадцатом он эмигрировал. Были
В трубку свернуты Грез, и Дега, и Ватто,
И караты зашиты под вату пальто...
Остальное ценил он не более пыли.

В эту смутную ночь в драгоценном ларце,
В толстом кофре, обитом змеиною кожей,
Между многих вещичек и склянок, в яйце
Стукнул птенчик, на гибель Кощея похожий.

Это сказка!
Пошла она сразу на дно,
В голубое свеченье глубин океана,
И валяется там — не видна, окаянна,
Иль акула ее проглотила давно.

Это сказка!
А жизнь начинает с другого.
Время тихо работает. Будто бы крот
Роет свой коридор, роет месяц и год.
Тишина под землею. И песня и говор
Ударяются в балки, крепящие свод.

Время мечет и рвет в передряге торговой,
В хитрых каверзах, в кризисах мечет и рвет!

Страны Запада — сон их полуночный чуток.
Там Кощею лафа. Он любую из них
Может, хрустом кредиток своих соблазнив,
Взять на час или, скажем, на несколько суток.

Взять и медленно выжать из этой страны
Тонны пота и крови, белков и крахмала,
Чтобы, слабая, тихо она задремала,
Околдована визгом гавайской струны.

И тогда подкупает он с маленьким риском
В свалке уличной, где-нибудь на стороне,
Фанфаронишку с гонором кавалерийским —
Чтобы сделать диктатора в сонной стране.

И потом, над столбцами парижских газет,
Где-то в домике светлом на юге Бретани,
Можешь ты услыхать старичка бормотанье,
Матерщину его. Назовем его Дзет.

Биография?
                    Нефть. Алюминий. Консервы.
Снова нефть. Снова сажа из тысяч печей.
...И считал и запутался в счете Кощей.
Сколько тысячеградусных топок у стервы!
Сколько скважин и щелей, вещей и ключей!
Сколько дней и ночей, измочаливших нервы,
Сколько дней и ночей, сколько дней и ночей!

Что он вспомнит — и вспомнит ли в смертную
                                                  ночь?
Особняк на Пречистенке, нищих в приходе,
Или старшую, злую, картавую дочь,
Или сына, который убит на Стоходе?

Что он вспомнит тогда?
                              Но еще не конец!
Запечатана накрест Кощеева гибель.
Не берут старика ни огонь, ни свинец.
И куда ни пошлешь за ним — без вести выбыл.

Где он плыл, по каким безыменным морям?
Где, в каком несгораемом ящике прячет
Свою тысячелетнюю смерть?
Видно, впрямь
В нашем сказочном вымысле правда маячит.

И взволнуется синий седой океан,
И покроется остров разгневанной пеной,
И дрожащей, гудящей в эфире антенной
На короткой волне будет пойман Буян!

Там, где льды дрейфовали в полярном сиянье,
Там, где южная фосфоресцирует мгла,
Там, за буем плавучим, на самом Буяне,
Смерть Кощея до времени в щель уползла.

Все равно! Что бы ни было!
Руды расплавим,
Сдвинем полюс и неба пробьем потолок,
Толщу тысячелетних ночей пробуравим,
Чтобы он своей гибели не уволок...

Вот живучая тварь шелестит в кривотолках,
Письма шлет под шумок в молодую Москву,
Вот трухою взвивается на барахолках
И хохочет: «Я жив, я бессмертным слыву!»

Вот он — тысячелетний, костлявый, нещадный,
Наш сосед по квартире. Когда за стеной
Он в кубышке с червонцами роется жадно,
Слышишь кашель его, слышишь стук
костяной?

Вот он, гад-саботажник с лицом
страстотерпца,
Наш сосед по работе, прижившийся здесь, —
О, прожженная бестия, хилое сердце,
Спирта, спермы и перца зловонная смесь!

Мы узнаем Кощея под всякою маской,
Мы раскроем темнейший его псевдоним
И своей непридуманной, праведной сказкой
Посмеемся — и восторжествуем над ним!

ПУШКИНСКИЙ ГОД

ДОРОГА

Пляшут вьюги в столбах полосатых,
Мчатся санки, поют ямщики.
Петухи раскричались в посадах.
Красноглазые спят кабаки.

Давний путь по снегам бесконечным!
То он вьется, то прям, как струна,
И, как пышущим горном кузнечным,
Далеко озарилась страна,
Вся в невиданных сплавах:

Блистая
Жарким золотом и теплотой,
Вьется Рыбка в сетях Золотая,
Бьет крылом Петушок Золотой.

На Урале, в предгорьях Кавказа,
В толще кварцевых древних пород,
Пламенеют сокровища сказок,
Что веками лелеял народ.

И на каждом случайном ночлеге
Блещет в пурпуре сомкнутых век
Море синее, полное неги,
Нереида, нагая навек.

Мчатся годы.
И с силою свежей
Он в родимую глушь занесен.
Там, в сторонке дремучей, медвежьей,
Спит Татьяна.

И снится ей сон,
Что бежит она в туфельках легких,
В белом платье по синим снегам,
Слышит где-то в оврагах далеких,
В кабаках нестихающий гам, —
Там, где цифры царапая мелом
По зеленому полю стола,
Мечет банк шулерам онемелым
Ее милый, сожженный дотла.
Но спешит, не оглянется Таня,
Будто юность кончается с ней.

...Сонной няньки ли то бормотанье
Или вьюга над бегом саней, —
Вдруг услышит он: из непогоды,
Из безлюдных полей бубенец.
Это в ссылку на долгие годы
Давний друг заглянул наконец.
И — стаканом в стакан!
И согреет
Друга давнего пунш огневой.
«Значит, все-таки замысел зреет?»
«Значит, время летит над Невой?»

«Поклянись же, товарищ, что скоро
Долетит в ледяной Петербург
Твой пророческий голос из хора
Бессловесных рыдающих пург».
«О, прощай!»
Обнялись. И как будто
Не заметили, что рассвело, —
Замело, занесло первопуток.
Знает вьюга свое ремесло.

Заметай же, крупа ледяная!
Разгорайся же, утренний брезг!
«О, прощай!»
И одно только зная, —
Что отпущено жизни в обрез,
Что никто никуда не отпущен,

Что конца и не надо пути,
Обнимаются Пушкин и Пущин:
«О, прощай!»
«До свиданья!»
«Прости!»

РАБОТА

Он сейчас не сорвиголова, не бретёр,
Как могло нам казаться по чьим-то запискам,
И в ответах не столь уже быстр и остер,
И не юн на таком расстоянии близком.

Это сильный, привыкший к труду человек,
Как арабский скакун уходившийся, в пене.
Глубока синева его выпуклых век.
Обожгло его горькие губы терпенье.

Да, терпенье. Свеча наплывает. Шандал
Неудобен и погнут. За окнами вьюга.
С малых лет он такой тишины поджидал
В дортуарах Лицея, под звездами юга,

На Кавказе, в Тавриде, в Молдавии — там,
Где цыганом бродил или бредил о Ризнич.
Но не кинется старая грусть по следам
Заметенным. Ей нечего делать на тризне.

Все стихии легли, как овчарки, у ног.
Эта ночь хороша для больших начинаний.
Кончен пир. Наконец человек одинок.
Ни друзей, ни любовниц. Одна только няня.

Тишина. Тишина. На две тысячи верст
Ледяной каземат, ледяная империя.
Он в Михайловском. Хлеб его черен и черств.
Голубеют в стакане гусиные перья.

Нянька бедная, может быть, вправду права,
Что полжизни ухожено, за тридцать скоро.
В старой печке стреляют сухие дрова.
Стонет вьюга в трубе, как из дикого хора
Заклинающий голос:

«Вернись, оглянись!
Меня по снегу мчат, в Петропавловке морят.
Я — как Терек, по кручам свергаемый вниз.
Я — как вольная прозелень Черного моря».

Что поймаешь в этих звуках? Иль это в груди
Словно птица колотится в клетке? Иль снова
Ничего еще не было, все — впереди?
Только б вырвать единственно нужное слово!

Только б вырвать!
Из няниной сказки, из книг,
Из пурги этой, из глубины равелина,
Где бессонный Рылеев к решетке приник, —
Только б выхватить слово!

И, будто бы глина,
Рухнут мокрыми комьями на черновик
Ликованье и горе, сменяя друг друга.
Он рассудит их спор. Он измлада привык
Мять, ломать и давить у гончарного круга.

И такая наступит тогда тишина,
Что за тысячи верст и в течение века
Дальше пушек и дальше набата слышна
Еле слышная, тайная мысль человека.

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Все прошло, пролетело, пропало.
Отзвонила дурная молва.
На снега Черной речки упала
Запрокинутая голова.

Смерть явилась и медлит до срока,
Будто мертвой водою поит.
А Россия широко и строго
На посту по-солдатски стоит.

В ледяной петербургской пустыне,
На ветру, на юру площадей
В карауле почетном застыли
Изваянья понурых людей —

Мужики, офицеры, студенты,
Стихотворцы, торговцы, князья:
Свечи, факелы, черные ленты,
Говор, давка, пробиться нельзя.

Над Невой и над Невским, и дальше,
За грядой колоннад и аркад,
Ни смятенья, ни страха, ни фальши —
Только алого солнца закат.

Погоди! Он еще окровавит
Императорский штаб и дворец,
Отпеванье по-своему справит
И хоругви расплавит в багрец.

Но хоругви и свечи померкли,
Скрылось солнце за краем земли.
В ту же ночь из Конюшенной церкви
Неприкаянный прах увезли.

Длинный ящик прикручен к полозьям,
И оплакан метелью навзрыд,
И опущен, и стукнулся оземь,
И в земле святогорской зарыт.

В страшном городе, в горнице тесной,
В ту же ночь или, может, не в ту
Встал гвардеец-гусар неизвестный
И допрашивает темноту.

Взыскан смолоду гневом монаршим,
Он как демон над веком парит
И с почившим, как с демоном старшим,
Как звезда со звездой, говорит.

Впереди ни пощады, ни льготы,
Только бури одной благодать.
И четыре отсчитаны года.
До бессмертья — рукою подать.

БЕССМЕРТИЕ

Со страниц хрестоматий вставая,
Откликаясь во дни годовщин,
Жизнь короткая, жизнь огневая,
Ни в какой не вмещенная чин, —
Каждым заново с детства решалась,
С каждой юностью жадно дружа, —
То пустая лицейская шалость,
То громовый набат мятежа,
То нужнее дыханья и хлеба,
То нежней Феокритовых роз, —
В спелых гроздьях созвездий, как небо
Над Россией в январский мороз.

В спелых гроздьях!
                    И рифмою парной
Оперенная пылкая речь
Вновь курчавилась пеной янтарной
В торжестве расставаний и встреч.

Дружбы, женщины, жажда живая
Все схватить и, сжимая в горсти,
Каждый облик своим называя,
Все постигнуть и перерасти, —
Это он!
          И на площади Красной,
На трибунах, под марш боевой,
Он являлся, приветливый, страстный,
С непокрытой, как мы, головой.

Там, где гор голубые отроги
Набегают, лавиной грозя,
По Военно-Грузинской дороге
Рядом с ним мы прошли, как друзья.

Сколько белых ночей в Ленинграде
Вместе с нами ему не спалось
Ради близкого взморья и ради
Чьей-то вьющейся пряди волос.

Он затвержен в боях и походах.
Он сегодня — и книга и чтец.
Он узнал, что бессмертье не отдых,
А тревога стучащих сердец.

Что бессмертие — это в тумане,
Может быть, его лучший улов:
Школьный праздник, ребячье вниманье, —
Сколько русых кудрявых голов!

Пахнет хвоей и сказкою древней
От построенных только что стен.
И в ночную метель над деревней
Упираются палки антенн.

И когда за снегами, полями,
Ликованья и нежности полн,
Женский голос, как синее пламя,
Возникает из радиоволн,

И все выше и самозабвенней
Он несется, томясь и моля,
И как будто о *чудном мгновенье*
В первый раз услыхала земля, —

Это он!
Это в пламени песни,
В синих молниях, неумолим,
Он, учитель, товарищ, ровесник,
Входит в школу к ребятам моим.

ПАМЯТНИК ГОГОЛЮ

Владимиру Массу

...А там, в Клину, в Твери, в Любани,
Орленый винный полуштоф.
Там люди, красные, как в бане,
По харям лупят злых шутов.

Там всех присутствий мразь и скука,
Вся братия чернильных крыс,
Вся шатия калек и кукол,
От коей Гоголь ногти грыз.

Там, на поле, где ворон каркал,
Обуглена пургой до плеч,
Дымит затопленная жарко
Из снега выросшая печь.

Сноп искр. И лопаются стекла
В трактирах. Заиграла туш
Пожарная команда. В пекло
Летят тетради «Мертвых душ».

Пошла писать! Упершись в боки,
Глуха к содеянному злу,
Отвесила поклон глубокий
Печь. А метель метет золу.

И лихо воют поддувала...
Но что за чушь! И чад какой!
Иль вправду почудней бывало
Еще в комедии людской?

...Вот он на камне, школьный классик,
Весь в комментариях дождя,
Сам фонари под утро гасит,
Безлюдьем кратким дорожа.

Вот он, продрогшей птицей сгорбясь, —
Не обреченный ли на снос? —
Сей монумент гражданской скорби,
Втыкает в плащ поникший нос.

Вот входит он в театры даром:
— Что, Сваха, ищешь простаков?
Забыл про пятый акт, Жандарм?
Врать разучился, Хлестаков?

Сверкай же ярмарочным тиром,
Жуть исковерканных зеркал!
Я шарил не по всем квартирам,
Не все кубышки обыскал.

Когда по швам трещала стужа
И зоркие прожектора
Скрещали очи на все ту же
Дорогу, вьюжную с утра —

Я в эти годы, может статься,
Шел с непокрытой головой
В крутой волне манифестаций,
Как вы, на форум ветровой.

Нет, ни один мой лист не сверстан,
Том не дописан ни один,
Ищи их по летящим верстам
В сырье несущихся годин!

И то, что я сжигал когда-то,
Моя болезнь, а не венец.
И если есть на камне дата,
Она ступень, а не конец.

ГРАЖДАНИН ЧИЧИКОВ

Нос шишкой, бритый подбородок,
Жилет в цветах, двубортный фрак, —
Осколок вымершей породы,
Случаем вылезший дурак,

Иль тертый жулик, с кем не мешкай:
Как пить дать, попадешь в беду!
С двояковогнутой усмешкой
Подметки срежет на ходу.

Кем бы он ни был, — жив, обтерся,
А все такой же жох и жмот,
Сверкает сединою ворса
И сильным мира руки жмет.

Не от казенных пирогов ли
Жирея так, что нету глаз,
В глубоких недрах госторговли
Сия зараза завелась?

Какой свинцовый дождь заляпал
Каких толкучек барахло?
Каких свидетелей, как кляпом,
Молчать об этом обрекло?

Словарь жилого обихода
Мы в три погибели согнем,
Заставим уголовный кодекс
Подумать заново о нем!

Мы выследим его наглейший,
Его отчаяннейший шаг,
Когда, мурлыча под нос «Гейшу»,
Горд, как раджа иль падишах,

Он свежевыбрит и опрыскан
И, встретив друга-подлеца,
Хвалясь пред ним столь малым риском,
Меняет все — вплоть до лица.

ГРОЗА В ПЯТИГОРСКЕ

Гроза разразилась и с юноши мертвого
Мгновенно сорвала косматую бурку.
Пока только гром наступленье развертывал,
А страшная весть понеслась к Петербургу.

Железные воды и кислые воды
Бурлили и били в источниках скал.
Ползли по дорогам коляски, подводы,
Арбы и лафеты. А юноша спал.

Он спал, ни стихов не читая, ни писем,
Не сын для отца и у века не пасынок.
И не был он сослан и не был зависим
От гор этих, молниями опоясанных.

Он парусом где-то белел одиноким,
Иль мчался по круче конем легконогим,
Иль, с барсом сцепившись, катился, визжа,
В туманную пропасть. А утром, воскреснув,
Гулял у чеченцев в аулах окрестных,
Менялся кинжалом с вождем мятежа.

Гроза разразилась. Остынув от зноя,
Машук и Бештау склонились над юношей,
Одели его ледяной сединою,
Дыханьем свободы на мертвого дунувши:

«Спи, милый товарищ! Окончилось горе.
Сто лет миновало, — мы снега белей.
Но мы, старики, — да и все Пятигорье, —
Отпразднуем грозами твой юбилей;

И небо грозовым наполнится ропотом.
И гром-агитатор уснувших разбудит.
А время? А смерть? — Пропади они пропадом!
Их не было с нами. И нет. И не будет».

НА СМЕРТЬ ДЕМОНА

В Москве был дождь,
в Ростове сильный ветер,
А у подножья Машука гроза.
На трассе той я Демона не встретил,
Не заглянул в опасные глаза.

На высоте двух тысяч метров не был
Возможен смелый демонский полет.
Там, в блеске свежевымытого неба,
Где только винт пропеллера поет,
Где сбились тучи, словно хлопья ваты,
Неприбранные с масленичных вьюг,
Там Демон дымный, Демон лиловатый
Не пробирался на любимый юг.

Он был захлопнут в книжном переплете
Иль на холсте у Врубеля сложил
Ночные крылья, сбитые в полете, —
Короче, он скончался, как и жил.

Бред юношеский! Сколько раз видали,
Как дивно он планировал, скользя,
Когда внизу, в долине Цинандали,
Кутили кахетинские князья.

Прошло сто лет. И, с облачных качелей
Упав на сцепу в крашеный картон,
Проходит он под звон виолончелей,
Упитанный нарядный баритон.

А между тем в серебряной гондоле
Широкоплечий мастер высоты
С ним поменялся легендарной долей
И говорит со звездами на «ты».

Он видел Арктику в шальных бурунах,
И пляску молний, и полет планет,
И ласку солнца в тучках тонкорунных,
Но потолка его познанью нет.

Закончив рейс, он щеткой вытрет руки,
Смахнет со лба крутую прядь волос
И скажет, стоя на земле, подруге:
«Клянусь тебе, мне дело удалось!

Еще клянусь я *первым днем творенья,*
Небесною любовью и земной,
Я не могу сложить стихотворенья,
Но Лермонтов доволен был бы мной».

ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

С Новым годом, Бажан, Чиковани, Зарьян и Вургун!
Наша песня пройдет по республикам прежним
и новым,
Заполощется лозунгом, вплавится звоном в чугун,
Перекликнется с миром сигналом коротковолновым.

Перед нами — серьезное, гордое время труда,
Горный эпос, былины в степных, ветровых перекатах
И впервые блеснувшая в мощной породе руда, —
Ибо мы — поколенье впервые по праву богатых.

Не молочные реки омыли медовый кисель,
Не находка блеснула из недр Ушакова и Даля,
Ничего из того, что казалось богатством досель,
Чем кичились поэты, хотя и в глаза не видали.

Только первоначальная сила волны ветровой,
Ширина, вышина заводимых вполголоса песен,
С красным солнышком, синей рекою, зеленой травой,
По сравненью с которыми ритм неприглядеп и тесен.

Только этим и чист, только этим и молод язык.
Кто его забывал, у того и дыханье скудело, —
Сочинял он безделки глупцам, упражненья заик,
Каламбурил или околесицу нес то и дело.

Кто бы ни был — араб, или мудрый индус, или грек, —
Он услышит наш голос, хотя бы из века другого.
Он услышит слиянье наречий, слиянье рек,
Наш единый, наш многоязыкий раскованный говор.

Наша песня пройдет по земле не разящим мечом,
А снопом световым, как прожектор
по вспыхнувшим тучам.

Не помеха — пространство, и время само — нипочем
Нам, впервые здоровым, впервые по чести растущим.

Начинается утро. Кричат петухи на Руси.
Издалека звенят провода электрической тяги.
О Родная Земля! Ты уже за холмами еси.
Высоко развеваются в бурях червленые стяги.

ДВА ПОРТРЕТА

Поэма

Юрию Тынянову

1

Писал, писал — вплоть до седьмого пота
Усердствовал художник. Наконец
Почувствовал он: спорится работа.
Лицо живет, и очи — как свинец,
И тон хорош, зеленовато-зыбкий.
Он был готов ручаться головой,
Что на холсте — с приветливой улыбкой
Весь Павел свет Петрович, как живой.
И вот остался блеск звезды нагрудной:
Чуть тронешь кистью, и сверкнет она.
Художник тронул каплей изумрудной...

А император, спьяну иль со сна,
Как выкатит свое монаршье око,
Как дрыгнет ножкой, как начнет шуметь!
И в голосе, взобравшемся высоко,
То пенье петуха звучит, то медь.
Он распекал художника. Внезапно
Сощурился и, странно хохоча,
Изрек:
— Сия фигура есть похабна,
Уродлива и неизвестно чья.
Изображен капрал или поручик,
Мейн либер гот — возможно ли, что я?
Но разве он на ужас бытия
Глядит с портрета, как с отвесной кручи?
Пускай я гневен, господи прости,
Пускай я сумасброд, но кто сказал бы,
Что истинно зажаты в сей горсти
Морских баталий пушечные залпы?
Портрет не я, а некий карлик хлипкий,

Чиновный плут, всесветное хамье.
И лишь благоволение в улыбке
Пленительное — вроде и мое.
Ты, живописец, в рвении сугубом
Пришлепнул нос, укоротил мне лоб.
И вышел я, как негра, толстогубым
И низкорослым, как ты сам, холоп!
Тебя по чести следует в оковах
Гнать в ссылку. Но... — захохотал он вдруг, —
Вот ассигнациями сто целковых
И чарка водки из монаршьих рук.

Всю эту речь художник бедный слышал
И сразу жалок стал и одинок.
Он поклонился, сгорбился, и вышел,
И побежал домой не чуя ног
Вдоль по Неве. Навстречу выплывали
Из мрака будки, фонари, столбы.
Искал ли он сочувствия? Едва ли.
Он знал, что как ни кинь, а от судьбы
Все не уйдешь, — вот разве только в воду,
Хоть в омут ледяной, или еще
Хлебнуть, как встарь, вина под непогоду,
Обжечь хотя бы глотку горячо...

«Санкт-Петербург, — он думал, — как несносен
Мне дивный кругозор твоих камней,
И ветра всхлип, и скрип чухонских сосен,
И хрип военных труб, и храп коней!
Казнит ли царь иль жалует — отныне
Легла на мне казенная печать.
Несу я бремя общего унынья
И общего уменья промолчать.
Санкт-Петербург за пачку ассигнаций,
За чарку водки выжмет естество
И дарованье, выучит склоняться
Перед молохом царствия сего.
Но, заклейменный подлостью рожденья,
Я меж князей и графов пропаду...»
И, кулаки сжимая в подтвержденье
Своим словам, он трясся на ходу,
Как будто от негаданной невзгоды
Стал ниже и ничтожнее во мгле...

И вспомнил он младенческие годы,
Садок вишневый, хату на селе,
Господский двор, далекую ту пасху,
Когда впервой на этот двор пришел.
И барин кинул медный грош подпаску
В канаву. Мальчик вымок, но нашел.
И барин хохотал и кинул снова
На огород, в овраг, за ворота.
Так мальчика встречала крепостного
Господская блажная доброта.
И вспомнил он, как в горнице за печкой
Царапал раз обломком уголька
Смешную рожу, пастуха с овечкой,
Деревья, а над ними — облака.
Как у черниговского богомаза
Сухие краски растирал, учась.
Вот и пошло — вниманье, зоркость глаза,
Упрямство, страсть — все, чем он жив сейчас.
Он вспомнил все, чем жизнь красна младая,
Чем труд его так радостен порой.
Но, лишь воспоминаньем обладая,
Чуть не заплакал бедный наш герой.

Чего ж ему, по чести, не хватало?
Светлейших титулов, нагрудных звезд,
Иль звонкого презренного металла,
Иль права быть отсель за тыщу верст
И по свету кружить, как солнце кружит,
И никому под солнцем не служить,
Со встречными дружить, как ветер дружит,
Хоть в чистом поле?.. Только жить и жить!
Так он мечтал. Вдоль Невского проспекта
Чадили плошки. Дождик моросил.

Вдруг с живописцем поравнялся некто,
В плаще, с убогим свертком, и спросил:
— Сдается мне, что мы встречались, сударь?
Напомню время: десять лет назад.
И место встречи: далеко отсюда.
Париж, точнее — Люксамбургский сад. —
Был незнакомец странно беспокоен,
Оборван весь, невероятно тощ.

Художник всматривался: кто ж такой он?
Не мог понять. Тут приударил дождь.

Они вошли в харчевню. Из харчевен,
Наверно, то подлейшая была:
Сырой подвал, где самый день плачевен,
Где делаются гнусные дела,
Где пьяного по морде бьют, как в бубен,
Где гулко отдается по столам
Смех зрителей, а жертвы вой стотрубен,
Как будто жизнь сломали пополам;
Где шкипер, дымом кнастера повитый,
Рыгает, молча глядя на балык;
Приезжий купчик буйствует со свитой
Каких-то забубенных прощелыг;
Где все свершается как бы в издевку,
И два гусара, теша гордый нрав,
Секут публично охтенскую девку,
Ей на голову кринолин задрав.

Они вошли туда. Как в преисподней,
Ударило вошедших сразу в пот.
Хозяин занавесочку приподнял,
Чтоб угостить как следует господ.
За занавеской было нечто вроде
Каморки. Тусклый черный образок
Висел в углу. Хозяин на глазок
Смекнул, чего желают благородья,
Поставил пунш и скрылся.

Неизвестный

Стало быть,
Не узнаете?

Художник

Нет, прошу прощенья.

Неизвестный

Но можно ли так начисто забыть
Наставника благого просвещенья?

Художник

Вы шутите. Я чту учителей
Заморских и отечественных свято,

Но память здесь ни в чем не виновата.
Кто вы такой? Прошу сказать смелей.

Неизвестный

Тот год, когда в Париже вы гостили,
Благословен на долгие года.
Есть много, сударь, на земле Бастилий.
Но первая взята была тогда.
Припомни, друг, тот воздух раскаленный,
Свет солнечный, июльский, золотой.
Я протянул каштана лист зеленый
Тебе взамен кокарды...

Художник

О, постой!
Постой... Я помню множество гостиниц,
И дилижансов, и дорожных встреч...
Возможно ли? Тот ярый якобинец,
Та дерзкая прерывистая речь,
Тот парижанин двадцатидвухлетний,
Почти ребенок... Десять кратких лет!
Но ты старик согбенный...

Неизвестный

Да, последний
Из выживших, и сам почти скелет.
Пал Робеспьер. Его конец оплакав,
При Консульстве я в тюрьмах побывал,
Потом бежал. Путь многих одинаков:
Крутой подъем, неслыханный провал.
Век Разума кончается и канет
Вослед за Революцией в ничто.
Преемник бури, дерзкий корсиканец
Низринет все, что в буре начато.
Я не нашел приюта в целом мире,
Все позабыл о юношеских днях
И очутился в Северной Пальмире,
Художник иль сапожник, но бедняк,
И мерзну тут, и начал кашлять кровью,
И, видно, скоро ноги протяну.
Но я оплакиваю не здоровье,
Не молодость, а Францию одну.

Художник

Друг! Наши судьбы, разные в дни счастья,
Неотвратимо сблизились в беде.
И я бедняк и санкюлот отчасти,
Холоп, гонимый всюду и везде.
Раб крепостной, мужицкий сын и правнук,
И сам мужик, хотя не земледел,
По прихоти хозяев своенравных
Я тайнами искусства овладел.
Но что мне блеск и строгость колорита,
Что вечный поиск правды на холсте,
Когда вокруг все сумраком покрыто,
А жалобы... немотствуют и те.
Сам убедись: на всем один оттенок,
Цвет плесени, кладбищенски сырой.
Попал ты не в харчевню, а в застенок,
Где смертников возропотавших рой
Решетку рвет, царапает железо.
Пей, милый спутник юношеских дней!
Пей, санкюлот!

Неизвестный

За что?

Художник

За «Марсельезу».
Но ты внезапно стал еще бледней.
Ты плачешь? Брось! Все на земле пустое.
Пей, старина! Как там звучит? Aux armes!..
Встань! Мы споем, как подобает, — стоя.
Но тихо. Уши есть и у казарм.

Они стаканы сдвинули. От краткой
Беседы в якобинце вновь зажглась
Ребяческая дерзость. И, украдкой
Смахнув слезу непрошеную с глаз,
Он вынул табакерку, щелкнул пальцем
И молвил, сдунув со стола табак:
— Я не рожден на то, чтоб быть страдальцем,
Тем более когда вхожу в кабак,
Тем более когда на это трачу
Последний грош (и звякнул медный грош).

Но я тебе свидание назначу
Еще одно! Ты вспомнишь и придешь.
А числюсь я живым ли среди мертвых
Иль мертвым средь живых, — не убежден. —
И, бросивши на стол убогий сверток,
Француз исчез под проливным дождем.

Что было в этом свертке? — Непонятно.
Художник развернул и онемел:
Пред ним портрет. В углах чернеют пятна
Зловещей крови. Неискусный мел
Здесь начертил подобье человечье,
Бог знает чьи перекосив черты...
Но было так пронзительно увечье,
В тенях сгустилось столько черноты,
Что из глазниц, как из пустых расселин,
Не мог пробиться даже тусклый взгляд.
Чело покрыла мертвенная зелень.
Казалось, скулы все еще болят
И дергаются. В чем же смысл картины?
Как в ясные слова его облечь?
Ведь это жертва грозной гильотины,
Ведь голова скатилась с чьих-то плеч!
Вот отчего уродливо творенье,
Вот отчего рисунок стерт и сер.
Художник, сильно напрягая зренье,
Прочел в углу картины: «Робеспьер».

2

Весною император был задушен.
И, под грома глухих литавр и труб,
Разряжен, свежевыкрашен, надушен,
Лежал в гробу его невзрачный труп.
И не прошло и суток — по России
Провозглашен был манифест о том,
Что император от апоплексии
Преставился. Лежал он с сжатым ртом,
Подтянутый, нестрашный, безголосый,
Вполне достойный почестей старик.
И серебром мерцал жестковолосый,
По старой моде завитой парик.

Все кланялись, крестились, лобызали
Сухую ручку иль прохладный лоб.
Среди гостей, теснившихся в той зале,
Был и художник, крепостной холоп.
И над почившим — в золоченой раме,
Весь в черных бликах масленых — мерцал,
Как бы восхищен горними мирами,
Как бы удвоен фокусом зерцал,
Двойник царя с приветливой улыбкой,
Подтянутый, нестрашный, молодой,
Под лаком весь зеленовато-зыбкий,
Струящийся как будто под водой.
Художник на свое творенье глянул:
Змеились смехом царские уста.
Но что за диво дивное!.. Отпрянул
Художник от недвижного холста,
И отошел подалее, и замер,
Вновь подошел, как призраком влеком...
А Павел с выкаченными глазами
И с высунутым синим языком
Задергался нечванно и нечинно,
Уж не живой, но все же не мертвец, —
Такой, каким он был перед кончиной,
Могущий многим насолить стервец.
Художник был отнюдь не суеверен,
Но в этот час, испуга не тая,
Он видел, что уж слишком гнил и скверен
Портрет, зиявший из небытия.
Такого ли писал он? — Нет, иного!
Но как же он не разглядел *того*?
Зачем же зоркий глаз и мастерство?
И мысль его взвилась, как вихорь, снова.

И понял он, что некий страшный слух
Недаром полз по улицам столицы...
Нет, идол гробовой румянолицый
Не заслужил рыданья верных слуг.
Верней бы просто за ноги да в воду,
Хоть в ледяную прорубь, да кончай,
Где пива март хлебнул под непогоду
И в рыхлый снег свалился невзначай,
Где, как пивная пена, порыжели
Серебряные хлопья зимних пург...

И живописец вздрогнул: неужели
Такую правду знает Петербург?
И оглянулся он вокруг с опаской.
Нет. Все в порядке. Только для него
Блеснула правда под посмертной маской.
Все было окончательно мертво.
И люди шли, крестились, лобызали
Сухую ручку, что была мертва.
И певчие, теснясь в соседней зале,
Рыдали: «Человек, яко трава...»
А над почившим в золоченой раме,
Румяный и приветливый, как встарь,
Сиял, восхищен горними мирами,
Изображенный для потомков царь.

Художник спал в ту ночь, как в воду канув,
Без снов, усталый крепкий человек.
По дому грузным шагом великанов
Шли между тем часы. Начался век.
И в ту же ночь... А может, и не в ту же
(Их столько было черных, без числа!..),
Озябшая, под мартовскою стужей,
Ему письмо девчонка принесла.
— Встань, дяденька, проснись! Или оглох ты? —
Спросонок он ее понять не мог.
— Откуда?
                    — От француза с Малой Охты. —
И он вскочил и сжал письмо в ко́мок.
Там были две строки:
                              «Я умираю.
Приди, пока не поздно. *Аристид*».

И вот уже он мчится. Вся сырая,
Вся мартовская мгла за ним летит.
Скорей, скорей! Пока не поздно, мимо
Лачуг, заборов, будок и канав.
Всю молодость, всю жизнь неутомимо,
Хотя бы насмерть сердце доконав!
Скорей, скорей! Нет ничему возврата.
Но если вправду сердце не мертво,
Не опоздай на тихий голос брата,
На страшный голос брата твоего!

И хлещет ветер, плащ с тебя срывая,
Дождем и снегом хлещет по лицу...
Чу! Грянул гром. То пушка заревая
Бабахнула на Марсовом плацу.
И ей салют откликнулся с кронверка.
Потом в каре построились войска.
И, всю столицу страхом исковеркав,
Преследует бегущего тоска.
То Павла-императора хоронит
Его столица смирная. И пусть!
Художник о другом слезу уронит,
Другой могиле посвящает грусть.

Он в комнату вошел. На жестком ложе
Лежал старик иль мальчик. Столько лет
Прошло, а не забыл художник кожи,
Натянутой на маленький скелет.
Так угасал изящный и невинный
Француз-художник, дряхлый вертопрах,
Чужим железным веком, как лавиной,
Как жерновами, смолотый во прах.

— Друг! Я не болен, я смертельно трезв.
Нужда или несчастная звезда,
Дорогу отступления отрезав,
На гибель завела меня сюда.
Ты помнишь, — на волне припева, в пене
Косматых шапок, ружей и знамен,
Любой из нас по праву упоенья
Соседом был бы тотчас заменен...
Я знаю, что дела такого рода
Неповторимы, так они просты.
Но если есть бессмертие народа,
То оба мы бессмертны, я и ты.
Друг! Если ты художник с ясным взглядом,
Всмотрись в последний раз в мои глаза
И наклонись к подушке, чтобы рядом
С моей — твоя скатилась бы слеза.
Друг! Если ты... Нет, это все пустое.
Друг! Если ты... О, если ты мне друг,
То обещай, как подобает, стоя,
Спеть нашу песню. Кончено...

Как вдруг
На выступе стенном, как по экрану,
В лучах зари наметилась едва
Та самая, скатившаяся рано,
Взлохмаченная ветром голова,
Кричащая, отмщающая яро,
Летящая сквозь годы и века,
Та голова трибуна-монтаньяра,
В крови и в саже, в космах парика,
Взметенная на пике над Парижем,
Вдруг выросла и — понеслась вперед!

Пусть на холсте, от давней крови рыжем,
Потомок ничего не разберет;
Пусть этот холст в чужой стране пожухнет,
Пусть и создатель бедного холста
В чужой стране от голода распухнет,
Свое творенье бросив неспроста;
Пусть сгинет он изгнанником бездомным,
Пусть и рассвет в сыром окошке сер, —
Художник знал всем ощущеньем темным,
Знал всем сознаньем: это Робеспьер!

И Робеспьер усталым, хриплым горлом
Именовал историю на «ты»,
Он воздухом дышал высокогорным,
Бессмертным кислородом правоты.
Его слова, как врезанные в камень,
На диво были сжаты и просты.
Священный революционный пламень
Взвивался из-под гробовой плиты.

Минуту это длилось. Но в минуте
Запечатлелся весь минувший век.
Меж тем художник в первозданной смуте
Рассматривал сквозь пурпур сонных век
Окно, постель и холст, висящий криво...
В смещенье линий, видимых едва,
Он ждал движенья, возгласа, порыва.

Но через миг исчезла голова.

Художник выпрямился. Не хватало
Ему дыханья. В окнах темнота

Ночная поредела. Там светало.
Как медленно светало, как света...

И рассвело. Внезапно, без причины,
Нужнейших слов собрату не сказав,
Он поднялся как бы со дна пучины,
И понял — что проснулся весь в слезах.

ПРЕДПОЛЬЕ

ОКТЯБРЬСКИЕ СТИХИ

1

Здравствуй, милая! Откуда
Вновь ты смотришь на меня?
Ночь полна глухого гула.
За окном — снопы огня.

То прожектор шарит в звездах,
Проверяет наш зенит:
Глубоко ли дышит воздух,
Высоко ль мотор звенит.

Сознаюсь: сегодня ночью
Я в историю влюблен,
В эти мчащиеся клочья
Песен, призраков, знамен,

В дождь, в ночной гудок тревожный,
В каждый смутный знак и след,
Помогающий, сколь можно,
Молодеть на двадцать лет.

Здравствуй, милая! Пришла ты
Ветром в комнату мою.
Твой встревоженный, крылатый,
Легкий облик узнаю.

За тобой, моей сестрою,
Ранней спутницей моей, —
Котлованы наших строек,
Берега чужих морей.

За тобою — рельсы, версты,
Встречи с веком молодым,
Корректуры первых версток
И махорки сладкий дым.

Ты несла в политпросветы
Боевых агиток гнев.
Ты встречала час рассвета,
На ветру оледенев.

Ты товарищей встречала
Меж снастей, баркасов, барж,
Ты у волжского причала
Прокричала «Левый марш».

Я терял тебя из виду,
Но в толпе мелькала ты.
Мне казалось: только выйду
Из житейской тесноты,

Оглянусь, сосредоточусь,
Все, что мелко, истребя, —
И опять вернется почесть
Называть на «ты» тебя.

Здравствуй, милая! Дай руку.
Мы пройдем по городам,
Мимо башен, виадуков,
Маяков, ангаров, дамб.

Встретим мы друзей, конечно,
В Горьком, в Киеве, в Баку.
Только б список бесконечный
Втиснуть в ломкую строку.

Только бы сказать смиренней,
Проще, тверже и прямей:
«Здравствуй, первый день творенья,
Праздник юности моей!»

2

...И школьники столпятся удивленно
И, не дыша, впиваясь в каждый звук,
Услышат о вселенной, удаленной
От нас на годы световых разлук;

О маленьком неукротимом шаре,
Летящем в черном бархате пустот;
О телескопах, что уперлись, шаря,
В ночную твердь, в бездонный бархат тот;

Об истине, добытой кровью лучших,
О книгах, что сжигались на кострах;
О столь известных неблагополучьях,
Как нищета, невежество и страх;

Об угнетенных, черных странах мира,
Где, что ни пядь, — засада и редут...
И, как на снежное плато Памира,
На первую ступень они взойдут.

Но сколько ступеней преодолеть им!
Как долго, над обвалами клонясь,
Шагать по каменным мильонолетьям
От ледниковых пращуров до нас!

Они увидят сплющенные хари
Тех пращуров, когда найдут следы
Бежавшей прочь орды в Гвадалахаре
И свастику на знамени орды.

И, вся дымясь и вся дыша ненастьем,
В кровоподтеках, в саже, в клочьях тьмы,
Внезапно распахнет ворота настежь
История пред нашими детьми.

Я вижу этот час в колхозной школе.
За окнами — зеленый хвойный край.
О молодость! Расти на вольной воле,
Исполнись правдой, радуйся, играй!

Пройдут года. Пройдет за датой дата,
Тебе большое счастье суждено,
Недаром было сказано когда-то,
Что молодость и родина — одно.

3

Нет! Это еще не о главном!
Раздвиньтесь же, стены! Пора!
Наполнитесь грохотом славным
На крышах Москвы, рупора!

Ты, песня, потоком стогорлым
Всю Красную площадь залей.
Пусть мальчик с серебряным горном
Подымется на Мавзолей!

Протрубит он славу полетам рекордным,
Рукам человечьим, усильям упорным,
Изогнутым крекингам, пламенным горнам,
Металлу, и нефти, и залежам горным,
И хлебу колхозных полей.
Протрубит он вечную славу
Всем павшим за дело любви
В зеленых степях Украины,
На Волге, Кубани, Дону,
На горных тропинках Кавказа,
В дремучей сибирской тайге,
В ненастьях балтийского взморья,
У Каспия в солончаках.

И снова затрубит он зорю,
На Запад направив трубу,
Изменников насмерть позоря,
Скликая друзей на борьбу.
И зов электрическим током
Вонзится в сознанья и сны,
Ударит по тросам причалов и докам,
По дамбам и шахтам германской страны.

И трубный призыв, не слабея,
Помчится на Дальний Восток,
Туда, к партизанам Чапея,
В живой человечий поток.
И голос ответный прорвется сквозь пули,
Сквозь желто-лиловое пламя пальбы:
«Мы живы. Мы, рикши и кули.
Мы боремся. Мы не рабы».

И мальчик на Север затрубит
И к полюсу звук донесет,
Он толщу молчанья разрубит,
Морозную твердь потрясет.
Там четверо только и дышат
За вьюгой, за скрежетом льдин.
И родину ясно услышат
Все четверо, встав, как один,
И крикнут в молчанье и вьюгу:
«Ты слушаешь? Здравствуй, Москва!»

А мальчик горячему Югу
Затрубит сигнал, — и едва
Расплещется эхо в скалистых извивах
Астурии, — прянув на полном скаку, —
Оттуда протянутся молнии: «Viva!
Viva Rùssia! Viva Mosku!»

И снова на Запад, и снова
На Север, на Юг, на Восток,
Порывами вихря сквозного
Подхваченный, ринется ток.

Он — синяя вспышка контакта.
Он — молнии острый зигзаг.
Он — века великая вахта.
Он — слезы у нас на глазах!..

КАРТА ЕВРОПЫ

Вот, вот она! Истыканная в штабах,
Границами изрезанная вдрызг,
В концлагерях, на каторжных этапах,
Ее названья — горе, ярость, риск.

Сверкает Рейн. Теснятся Альпы слепо.
Даль Пиреней дымиться начала.
Всмотрись в нее. Она — посмертный слепок,
Который снят с любимого чела.

Швырни ее на стол, прикрой ладонью
Куски морей и полуострова.
В тебя ударит многовольтным током,
Дыханье хлора глотку оборвет.

Ее трамбуют медленные танки.
Ее пилоты видят издали.
Ее несут в манерке иль портянке,
Как амулет, — сухую горсть земли.

И руки свастик с обезьяньей силой
Впиваются когтями в горло ей.
И тощие садисты, сатанея,
В глаза окурки тычут ей с тоски.

И в диких визгах джаза, будто пиво,
Пролитое по стойкам и столам,
Морские штормы бьют ее крапивой,
Песок швыряют с пеной пополам,

Они хотят поднять ее до срока,
Который, может статься, точно дан.
И сжал кастет молодчик де ля Рокка
И прячет паспорт в плоский чемодан.

И черные торпеды из Марокко
Драконами вползают в Гибралтар
И рвут ночные берега до срока,
Который завтра утром будет стар...

О, смутный сон Мадрида! Смутный рокот
Бессонных сборищ! Смутный звон гитар!

Вот, вот она! Как грустно, как широко
Ее глаза открыты в эту ночь!
Всмотрись в нее! Не опоздай до срока.
И протяни ей руку, чтоб помочь.

НА СЕВЕР!

На север, на север, на север — вперед!
Нас зà сердце доблесть людская берет.

На север глядит человечество зорко,
Туда, где осталась на вахте четверка.

Над ними пурга запевает в рога.
Им гибель грозит, ледяная карга.

Зеленые льды — частоколы и зубья,
Скрежещут, ползут над чернеющей глубью.

Но солнце над ними стоит в небесах
Все двадцать четыре часа на часах.

Но слажено все для рекордного дела.
За каждым прибором страна доглядела:

Варила им сталь, шлифовала стекло,
Чтоб ночь распахнуть перед ними светло.

К ним рвутся цветов золотые охапки,
Оркестры, знамена, и руки, и шапки.

А там, опрокинутой чашей вися,
Им наша планета подарена вся,

Тот самый поручен им глобус, который
Коперник швырнул в мировые просторы!

А там, — еле видный народам во тьме,
Пунктиром намеченный в светлом уме, —

Вот он, в сочетанье расчета и риска,
Весь путь от Московского моря до Фриско.

Бушует весна. Начинается год,
Они остаются в краю непогод.

Их четверо. Благословенно их имя.
Гордись же, страна, сыновьями такими!

Вселенная, безостановочно мчась,
Навеки запомни минуту и час,

Когда водрузили на льду новоселы
Наш флаг — человеческий, красный, веселый.

НОВОГОДНЯЯ КИНОХРОНИКА

Еще раз. В последний, наверное. Вот она
Моргает на белом квадрате экрана,
Истерзана распрей, гангреной изглодана.
Посмотрим на зрелище. Спать еще рано.

Разодрана родина. Изгнана доблесть.
Лишь флейта да стук барабанных прелюдий.
Так рота за ротой в Судетскую область
Вторгаются злобные, тусклые люди.
И руки, подобно прямым семафорам,
Для судорожного приветствия вытянув,
Свирепо глядят в настороженный форум,
В молчание прерванных, сорванных митингов.
На флагах свиваются щупальца свастик.
Еще раз стучит барабан для потехи.
И квакает выпуклым ртом головастик:
«По-чешски ферботен. Вы больше не чехи».

И все. Но стрекочет, спешит кинолента.
Туманы сгущаются. Дымы клубятся.
И вот на другой стороне континента,
Над пасмурной Темзой, на башне Аббатства
Вещают часы: «Погляди, джентльмен!
Все в мире спокойно, не жди перемен».
Но, кутаясь, в кресле коричневом кожаном,
Один джентльмен поверяет второму:
«Поймите же, сэр, в этом мире встревоженном
Мне грог не по сердцу и тошно от рома».
Второй джентльмен отвечает:
«Не знаю,
Конец ли, фортуны скрипит колесо ли,
Но мне эта абракадабра ночная
Не нравится. Кстати, упали консоли».

Затем джентльмены молчат.
Но, моргая,
Стрекочет опять кинолента, стрекочет.
В туманном наплыве столица другая
Над ржавой жаровнею славы хлопочет.
На старом бульваре, под старым каштаном,
Где столько дорог человечеством пройдено,
Легко ль очутиться бездомным, бесштанным,
Без женщины нежной и даже без родины?
А так вот и стой, сигаретой попыхивай,
Прогуливай, как фокстерьера, свой разум,
Задушенный в сумраке города тихого
Сегодняшним джазом и завтрашним газом.
И хлыщ поднимает приветственно шляпу
Навстречу лихим молодцам де ля Рокка.
И гибель заносит над ним свою лапу.
Но новый наплыв разверзает широко
В серебряных Альпах, на подступах льдистых,
Под вьюгой избушку бессонных радистов.

Не двинутся льдов кафедральные своды.
Священные тучи пасутся отарами.
В ночи новогодней и в сводках погоды
Все, кажется, дышит привольями старыми.
Как будто старик этот — Фауст в косматом
Своем одиночестве бредит Еленой.
Шалишь! Он — весьма невзыскательный атом,
Обструганный временем, будто полено.
Радист принимает все радиоволны —
С кошачьим мяуканьем, с вальсами Штрауса,
Служака что надо, чиновник безмолвный,
Давно безучастный к звучащему хаосу.

Двенадцать часов! Новый год уже близко.
Нацелены жерла бессонных зениток.
И в синий хрусталь крутизны сверхальпийской
Земля наливает багровый напиток.

Тогда из приемника вместо мяуканья
Взыванья картавого голоса лезут.
В нем смешаны с пьяной фельдфебельской
руганью
Истерика женщины, скрежет железа.
И сразу тот лающий голос опознан.

То голос измены, угрозы и ужаса.
То грохот воздушной бомбежки.

Но поздно.
Последние кадры проходят и рушатся.

Светает.
Над брешью траншейного хода
Дымится клочок розоватого неба.
Мадрид не встречал еще Нового года,
Два года на дружеском пиршестве не был.
Над крышами Карабанчеля, над Парком
Раскат грозовой или рев динозавра,
«Капрони» ли взвизгнул иль «юнкерс»
прокаркал, —
Зенитчик не спит.
Начинается завтра.

Товарищи! Нам ли на празднике сетовать?
Нам молодость верит. Нас время торопит.
Так выпьем за зоркость зенитчика этого,
За наших друзей в новогодней Европе!

БОЛЬШАЯ МОСКВА

1

Ты шла по излучинам рек и по шляхам,
Кремли городила, и срубы рубила,
Грозила железом ливонцам и ляхам,
И землю орала, и в колокол била.

Набив закрома и деньги не растратив,
Татарский ясак оплативши с лихвою,
В заволжскую глушь посылала ты рати,
Шла в степи, врубалась в чащобную хвою.

От медного звона, от гама людского
Тучнел городок, хорошея незримо.
Посад за посадом оделась Москова
Финифтью и золотом Третьего Рима.

И Тверь, и Владимир, и Суздаль, и Углич
Следили, покорствуя и восставая,
Какие еще городища обуглишь
Ты, ярость московская, крепь постовая!

Во славу той ярости — жестокосерды
И Волга и Волхов синели окружьем,
И в кузнях людишки боярские, смерды
Вздували мехи над московским оружьем.

От грубой пеньки до заморского лала —
Все было тебе на потребу, все мало!
Так жарко пылала, так жадно желала,
Так часто добытое жгла и ломала.

И в тяжкие зимы, и в дни лихолетья
Ворон не хватало тебе на жаркое.
Но, шитая лыком, но, битая плетью,
Ты лишь одного не хотела — покоя.

Потом ты раскинулась бойким базаром,
Скликала гостей из Орла и Рязани,
Потом, опозорена охрой казарм,
Для Чацкого стала мильоном терзаний.

Румяная сдоба, блинная опара
Скликала обжор от Харбина до Лодзи...
Курьерский летел в оперении пара
Сквозь ельник и дождь, рыгачами елозя.

На мягком диванчике первого класса
Какой-нибудь немчик готовился к встрече
С тобою, Москва. И готов был поклясться,
Что переплутует все Замоскворечье.

Шли десятилетья ни шатко, ни валко.
А где-то во тьме, в ликованье и муке
Мужала твоя золотая смекалка,
Твои золотые работали руки.

Уже вырастали, плечисты и зорки,
С хорошею памятью, с яростным сердцем,
Наборщики Сытина, парни с Трехгорки —
На горе купцам и на страх самодержцам.

Что пело в тебе, и неслось, и боролось,
И гибло на снежном безлюдном просторе?
Как вырвался звонкий мальчишеский голос
Из гула студенческих аудиторий?

Свинцовые вьюги тогда пролетали,
Свистя в баррикадах расстрелянной Пресни,
И слово с чужих языков — «пролетарий» —
Тебе обернулось не словом, а песней.

Когда это было, любимая, вспомни!
На миг затуманятся ясные очи.
Ты станешь еще веселей и огромней,
Но ты не забудешь. Навеки. Той ночи!

2

Не странноприимная слава монашья,
Не всенощных свечек престольная слава,
Лихая безбожница, молодость наша, —
Так будь белокаменна и златоглава!

Ты больше не город, не сто километров,
Одетых в брусчатку иль мрамор нетленный,
Ты — встреча всех сил, притяжений и ветров,
Скрещенье всех рейсов и сердце вселенной.

Вот небо исполнилось гуда стального.
С причала воинственных аэродромов
Любимцы твои отрываются снова,
На север проносятся Чкалов и Громов.

Грохочут грома. Надвигаются тучи.
Москва моя! Сердце вселенной! Пробейся
Бок о бок с пилотами в крутень летучий,
К великому старту великого рейса.

Какое могучее небо над нами!
Как ветер ударил в распахнутый ворот!
Как вольно полощется красное знамя!
Как молод еще этот яростный город!

За это вот знамя под ветром, за годы
Рожденья, и роста, и юности ранней,
За мужество ветреной этой погоды,
За говор предвыборных наших собраний,

За честь, за историю славы народной,
За бури, которые ты подымала.
За труд человеческий и благородный
Мы жизнь отдаем, — но и этого мало!

ЛЕНИНГРАД ЗАТЕМНЕННЫЙ

Синие глаза автомобилей,
Наглухо завешенные окна
В том же городе, где мы любили,
Где когда-то жили мы с тобой.
Напряглись мосты каркасом мощным.
Напряглись прославленные стогна,
И, дыша морозом полуночным,
Вышел город в свой последний бой.

Гордый город! Сколько дум бессонных,
Напряженья, мастерства, и воли,
И упрямства вложено в него
За столетье!.. Так не оттого ли
Выгнулись на яростных кессонах
Мостовые дуги над Невой!

Так не оттого ли на заводах
Невозможен сон, немыслим отдых.
И в домах, в умах, и тут, и там,
Там и тут в минуту роковую
Медный всадник, к правнукам ревнуя,
Мчится за столетьем по пятам.

Вот он в лязг военной непогоды
Входит как механик и сапер.
А земля в сороковые годы
Между тем летит во весь опор.
И влетает между тем планета
В Новый год сквозь вьюжные столбы,
Словно изваянье Фальконета,
Вздернутая нами на дыбы.

Между тем — читатель, вы не знали? —
У поэтов есть домашний круг.
Вот на Грибоедовском канале
Друга ждут. И вот приходит друг.

Тихонов — седой, веселый, скромный, —
Расстегнув ремни и скинув шлем,
Входит в комнату из тьмы огромной,
Усмехаясь, жмет он руки всем.

Говорит, что началась работа
Не простая, что коварен мрак;
Что из маскировочного дота
Снайперски прицеливался враг.

Что в чащобе мины и капканы,
Волчьи ямы, пули из засад...
И тогда сдвигаем мы стаканы
В честь бойца, как двадцать лет назад.

И как будто мы выпили с другом
Из петровского Кубка Большого Орла,
Не пошли наши головы кругом —
Только память ворота свои отперла.

Стройся, город! Красуйся на диво,
Чтоб тебя не обидел никто! Никогда!
Чтобы белые ночи правдиво
Осветили грядущие дни и года!

Чтоб весной, в начале мая,
Лед ломая,
Шла Нева,
Чтоб ответила прямая,
Подымая тост,
Москва.

Чтобы радио мильонам
Разнесло твои слова,
Чтоб легли ковром зеленым
Всем влюбленным
Острова.

Чтоб в Домах культуры честно
Жег «Метелицу» баян.
Чтоб друзья сходились тесно
И готовые к боям.

Чтобы жизнь все лучше, краше,
Круче в гору шла и шла.
Чтоб сама за пирной чашей
Ей слагалась бы хвала.

Наконец, чтобы оратор
Ту хвалу произносил
Не с красой витиеватой,
А в избытке чувств и спл!

ДЖЕНТЛЬМЕН ПРАЗДНУЕТ ЮБИЛЕЙ ШЕКСПИРА

Пустынная черная сцена. Провал,
Где когда-то Шекспир пировал.
В картонных лесах, у дощатого взгорья,
Сводя мирозданье на нет,
Ломал он в метафорах счастье и горе
За несколько медных монет.

Хорошая сцена! Но как же она
Безнадежна и обнажена!
Все на пол повалено в огненной драке.
Все маски с шутов сметены.
Все пусто. И еле мерцает во мраке
Кирпичная кладка стены.

И ты запропал, краснощекий буян!
Ты держал в кулаке океан.
Ты, первый читатель и зритель Шекспира,
Главарь забубенных гуляк, —
Высоко, в разгар трехсотлетнего пира,
Взвился корабельный твой флаг.

Ты ставил на карту в начале игры
Исполинских деяний дары.
Не раз у Вестминстера время звонило,
Когда загребал ты взамен
Немалую прибыль от Ганга до Нила.
Где ставка твоя, джентльмен?

Потом за решетки банкирских контор
Ты припрятал добытый простор.
Сжал тонкие губы, нахохлился зорко,
Соборы и верфи воздвиг,
Соперник Ланкастера, ставленник Йорка,
Торгаш и парламентский виг.

Я вижу тебя и в другие года...
Все огромней твои города.
Все злей и надменней лицо джентльмена,
И вот — перед самым концом —
Такая жестокая с ним перемена,
Как с Йорика мертвым лицом.

Все коды разведок, все шифры держав
Пятернею костлявою сжав,
Ты видишь, что мало и в стерлингах проку,
Что мало и в топках огня,
Что в доках твоих не заклепана к сроку
Линкоров стальная броня.

А в Лондоне дождь зарядил. И свинцов
Горизонт за грядою дворцов.
Никак не узнать по туманам и тучам,
По угольной пыли застав
Веселую Англию с дроком цветущим,
Где пьянствовал рыцарь Фальстаф.

Но, выхвачен фарами, вырастет вдруг
Из тумана бывалый твой друг.
Вот бархатный плащ, и пернатая шляпа,
И шпаги разящий зигзаг...
Но снова дождями он смыт и заляпан, —
Лишь вывески пляшут в глазах.

Ищи его! Гений — не стертый пятак,
Чтобы смыться неведомо как.
Вот хохот райка или шторм, как бывало,
Достиг джентльменских ушей, —
Ищи под мостами, в отребьях подвалов,
За гнилостной глиной траншей.

Ищи, джентльмен! Но не рядом с собой!
Ибо он — океанский прибой!
Владыка пиров, сокрушитель унынья,
Певец, агитатор, силач,
Быть может, гуляет он с докером ныне
И докеру шепчет: «Не плачь!»

Быть может, усталую девушку ту
Провожает иль ждет на мосту.
Но ты берегись, ибо столько терпенья
Ни в чьей не бывает судьбе.
Он вытряхнул все до последнего пенни
На грязную стойку тебе.

И если ты располагаешь опять
Сытно ужинать в замке и спать,
Найми лесника, прикажи ему твердо,
Чтоб новый капкан укрепил:
Гуляет в лесу браконьер из Стратфорда,
Веселый, голодный Шекспир!

ЧЕРЕЗ ПОЛТОРАСТА ЛЕТ ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ

1

Ты приходила маркитанткой — сразу
Протягивала жесткую ладонь.
За острое словцо твое, за фразу
Шли полчища народные в огонь.

Ты приходила точностью учебы,
Расчетливым упрямством мастерства.
Была ли ты разгадана? Еще бы!
Но сколько сил ты стоила сперва!

Чем можешь ты сегодня похвалиться?
Какой ужимкой щегольнешь кривой?
Как праздник свой отпразднуешь, столица,
Ощеренная в драке мировой?

Горят в бокалах тонкогорлых вина.
И, в синеве неоновой скользя,
Так нежно, так замедленно-невинно
Танцуют пары... Их спасти нельзя.

Все это было, было, было. Хватит!
Над звоном лир, над звяканьем монет
Двадцатый век стальные волны катит...
Но ты и эту мощь свела на нет.

Когда дымились кровью Пиренеи,
К Вогезам протянув мильоны рук,
И «юнкерсы» все ниже и вернее
Сужали над тобой зловещий круг;

Когда последний маклер твой, пройдоха,
Последний франк поставивши ребром,
Уже не прятал сдавленного вздоха
И трясся, принимая на ночь бром,

Когда ползла, беря за шкалой шкалу,
В котельном отделенье ртуть войны, —
Какого прикормила ты шакала?
Какой сама объелась белены?

Смотри, как виноградник твой обуглен,
Каким пожаром ветер твой багрим,
Как на разбитой манекенной кукле
Плачевно и смешно размазан грим.

Ты столько знала сказок, так умела
Смотреться в зеркала своей мечты...
Смотри же! Вот она, мертвее мела, —
Та Франция, которой стала ты.

В тот год, когда Бастилию брала ты,
Ты помнишь труб рыдающих мажор,
И вихорь помнишь, свежий и крылатый,
Шарахнувший по лбам твоим обжор?

Он звал тебя любимицей столетья.
Он звал тебя нежнейшим из имен,
Он отдан нашей родине в наследье, —
А у тебя — подделкой заменен.

Где твой огонь, твой смех, твое железо?
В какой золе каких истлевших тел
Рассыпалась на части «Марсельеза»?
Вот все, что я сказать тебе хотел.

2

О народ! Я тебя оболгал.
Ты навек восхищенья достоин,
Угрожающий Цезарю галл,
Работяга, насмешник и воин!

Будь морского прибоя белей,
Сединою сравнись со снегами, —

Справишь ты все равно юбилей
В ярых митингах, в праздничном гаме.

О народ! Этот праздник возник
Не в бахвальстве напыщенных статуй,
Отдает он не затхлой цитатой
Из давно пережеванных книг.

Посмотри на задворки Парижа,
На асфальт этот цвета свинца,
Посмотри, посмотри, посмотри же
На себя, на детей, на отца,

На шофера продрогшего, что ли,
На усталую эту швею...
О республика! В горестной школе
Ты историю учишь свою.

Разгляди по верченью рулеток,
По мигающим буквам реклам,
По тому, как старается хлам
Нашуметь о себе напоследок,

Разгляди, наконец, по всему
Вихревую воронку Начала.
Оцени этих лет кутерьму!
Ça ira!.. И пошло и помчало!

Ça ira!.. В один миг отхватив
Расстояние между веками,
Возникает веселый мотив,
В баррикады слагается камень.

Он в тебе возникает самом,
Тот мотив! Он в тридцатом не прерван,
Не обуглен он в сорок восьмом,
Не расстрелян и в семьдесят первом!

Твой хозяин запрет на засов
Магазин, если слушать не любо,
Если страшен раскат голосов
За дверьми Якобинского клуба.

Может он прихватить чемодан,
Разменять свою честь на валюту,
Ибо первый сигнал уже дан, —
Будет бешено людно и люто!

Справедливого грома язык
Кой-кого раздражает и дразнит,
Но в присутствии туч грозовых
Ты вольнее отпразднуешь праздник!

ВО ЛЬВОВЕ

1

Когда мы увидели львовский вокзал,
Железом истерзанный, ливнями вымытый,
Наш спутник, боец и писатель, сказал:
«Всмотритесь в лицо европейского климата,

Вы знали Европу в безумные годы,
Нарядное гульбище, вспышки реклам.
Всмотритесь же в мертвый оскал непогоды,
В обугленный этот неубранный хлам».

Лихие достались колоннам затрещины.
У каменных дев в завитушках барокко
Грудастые торсы огнем перекрещены,
Глаза обесчещены молнией рока.

Где кариатиды качались гирляндой,
Где окна сияли, афиши висели —
Лишь небо нагое во мгле неоглядной
Решается справить сейчас новоселье.

О, как бесприютна его нагота!
Но все же, товарищ, пройдемся по городу.
Здесь был у торговца расчет на года —
Воспитывать сына, расчесывать бороду.

Здесь прочно стояли костелы и парки.
Здесь люди кичились жилой теснотой.
Посмотрим на пряжу испуганной Парки,
Бежавшей из города осенью той.

Мотается пряжа, повисла, запутанна,
Клоками на шпилях и сучьях, все та же.
Выдь на барахолку, увидишь: и тут она
В поношенном виде — судьба трикотажа.

Все тот же булыжник обшарканных улиц,
Все та же ненастная чахнет погода.
В обратном порядке мы, видно, вернулись
К Смоленскому рынку двадцатого года.

2

Идем на улицу, в вечерний
Людской водоворот.
Вчера он назывался чернью,
Сегодня он — народ.

Народ! Лишь скажешь это слово,
И хлынут в центр толпы
Со всех сторон из тьмы лиловой
Прожекторов снопы.

Там лица в одухотворенной
Тревожной худобе.
Там, зеркалами повторенный,
Кивает друг тебе.

Чудак художник, бедный малый,
Еще зажат в комок.
Жестоко жизнь его ломала, —
Ты быть таким же мог!

А там, в конфедератке смятой,
Ждет продавец газет,
Осипший, маленький, косматый,
Изогнутый, как зет.

А там — шофер, швея с картонкой...
А там встают из тьмы
Зрачок горячий, профиль тонкий...
Кто эти люди? — Мы!

Услышишь ты в шипящей речи
Славянский гул корней,
Все недомолвки братской встречи
Договорятся в ней.

БРОНЗОВЫЙ ПОЭТ

1

...А там, на цоколе гранитном, сдвинув
Седые брови, смотрит сквозь туман
Один из самых чистых паладинов,
Чье имя — горечь, гнев, самообман.

Сын божества, сын века, сын народа
Иль пасынок у этих трех отцов,
Пророк в змеиной коже Валленрода,
Он гулкой бронзой стал в конце концов.

И тут его бессмертье и настигло!
Бесплотное, беззлобное дитя,
Он выстоял Пилсудского и Смиглу,
В руках перо гусиное вертя.

И вот, покрытый прозеленью, в дыме
Косых дождей, не по-людски красив,
Он ни о чем не спорит с молодыми.
Встречает нас, и сесть не пригласив...

Так и стоим на площади. Но горе!
Ему простерла жестяной венок
Одна из тех всесветных аллегорий,
По чьей вине и был он одинок.

Как эта женщина? Шляхетка Польши,
Любовница, законная жена?
Быть может, и не существует больше
Людская власть, что в ней отражена?

Мы шли не к ней, ясновельможной панне.
И — выскажемся все же до конца:
Мы — лучшая из мыслимых компаний
Для польского народного певца!

2

Я польскому интеллигенту
Напомню быль, а не легенду.
Она не так уже стара:
Как под одним плащом два брата,
Два гения, два демократа
Сошлись для вечного возврата
У медной статуи Петра.

Век начинался. «Марсельеза»
Смолкала в грохоте железа.
Был многим век обременен.
Еще раскаты гроз не стихли.
А эти юноши постигли,
Что плавится в железном тигле
Свобода будущих времен.

Мицкевич с Пушкиным! Сегодня
Над европейской преисподней
Их речи вольные слышны.
Они сквозь мрак осатанелый
Глядят возвышенно и смело.
И, значит, — *Польска не сгинела*,
Она сестра моей страны.

ДЕНЬ КРАСНОЙ АРМИИ

Крепчает наш мороз. Гудят в железной вьюге
Заиндевелые тугие провода.
Мы вглядываемся: на севере, на юге,
На западе черно. Черно, как никогда.

Легли пред нами карт знакомых очертанья,
Куски материков, синь океанских волн.
Вот он, враждебный мир, готовящийся втайне
К смертельному прыжку. Он ненависти полн.

Уже не первый раз он назван и опознан —
Большой банкирский дом в стальных решетках касс,
Старинный арсенал, что рано или поздно
Из окон выставит все пушки напоказ.

Уже не первый год мы смотрим в эти окна...
Там в желтом блеске ламп орудуют враги,
Пробирки звякают, растворы ядов мокнут,
Гноится и горит бессонный глаз карги.

Ну что ж! Мы будем жить, не прячась и готовясь,
Пока лавинный гул в ночи не сорвался.
Мы о Германии расскажем детям повесть,
В которой блещет Рейн, светло шумят леса.

Мы принесем к себе Германию такую,
Как связку милых книг, замаранных в крови,
Припомним, перечтем, полюбим, потолкуем
Опять «о Шиллере, о славе, о любви».

За ту Германию с другой мы будем драться,
За слово Гуттена в крестьянской старине,
За Гейне юного, за конченое братство,
За все, что сожжено в фашистской стороне.

Так! А до той поры, рубильник подымая,
От рычага грозы не отнимая рук,
Мы будем жить и ждать. И эта тишь немая
Работает на нас, как самый верный друг.

Мы каждый вздох ее и каждый выдох слышим.
Мы к небу возвели просторный гулкий дом.
Мы временем полны, как песней. Чем мы дышим? —
Простором. Правотой. Покоем. И Трудом.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Европа! Кровь твоя
В моих струится венах.
Европа! Мысль твоя
Горит в моем мозгу.
А весь мой долг тебе —
В проклятьях откровенных.
Лишь в этом отказать
Тебе я не могу.

Прощай, прощай, прощай,
Великая, тупая,
В огне ста тысяч вольт,
В чеканке и резьбе!
Вернешься ль, победив,
Падешь ли, отступая, —
Ты гибнешь все равно.
Час только жить тебе.

Ты гибнешь. Вот они,
Все книги, все музеи,
Все школы, все гроба,
Весь пурпур на пирах,
Все, перед чем вчера
Торчали ротозеи,
Все, что скопила ты, —
Растоптано во прах.

Все! Ни семейных льгот,
Ни купленных отсрочек,
О, даже песни нет,
Какой бы ты могла
Урвать от времени
Летящего кусочек,
Лоскут старинного
Домашнего тепла.

Когда же ты пойдешь
От вывороченных рельсов,
Седая, жалкая,
С толпой нагих ребят,
И грубая зима
Отвергнет погорельцев,
И штормы всех морей
Вам гибель протрубят, —

Тогда приди сюда!
Мы знаем соль и горечь
Слез, за которые
Заплачено сполна.
Мы окружим тебя
Стеной народных сборищ
И морем голосов,
Где каждая волна
О будущем поет.
Ты нас не переспоришь!

Мы — человечество,
Каким ты стать должна.

ЖИЗНЬ ПОЭТА

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Опять я здоров. И опять я в бреду.
И в топку потухшую дую.
Один, наконец-то один проведу
Ночь, мрачную и молодую.

Мой старый рисунок травил купорос.
Все плоскости разом сместились.
А я у дождей и плохих папирос
Учился их смутному стилю.

Стиль создан. Осталось поставить клеймо
На прошлом. И баста. И росчерк.
Я вижу: с годами и время само,
И чувства становятся проще.

Я НЕ КОЛДУН

Я не колдун, и не скелет,
И не актер. Мне тридцать лет.
Мне десять тысяч дней.
Поют в театрах. Спят в домах.
Жизнь рада, что поэт впотьмах
Увидел сон о ней.

Спи, милая! Не знаешь ты,
Как буря черной красоты
Твоей мне дорога.
Собакой, лампой, ветром будь,
Чем хочешь иль хоть чем-нибудь, —
Спи, жизнь! Я твой слуга.

Я говорю с тобой, как ритм,
Как с паром поршень говорит,
Как с женщиной глупец,
Как с молнией громоотвод,
Как Гамлет с призраком... И вот
Все сказано. Конец.

РЕМЕСЛО

Вне сильных чувств и важных категорий,
Без бурных сцен в сиянье тысяч свеч,
Неприбранное будничное горе —
Единственная стоящая вещь.

Одень ее в шелка или в железо,
Дай ей одно иль множество имен,
Какие там подробности ни лезут,
Но если ты несчастен и умен,

И если звон последних медных денег
Знаком тебе, и вышел твой табак,
И если так пошло твое паденье,
Так мешкотно и незаметно так...

Тогда не спи всю ночь. Крепись, товарищ!
Еще не все потеряно. Еще
На собственной золе ты песню сваришь,
Чтобы другим дышалось горячо.

Ты будешь весь в поту, в соленой пене —
Не человек, а отданное в рост
Немое, медленное упоенье
Тумана, ветра, времени и звезд.

Ночь бредит рынком, руганью и рванью.
Чужая жизнь! В ней места нет двоим.
Но есть у ночи это дарованье —
Казаться собеседником твоим.

ОБРУЧЕНИЕ

В ту полночь комната была махиной
Пограндиозней, чем врата Микен.
В его ушах она шумела хиной
И музыкой, не сложенной никем.

Но он решил прислушаться вначале
К возникновенью полной тишины,
Найти слова, которые молчали,
Но молодости были бы слышны.

А девушка, чей смех и чья походка
Ему приснились в бредовом дыму,
Вдруг ожила! Но это не находка.
О, радость! Но и это ни к чему.

Она казалась выдумкой нарядной
В алмазных брызгах света. И тогда
Ее вообразил он ненаглядной,
Спросил: «Согласна?» И услышал: «Да».

Искусство! Смутная подробность ночи,
Случайная разгадка иль предлог
Для чьих-то слез и чьих-то многоточий
В любой из наших каменных берлог.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Шли годы. Мне казалось: так и надо.
Но в мире каждый атом изнутри
Бомбардирован стойкой канонадой.
И — снова ночь. Весна. Светает в три.

И сколько бы лицо ни искажалось
От слез, и книг, и лет, и неудач,
Есть окончательная возмужалость.
Она придет и скажет: «Не нудачь!»

Она придет и скажет: «Я такая,
Что стоит жить, не дорожа собой,
Что стоит, ничему не потакая,
Быть вровень с правдой, временем, судьбой.

Она — дитя дыханья и простора,
Дочь воздуха, земли, воды, огня.
Она — внезапно поднятая штора
В той комнате, что мучила меня.

К МОРЮ

Я знал тебя, твой дальний глазомер,
Твои названья — море, mare, mer,
Мне в детстве снился голос твой недобрый,
Весь материнский мрак твоих дремот
И стук пустынных доков, где ремонт
Клепал судов чудовищные ребра.

Шла молодость. Твой облик был похож
На жирный лак асфальта, мокрых кож,
На чад харчевен, где висят на крючьях
Окорока, лоснятся бурдюки,
Хрипит фагот и злобствуют смычки,
Хлеща в лицо дождями брызг колючих.

Ты грызло гравий и ползло ко мне
Громадой мусора, медуз, камней,
Двоясь в глазах как бы от невниманья.
И мир опять был путан и широк.
И мы встречались тайно, между строк
В пиратском неоконченном романе.

Я шел с любимой мимо влажных скал
Тавриды. Твой неясный гул искал
Мелодии хотя бы бессловесной,
Но равной по дыханью. С той поры
Прошли столетья. Кончились пиры
Природы обезбоженной. Известно,

Разобрано или разбито вдрызг,
Рифмовано вплоть до мельчайших брызг,
Ты спишь иль притворилось только спящим.
И только вспоминаешь те года,
Когда моей любимой нагота
Дробилась в зеркале твоем слепящем...

И таяли медузы. И песок
Их всасывал. И чей-то голосок
Плыл по волне и вторил ей в миноре.
И лишь акцент чужого языка
Звучал, как звон цикад издалека,
Как звон в ушах, как время и как море...

ЕСЛИ БЫ

Если бы я верил в бога,
Я сказал бы в эту ночь:
— Боже, боже, как убого
Все, чем можешь ты помочь!

Бог, когда-то всемогущий,
Как ты немощен и вял!
Разве так в Синайской куще
Этот пламень бушевал?

Сам я справлюсь, без Синая,
С жизнью жаркою моей.
До краев полна земная
Весен, девушек, морей,

Счастья, бед, работы... Словом,
Без тебя я проведу
Праздник в пурпурном, лиловом
Человеческом аду.

Лишь одним я озабочен —
Эту жизнь прожить до дна.
Хороша? Поверь, что очень!
Тем, что, как ни кинь, одна.

Химик, летчица, геолог,
Металлург, солдат, пастух, —
Наше пиршество, наш голод,
Наших пульсов жадный стук...

Спи, старик, в погасших звездах,
В комментариях ханжи!
Мы — земля, огонь, и воздух,
И вода — не верим лжи.

МНЕ СНИЛСЯ

Мне снился вьюжный молодой декабрь,
Нагих полей и рек самоуправство,
Прощанье наше, копоть канделябр,
Последний вечер сказочного графства.

Мне снился лай, и порсканье в лесах,
Паленой хвои запах, и поляна
Косматых пней. И поиски без плана.
И дым костра, висящий в волосах.

Мне снилась ты в невыносимой дали.
И сломан смехом был твой милый рот.
А снилось мне, что все наоборот,
Что мы с тобой столетье не видались.

ИСКУССТВО

1

Канат натянут, как струна.
Дощатый трап скрипит.
Кильватерная быстрина
Беснуется, кипит.

Крутой зеленый кипяток
В прожилках серебра, —
О, жгучий жизненный поток,
Бегучая игра!

Учись, художник!
                                        Вот опять
Сверкает зыбь, скользя.
Учись любить! Учись не спать!
Смотри во все глаза!

Смотри, как пляшут волны те,
Когда их гонит вихрь, —
Будь им подобен в чистоте
Намерений своих!

2

Раньше я считал, что так
Начинается искусство:
Населяет снами густо
Свой таинственный чердак.

Тут-то, думалось, и сесть
За работу! Ведь известно, —
Чтоб словам, мол, было тесно,
Мыслям же — простор и честь.

Но рисунок мой дождем
Длинным наискось зачеркнут,
Но в его подтеках черных
Я опять не убежден.

В мире часу не прожив,
Я тащу, как хвост павлиний,
Свиту спутавшихся линий,
Даром давшихся, чужих.

Ничего не вышло! Вы
Так стремительно, беспечно
Обернулись первой встречной
На любом углу Москвы.

Вы мне скажете: — *Я та.*
Очевидно, ты *не этот.* —
Это ваш всегдашний метод,
Он придуман неспроста.

Но уже проходит ночь,
Недомолвкам потакая, —
Совершенно не такая,
Что могла бы нам помочь.

3

Я проходил по жгучему асфальту,
По ярким паркам и камням нагим.
Я по утрам прислушивался к альту
Сирен, вопивших свой прощальный гимн.

Я видел жизнь во всей красе и силе,
Как будто боги, если есть они,
Меня к застольной чаше пригласили
Под сень чинар, на пиршество родни.

И если мне дано проснуться старым
Иль вовсе не проснуться через час,
То я одним только священным даром
Решаюсь похвалиться не кичась:

Вот, вот она, как первородный признак,
Струящаяся словом изо рта;
Единая на свадьбах и на тризнах,
Всепроникающая доброта.

Ключ ясных формул к жизни не подобран.
Но как ни бейтесь с формулами вы,
Мир завтра будет праздничным и добрым
И совершенным с ног до головы.

4

Стихи придут под марш прибоя,
Простые, грубые, — пускай!
Возьми их, море голубое,
Возьми и по свету таскай!

Куда угодно, хоть в Скутари
Или на байроновский Крит.
Пускай хоть на чужой гитаре
Их бедный звон перегорит.

Ничьей игры не стоят свечи.
Одна на свете дорога
Волна тревоги человечьей,
Что моет мира берега.

5

Когда, ища любого корма,
Любым обличьем стать должна
Еще неслыханная форма
И ждет художник: что ж она
Не проявляет нетерпенья?
Он тщетно ждет. Он должен сам
Пройти все тяжкие ступени
Из тьмы к строительным лесам.

Свое лицо он даст созданью,
Три смерти вытерпит сперва,
Чтоб заплатить смертельной данью
За каждый проблеск мастерства.

6

Опять в молчанье южной ночи
Жучков светящихся полет.
Опять дыханье что есть мочи
Жизнь нескончаемую пьет.

Опять громадный гимн прибоя,
И скрежет гальки под ногой,
И утро мира голубое
В улыбке девушки нагой.

Опять весь день дрожит от блеска,
В свирепой зелени вися,
Нетленная седая фреска,
Глазам распахнутая вся.

И что́ сползанье красок тусклых,
Что́ ускользанье прочных форм,
Когда ручьи в кремнистых руслах
Ненасытимо ищут корм,

И рвутся к маленьким аулам,
С отвесных прядая крутизн,
И борются с могучим гулом
За нескончаемую жизнь!

Здесь человек не очарован,
Но заживо и навсегда
По-лермонтовски вмонтирован
В рожденье рек, в движенье льда.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Друзья! Мы живем на зеленой земле.
Пируем в ночах. Истлеваем в золе.
Неситесь, планеты, неситесь,
Неситесь!
Ничем не насытясь,
Мы сгинем во мгле.

Но будем легки на подъем и честны,
Увидим, как дети, тревожные сны, —
Чтоб снова далече,
Целуя, калеча,
Знобила нам плечи
Погода весны.

Скрежещет железо. И хлещет вода.
Блещет звезда. И гудят провода.
И снова нам кажется
Мир великаном,
И снова легка нам
Любая беда.

Да здравствует время! Да здравствует путь!
Рискуй. Не робей. Нерасчетливым будь.
А если умрешь,
Берегись, не воскресни!
А песня?
А песню споет кто-нибудь!

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Садись в ночной трамвай, спеши к вокзалу,
В грохочущую расставаньем залу,
В лязг буферов и сцепок. Там Москва
Кончается. Там дышит ночь пространством,
Тревожным и ненасытимо страстным,
Дождем и ветром дышит. Там слова
Прощальные едва догонят поезд.
Нам их в пути подскажет кто-нибудь.
Садись, о багаже не беспокоясь.
Пока ты жив, пока ты молод — в путь!

Не опоздай! Так много в жизни дела.
Я стольких городов не доглядела,
Я до республик стольких не дошла,
Важнейших книг не дочитала за день,
Нужнейших слов не досказала. Жаден
Прошедший час, — всем будущим хвала!
И вот страна встает в могучем дыме:
Цистерны с нефтью, провода, мосты.
Там были мы и будем молодыми,
Мы оба, — понимаешь? — Я и ты.

Все доскажу. Меня не переспоришь!
Ворвутся в окна крики людных сборищ,
Неотразимых лозунгов слова,
Рев рупоров и самолетов клекот,
И трубных маршей гул, и так далеко,
Так отовсюду слышная Москва.
Багряными знаменами сверкая,
Пройду я рядом в праздничной гульбе.
Иди за мной!
— Так кто же ты такая? —
Я буду песней. Я пришла к тебе.

Вот я стучу в окно твое крылами.
Возьми меня, летучую, как пламя,
Всю сразу, с сердцевинкой голубой.
Сложи меня из лучших слов на свете.
Как мне тебя услышать?
— Слушай ветер! —
Как быть тебя достойным?
— Будь собой! —
Вставай же и на голос протруби мой,
Чтобы звучал он как сигнал в бою!
Как мне назвать тебя?
— Своей любимой. —
Как сохранить?
— Как молодость свою.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Михаилу Матусовскому

Желто-зеленый пир полуденного ската,
Литавры горных гроз, тяжелый шар заката,
Катящийся в туман, бессонная тоска
Серебряных валов, их взрывы и шипенье,
Их тщетная гоньба и умиранье в пене
На жгучей отмели пологого песка.

Блестящий, жесткий лавр, платан широколистый.
Орешник, ропщущий на крутизне скалистой.
Весь мир, весь яркий мир, — с прибоем, крутизной,
Цветеньем, грозами, — войди в меня, наполни
Мою глухую речь внезапным блеском молний,
Фосфоресценцией горячей и сквозной.

Жить, беспредельно жить! Трудясь, мечтая, мучась,
Дыханьем заплатить за творческую участь,
Смотреть без ужаса в глаза ночных стихий,
Раз в жизни полюбить, насмерть возненавидеть,
Пройти весь мир насквозь, —
и видеть, видеть, видеть...
Вот так, и только так, рождаются стихи.

ВЕСНА НА АВТОЗАВОДЕ

1

Ты здесь начнешь. Ты здесь родишься снова,
Упорный, чистый, знающий себя,
И в поисках единственного слова
Не будешь спать, полночи загубя.

И в хлопьях снега, в этих грубых, мокрых,
Весенних ветрах, что слезят глаза,
В ночных гудках — на весь приволжский округ
Навеки проголосовавший за,

Во всем, что в память врезалось и встанет
Когда-нибудь тревожно и свежо,
Во всем, во всем, чему еще конца нет, —
Все та же встреча с юностью чужой.

Она придет, веселая, простая.
И сколько бы ни написал ты книг, —
Ты скажешь, вровень с нею вырастая,
Что не учитель ей, а ученик.

Возьми ее, чтоб сделать вещь из глины,
Чтоб спеть ее, — единственную ту, —
В тончайшем совершенстве дисциплины
Набравшую в полете высоту.

Есть в жизни человеческой минута,
Когда и жизнь как бы не начата:
Все — музыка. Все — молодая смута,
Все — прошлому не друг и не чета.

Есть, наконец, такой предел, по счастью,
Когда твоя неправильная жизнь
Становится рабочей, нужной частью.
Держись за часть. За молодость держись!

2

По асфальтовым черным шоссе,
По колдобинам грязи весенней
Узнаю тебя в ранней красе,
Недотрога моя и спасенье!

Узнаю тебя в мглистых полях,
В этом воздухе, свежем и тонком,
В сбитых на сторону колеях,
Что па милость сдались пятитонкам.

Это там, где поют поезда,
Где вздыхает Ока ледяная,
Это ты, слюдяная звезда,
Может быть, и Венера, — не знаю.

Вот уже и апрель. Это ты,
Беспокойная, чистая просинь,
Рождена для любой высоты,
Для неведомых будущих весен.

Тонкий в далях разносится стон
От руки твоей, ладной и смуглой.
Сколько вольт у тебя, сколько тонн
Молибденовой стали и угля...

Сколько музыки в статной твоей
Лебединой заволжской породе...
О, цвети, расцветай, лиловей,
Выйди в круг плясовой при народе!

И как грянет баян вперебор,
Как зачешет, вертя полвселенной,
И как станут тебе с этих пор
Времена и моря по колено, —

Лишь бы воздух остался в груди,
Лишь бы ближе к тебе, лишь бы рядом,
Лишь бы знать, что вон там впереди
Ты — с горячим, смеющимся взглядом!

3

Я хочу, чтобы курьерский поезд
Мчал тебя, за сотни верст, гудя,
Ни о чем другом не беспокоясь,
Кроме как о музыке дождя,

Чтобы ты всю ночь не задремала
Под бессонный стук его колес;
Чтобы за окном мало-помалу
Рассвело сквозь ливень бурных слез;

Чтобы рано утром на вокзале,
Встретившись после такой зимы,
Ничего друг другу не сказали
И все сразу поняли бы мы;

Чтобы в тот единственный, единый
Ранний час приезда твоего
По Оке прошли со звоном льдины,
Справила природа торжество

Рыжим снегом, синими лесами,
Бестолочью птичьей мелкоты...
Остальное мы доскажем сами,
Будь мы даже немы, — я и ты!

ПОЛЕТ СВЕТЛЯКОВ

Сон Летней Ночи! Факелов пыланье
В листве ночного парка. Словно там
Шекспир за нежной и строптивой ланью
Со сворой гончих рыщет по пятам.

Трубят рога метафор! Это снова,
Вся в изумруде стрекозиных крыл,
Титания влюбляется в Основу,
Едва Шекспир о нем заговорил.

Вот, вот она — запенилась в стакане!
Вот, вот она — в полете светляков,
В полете брачном! Вот ее мельканье!
Весь звездный танец, может быть таков...

Но разве не мохнаты ели в чащах,
Полнеба не луною залито
И флейт ночных, заливисто звучащих
По всей земле, не слушает никто?

Ни флейт, ни нежных скрипок, ни гобоя?..
Сон Летней Ночи! Для чего же ты
Вторгаешься под гулкий марш прибоя
В теснину человеческой мечты?

Еще тебя сырым дождем прохватит
И скрючит в три погибели заря.
Еще тебе и денег не заплатят
И скажут, что привиделся ты зря.

Уйдет Шекспир с открытой летней сцены...
Потом, когда шаги его замрут,
В траве погаснет маленький, бесценный
И никому не нужный изумруд.

АППАССИОНАТА

Бывало,
Что ты ликовала
Не смехом,
А горным заливистым эхом
Обвала
И пеной речушек, рожденных в горах,
Да треском ракушек, размолотых в прах.

Бывало,
Вселенную рвало,
Как женщин, понесших впервые,
Лишь только отребья твои ветровые
Завертятся в танце
Арктической стужи, —
И тут же,
Мешаясь с мышиными визгами радиостанций,
Неслось напоследок с полярного льда:
«Прощай! О, прощай навсегда!»

То были зимовок огромные ночи,
То было в последней ночи бредовой, —
Закрылись бессонные зоркие очи,
А ты на рассвете проснулась вдовой.

Чего не случалось в пути с человеком!
Я странствовал по свету, страшно спешил,
Шутил и беседовал запросто с веком,
Трудился на совесть и водку глушил.

А помнишь?.. Когда это было, не знаю,
Характер ли мой или так, баловство, —
Одна оставалась мне тема сквозная —
Три ноты звучащих, и только всего.

И вот, в полнеба вырастая,
Победная тема звучит опять,
Молниеносная, простая,
Такая, что ни работать, ни спать.

Так если ты мне даешься в руки,
Я знаю, что мне делать с тобой.
Я знаю цену этой муке,
Которую зовут судьбой.

Я знаю тебя от начала до края,
Во всех переливах звучанья, когда,
Сквозь перья полярных сияний играя,
Ты блещешь в зазубринах вечного льда.

И смотришь в глаза, и смеешься, и губишь,
И, кажется, любишь, а может, и нет.
И снова аккорды финальные рубишь,
Чтоб им прозвучать через тысячу лет.

«Прощай! О, прощай навсегда!» И как будто
Не я моей милой «прощай» прокричал,
А после сонаты, в полнеба раздутой,
Последние штормы срывают последний причал.

И к черту на рога плывут линкоры.
Вот и пошла гармония ко дну!
Прощай, прощай! Наверно, очень скоро
Я буду слышать только тишину.

Но если так прерывист и неровен,
Неровен и прерывист этот ритм,
То, задрожав, прислушался Бетховен,
Какое ликованье в нем царит.

И он, едва-едва коснувшись клавиш,
Вдруг как ударит всею пятерней!
И сколько ты ни вьешься, ни лукавишь,
Какой девчонкой ни была б дрянной, —

Тебя он на столетье вызвал к жизни!
Оправленная в золото и дым,

Лишь только ты священным звоном брызнешь,
Лишь только смехом встретишь молодым,

Лишь только вспыхнешь, Аппассионата, —
Так бы и слушал, даром жизнь губя...
А жаркий труд, а нежность, а весна-то?
Все, что ни есть, — все только для тебя.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Мой мир уже кончен.
Ее последние слова

Твой мир — это юность в сыром Петербурге и куча
Сестер и братишек, худых необутых ребят,
Которые учатся рядом и, книгой наскуча,
Всеобщую няньку, большую сестру, теребят.

Твой мир — это мы, твои дети в кроватках, когда мы
Росли, и когда ты была молода, и когда
На пачку ломбардных квитанций, на сумочку дамы,
Не очень зажиточной, смутно глядела беда.

Твой мир — это зимы и весны, Некрасов и Чехов,
И жажда быть с нами, и мужество быть молодой.
Твой мир — это письма мои. И как будто, уехав,
Тебя напоил я живой, а не мертвой водой.

Твой мир — это годы болезней. Потом ты ослепла.
И он обеднел — ограниченный, тусклый твой мир.
Потом ты скончалась. И горсть безымянного пепла
Не столь драгоценна как будто — но все же кумир.

А самое горькое в том, что стирается горечь,
Стирается горькая память и мчатся года.
И что тут сказать, если этого не переспоришь!
Вот старость подходит, а ты не придешь никогда.

Но я не сдаюсь. Я хочу безнадежно и прямо
Выспрашивать у наступившей тогда черноты:
Зачем называется «молнией» та телеграмма,
Та, черная, рядом с которой немыслима ты?

Тебя уже не было. Где-то чужие старухи
Тебя одевали. Накрапывал, может быть, дождь.
Кишели в могилах блестящие черные мухи.
Вселенная знала свою беспощадную мощь.

Но это пустяк. Я приеду с тобою проститься.
Я не опоздал — мы у времени оба в гостях.
А ты превратишься в золу, в дуновение, в птицу...
Но это пустяк. Расстоянье меж нами — пустяк.

НАКАНУНЕ

Согрейся у этих приморских камней,
У этих неярких и ровных огней!

Согрейся дыханьем с возлюбленной рядом,
Пока она смотрит младенческим взглядом.

Согрейся! Еще есть надежда. Еще
Так близко, так близко рука и плечо.

А где-то смеются, и плачут, и пляшут,
И письма нам пишут, и шляпами машут.

И мирная зелень еще не красна
От пятен того дорогого вина,

Которое завтра прольется так щедро.
Отдайся прохладе приморского ветра

Всей горечью губ и дрожанием век,
Пока ты еще на земле, человек!

Пока не замерз во вселенной, — согрейся
За четверть часа до последнего рейса.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС

Как с первою женщиной, страшно чужой,
Встречал ты когда-то зарю,
Как юные годы летят над душой, —
Опять я тебе говорю.

О, слушай! Ты будешь метаться опять,
Моложе и злей, чем тогда,
Письмо перечитывать, ночи не спать...
Но это еще не беда.

Ты в поисках где-то забытого сна,
Когда-то любимой души.
О, слушай, как жизнь велика и трудна!
О, слушай! О, плачь! О, спеши!

ОКОНЧАНИЕ КНИГИ

Во время войн, царивших в мире,
На страшных пиршествах земли
Меня не досыта кормили,
Меня не дочерна сожгли.

Я помню странный вид веселья, —
Безделка, скажете, пустяк?
То было творчество. Доселе
Оно зудит в моих костях.

Я помню странный вид упорства —
Желанье мир держать в горсти,
С глотком воды и коркой черствой
Все перечесть, перерасти.

Я жил, любил друзей и женщин,
Веселых, нежных и простых.
И та, с которою обвенчан,
Вошла хозяйкой в каждый стих.

Я много видел счастья в бурной
И удивительной стране.
Она — что хорошо, что дурно,
Не сразу втолковала мне.

Но в свивах рельс, летящих мимо,
В горячке весен, лет и зим
Ее призыв неутомимый
К познанью был неотразим.

Я трогал черепа страшилищ
В обломках допотопных скал.
Я уники книгохранилищ
Глазами жадными ласкал.

Меж тем, перегружая память,
Шли годы, полные труда.
Прожектор вырубал снопами
Столетья, книги, города.

То он куски ущелий щупал,
То выпрямлял гигантский рост,
Взбирался в полуночный купол
И шарил в ожерельях звезд.

И, отягчен священной жаждой,
Ее сжигающей тщетой,
Обогащен минутой каждой,
По вольной воле прожитой,

Я жил, как ты, далекий правнук!
Я не был пращуром тебе.
Земля встречает нас как равных
По ощущеньям и судьбе.

Не разрывай трухи могильной,
Не жалуй призраков в бреду.
Но если ты захочешь сильно,
К тебе я музыкой приду.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

РАННЕЕ, 1916—1926

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

СУМЕРКИ ТРАГЕДИИ

НЕТЕРПЕНЬЕ

БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ

ПУШКИНСКИЙ ГОД

ПРЕДПОЛЬЕ

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Павел Григорьевич Антокольский
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том первый

Редактор
Л. Красноглядова
Художественный редактор
Ю. Боярский
Технический редактор
В. Савкевич
Корректоры *Р. Пунга* и *А. Юрьева*

Сдано в набор 16/X 1970 г. Подписано к печати 12/II 1971 г. А04013. Бумага типографская № 1. Формат 84×108 1/32. 16,5 печ. л. 27,72 усл.-печ. л. 19,815+ +1 вкл.=19,865 уч.-изд. л. Заказ № 822. Тираж 50000. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Художественная литература», Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евг. Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский пр., 29.